И. П. Мордвиновъ.

371.8
М 792

КАКЪ УСТРАИВАТЬ

ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ

ЕЛКИ, ПРАЗДНИКИ и ЮБИЛЕИ?

СБОРНИКЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ УКАЗАНІИ И СТАТЕЙ ДЛЯ РОЛЕВОГО ИСПОЛНЕНІЯ.

Цѣна 1 руб.

Изданіе 2-ое.

ПРОВЕРЕНО 1336 г.
БИБЛИОТЕКА МГПИ им. К. ЛИБКНЕХТА

Т-во „Петербург. Учеб. Магазинъ“ въ СПБ.
(Петерб. ст., Больш. пр., д. № 10.)
1912.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Государственная библиотека
СССР имени Ленина
№ 233411

Типографія Ю. Н. Эрлихъ (вл. А. Э. Коллинсъ), М. Дворянская, 19.

I. Практическія замѣтки и указанія устроителямъ праздниковъ.

За послѣднее время въ педагогической печати развилась цѣлая литература по вопросу о школьныхъ праздникахъ; появляются статьи, замѣтки, письма, хотя трактующія не одно и то-же, но свидѣтельствующія объ одномъ, что развлеченія такого рода, какъ праздники для дѣтей, въ высшей степени желательны въ начальной школѣ и возможны даже при самыхъ ограниченныхъ средствахъ.

И дѣйствительно, устройство такихъ праздниковъ имѣетъ громадное значеніе для ихъ ближайшихъ участниковъ—дѣтей. Праздникъ, доставляющій дѣтямъ веселое и вмѣстѣ съ тѣмъ небезполезное развлеченіе, вноситъ въ школьную обстановку оздоровляющую струю оживленія, общей неподдѣльной радости и захватывающаго интереса. Не разъ уже засвидѣтельствованы факты, что впечатлѣнія отъ устройства какой-нибудь школьной елки или весенней прогулки надолго служили ученикамъ предметами дорогихъ воспоминаній.

Для народныхъ учителей не составляетъ секрета то обстоятельство, что деревенскія дѣти внѣ школьной жизни нерѣдко пользуются удовольствіями совершенно непозволительными и неподходящими къ ихъ возрасту: они посѣщаютъ вечеринки (бесѣды, посидѣлки), гдѣ пляшетъ и забавляется молодежь; тамъ пріучаются забавляться по образцу взрослыхъ, перенимаютъ циническія выходки и пѣсни парней, входятъ въ интимную сторону отношеній молодежи въ качествѣ, напр., посыльныхъ за водкой, передатчиковъ или шпіоновъ по такъ-называемымъ сердечнымъ дѣламъ и т. п., наконецъ—составляютъ необходимую принадлежность святочныхъ, не всегда

цензурныхъ игръ, въ которыхъ постоянно являются стороною страдательною.

Отвлечь школьниковъ, да не только школьниковъ, а по возможности и всѣхъ деревенскихъ дѣтей, отъ подобнаго рода удовольствій, развращающихъ дѣтскую душу,—вотъ одна изъ задачъ начальной школы и учрежденій, способствующихъ духовно-нравственному развитію народа, каковыми являются, напр., общества трезвости. Разрѣшается же эта задача лишь однимъ путемъ—устройствомъ противовѣса деревенскому веселью въ видѣ веселья дѣтскаго.

Подготовленія къ праздникамъ даютъ дѣтямъ возможность примѣнить къ дѣлу свои способности. Убранство елки, декорированіе комнаты, устройство сцены, разучиваніе пѣсенъ и пьесъ для чтенія и представленія, рисованіе, — каждое изъ этихъ дѣлъ, требующихъ искусства и вкуса, вызываетъ къ себѣ наиболѣе способнѣйшихъ дѣтей, какъ мастеровъ, а остальныхъ, какъ поучающихся подмастерьевъ. Извѣстно, что чѣмъ чаще примѣняются способности, тѣмъ болѣе онѣ совершенствуются. Такъ и въ данномъ случаѣ приготовленія къ празднику проходятъ для участниковъ не безъ пользы: подготовка и, наконецъ, слѣдующее за нею выполненіе программы праздника вліяетъ и матеріаломъ и обстановкой на развитіе эстетическаго чувства у учащихся; исполнителей же программы заставляетъ совершенствоваться въ искусствѣ правильно говорить, выразительно читать, съ чувствомъ пѣть.

Благодаря такимъ праздникамъ, мало-по-малу въ дѣтской душѣ начнутъ просыпаться запросы болѣе высшаго порядка, чѣмъ тѣ, которые вырабатываетъ среда; смутные, неоформленные вначалѣ, они вырастутъ вмѣстѣ съ ребенкомъ и поведутъ его отъ кабака и посѣдки въ благородную область наслажденій умной бесѣдой, полезной книгой, произведеніями искусства.

Таково значеніе дѣтскихъ праздниковъ для учениковъ начальной школы и вообще для деревенскихъ дѣтей. Для классной же жизни въ частности, надо добавить, они еще полезны тѣмъ, что даютъ матеріалъ для интересныхъ и содержательныхъ письменныхъ работъ.

Праздники имѣютъ и для учителя значеніе ничуть не меньшее, чѣмъ для ученика. Они даютъ ему средства сблизиться съ учениками, наблюдать ближе ихъ наклонности, особенности характера, обстановку домашней жизни; а познаніе учениковъ—великая вещь. Нѣтъ надобности объяснять, что чѣмъ болѣе извѣстна натура даннаго субъекта, тѣмъ большее вліяніе на него можно оказать. Ученики — это молодая Русь, на которую наставники въ отношеніи развитія добрыхъ чувствъ, высшихъ запросовъ и любви къ труду и истинѣ должны вліять особенно сильно. Если эта молодая Русь вырастетъ и обманетъ учительскія надежды, то учитель-же и виноватъ будетъ, что не позаботился изучить ее хорошенько тогда, когда представлялся къ тому удобный случай, и не воспользовался плодами подобнаго изученія для воспитательныхъ цѣлей.

Главнѣйшими дѣятелями на праздникѣ должны быть сами дѣти; учитель или руководитель только направляетъ ихъ и самъ участвуетъ во всѣхъ отдѣлахъ праздника, какъ старшій, не стѣсняя свободы младшихъ.

Надо всегда имѣть въ виду, что школьный праздникъ устраивается *исключительно для дѣтей*. Какъ ни проста эта истина, ея, однако, многіе еще не могутъ уяснить себѣ; нѣкоторые учителя, устраивая праздникъ, менѣе всего блюдутъ дѣтскіе интересы: предоставляютъ первыя мѣста въ школѣ посторонней публикѣ, приноравливая для послѣдней даже и чтебный матеріалъ; стараются для чего-то блеснуть, кому-то угодить, выдѣлиться, устроить выставку школы. Такая постановка дѣла не должна быть терпима въ народной школѣ. Разъ праздникъ устроенъ для дѣтей, то дѣтямъ и должны быть предоставлены и лучшія мѣста, и свобода; гости, какъ бы они ни были дороги школѣ и учителю, могутъ и потѣсниться, посмотрѣть на дѣтское веселье со-стороны. Замѣчаемъ это потому, что намъ не однажды приходилось наблюдать случаи, когда на праздникахъ все помѣщеніе школы предоставлялось постороннимъ зрителямъ, а дѣти тѣснились или гдѣ-нибудь въ углу, или въ смежныхъ комнатахъ; понятно,

такіе праздники вовсе уже не приносятъ радости дѣтямъ и нисколько не полезны, а даже вредны. Вообще-то, постороннюю публику вовсе не слѣдуетъ приглашать; школьный праздникъ—не званый вечеръ для увеселенія скучающихъ, но посѣтителей, конечно, не слѣдуетъ и изгонять; если родители интересуются весельемъ своихъ дѣтей, то придутъ на праздникъ безъ всякаго призыва.

Для устройства праздниковъ слѣдуетъ избирать свободное, удобное для дѣтей *время*, напр., рождественскія и пасхальныя вакаціи. Рекомендуемъ и во время занятій въ извѣстные дни устраивать маленькіе литературные вечера, посвященные памяти замѣчательныхъ лицъ, или событій. Такіе вечера помимо того, что даютъ историко-литературныя знанія, полезны еще тѣмъ, что пріучаютъ дѣтей уважать прошлое и чтить людей, ковавшихъ нашему отечеству счастье, честь и славу. Но устраивать такіе праздники слѣдуетъ только послѣ тщательной подготовки.

Многимъ, вѣроятно, памятенъ всероссійскій опытъ въ этомъ родѣ—Пушкинскіе праздники. Громадное большинство школъ оказались совершенно неподготовленными для чествованія памяти великаго поэта, и потому праздники прошли не блестяще, кое-какъ. Не обошлось и безъ курьезовъ, смѣшныхъ и печальныхъ въ одно и то-же время. Учителя, напр., давали дѣтямъ читать чужія стихотворенія, приписывая ихъ Пушкину; на одномъ большомъ праздникѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ училищъ и массы публики, читали, напр., вмѣсто Пушкинской, «Москву» С. Глинки; на другомъ вечерѣ читали переложеніе молитвы «Отче нашъ», чего Пушкинъ никогда не писалъ; незнаніе твореній поэта доходило до того, что хоры торжественно исполняли довольно посредственные стихи Модзалевскаго, переведенные съ нѣмецкаго и помѣщенные въ «Родномъ Словѣ» ч. II («Всю щедрую руку Создатель открылъ»...) И все это нестроеніе произошло оттого, что передъ праздниками не выпустили даже хоть какого-нибудь маленькаго сборника съ матеріаломъ для Пушкинскихъ

дней; не оказалось и пьесъ для пѣнія на пушкинскія слова. Положеніе было крайне печальное.

Ниже мы даемъ списокъ матеріаловъ для указываемыхъ дѣтскихъ литературныхъ вечеровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаемъ надежду, что не замедлятъ появиться въ печати и другіе чтебно-музыкальные сборники, посвященные лицамъ или событіямъ: такіе сборники не только нужны, какъ пособія для вечеровъ, но явятся также и цѣннымъ вкладомъ въ школьныя библіотеки, весьма небогатыя хорошими книгами. Точно также питаемъ надежду, что кто-либо изъ нашихъ музыкальныхъ дѣятелей подаритъ русской начальной школѣ серію сборниковъ-пьесъ, въ которыхъ слова извѣстныхъ поэтовъ выражались-бы мотивами знаменитыхъ композиторовъ; о такихъ сборникахъ, для каждаго поэта отдѣльныхъ (напр. «Пѣсни Кольцова», «Пѣсни Лермонтова»), намъ уже приходилось говорить въ періодической печати, но была ли мысль о нихъ замѣчена—не знаемъ.

Въ данное же время подборъ матеріала для вечеровъ и праздниковъ является чисто случайнымъ: понравится учителю та или другая вещь,—онъ ее и включаетъ въ программу. Получается чрезъ это такое разнообразіе, при которомъ вечеръ становится похожимъ на кафтанъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ. Между тѣмъ, разнообразіе въ подборѣ матеріала желательно, и каждый вечеръ долженъ имѣть свой особенный подборъ съ извѣстной идеей, съ извѣстнымъ стилемъ; только при этомъ условіи возможно развить въ дѣтяхъ нѣкоторый эстетическій вкусъ. Составлять же программы «стильныхъ» вечеровъ при полномъ почти отсутствіи пособій очень трудно. Стремясь въ этомъ случаѣ оказать руководителямъ дѣтскихъ праздниковъ посильную помощь, я и издалъ предлагаемую книгу.

Содержаніе школьнаго праздника обыкновенно дѣлится на двѣ части: чтеніе и пѣніе.

А. ЧТЕНІЕ: декламація, ролевое исполненіе басенъ и пьесокъ.

Особое вниманіе всегда обращается на возможную *выразительность* чтенія; на первыхъ порахъ для чтенія слѣдуетъ

главнымъ образомъ предлагать ролевыя вещички, какъ болѣе живыя, увлекательныя, заставляющія ученика невольно читать выразительно или, помимо достоинствъ выполненія, дающіе слушателю впечатлѣніе выразительности. Декламація цѣльныхъ вещей для одного лица трудна, потому что, кромѣ простѣйшихъ признаковъ выразительности, требуетъ еще особыхъ измѣненій тона и темпа, къ которымъ исполнители долго не могутъ привыкнуть.

Для ознакомленія съ пріемами выразительнаго чтенія можно указать слѣдующія сочиненія:

1. **Анастасьевъ, А. И.** Выразит. чтеніе, какъ предметъ начальнаго обученія. Ц. 15 коп. Приложеніе къ «Чит. Нар. Шк.» за 1890 г.
2. **Зимницкій.** Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Русская школа» 1899 г.
3. **Коровяковъ.** Искусство выразительнаго чтенія. Спб. ц. 1 руб.
4. **Его-же.** Этюды выразительнаго чтенія. «Педагог. Сбор.» 1894 г.
5. **Кочержинскій.** О выработкѣ сознательнаго и выразительнаго чтенія. «Русскій нач. учитель». 1900 г. № 6—7.
6. **Озаровскій.** Вопросы выразительнаго чтенія. Цѣна 1 рубль.
7. **Острогорскій.** Выразительное чтеніе. М. 1886 г., ц. 75 к.

Послѣ того, какъ ученики научатся болѣе или менѣе сносно передавать въ ролевомъ исполненіи съ необходимой жестикуляціей небольшія вещички, вродѣ стихотвореній и басенъ, можно приступить къ постановкѣ отрывковъ изъ пьесъ и даже къ исполненію цѣлыхъ пьесъ. Отдѣлъ дѣтскаго театра въ нашей литературѣ весьма небогатъ количественно и не особенно хорошъ качественно. Однако же, перечисляемъ, что есть, предупреждая, что предлагаемый списокъ нѣсколько неполонъ, такъ какъ изданія пьесъ очень трудно добываются.

1. **А. А.** Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. 1899 г. Цѣна 15 к.
2. **Борисова.** Дѣтскій театръ. Сюрпризы. Комедія-шутка. Ц. 50 к.
3. **Бунаковъ.** Жизнь за царя. (Изъ книжекъ «Чит. нар. шк.»).
4. **Васильевъ.** Дѣтскій театръ. Сиротка. Сцены изъ нар. быта. Ц. 40 к.
5. **Глазуновъ.** Пять комическихъ пьесъ для дѣтскаго театра Спб. 1898 г., ц. 80 к. *Пьесы*: 1) Матрена Спиридоновна. 2) Поздравленіе. 3) Художникъ Мазилкинъ. 4) Вечеринка на святкахъ. 5) Любовь сказалась.

6. **Грековъ Ѳ.** Степка-отпѣтый (изъ «Чит. нар. шк.»).
7. **Калашниновъ.** Котъ, козелъ и баранъ (въ журн. «Родникъ»). Отд. изданіе, цѣна 20 к.; на слова пьесы написана опера.
8. **Музыканты** (въ журн. «Родникъ»). Отд. изданіе цѣна 10 коп.
9. **Оселъ и Соловей** (въ журн. «Родникъ»).
10. **Новое** собраніе театральныхъ пьесъ для дѣтскаго театра, содержащее въ себѣ болѣе 50 разныхъ веселыхъ комедій. Изд. Вольфа. 4 тома по 1 руб. за томъ.
11. **Островскій.** Бѣдность не порокъ. («Дѣтскій театръ»). М. 1889 г.
12. **В. Щ.** Дюжинка. 12 пьесокъ для дѣтскаго театра. Цѣна 1 руб.
13. **Ѳедоровъ Б.** Дѣтскій театръ. Изданіе Вольфа. 1882 г. 2 тома. Въ 1-мъ томѣ 18 пьесъ, во 2-мъ—17. Пьесы слишкомъ сухи, скучны и поучительны. Для школы вовсе не годны.
14. **Замарашка.** Пьеса въ 3-хъ карт. Москва. 1883 г. Изд. Н. И. Е.
15. **Спящая красавица.** Москва. 1883 г. (изъ сказки).
16. **Горькое разочарованіе.** Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.
17. **Лялина.** Очарованный пастухъ. Комед. въ 1 дѣйств. Спб. 1894 г.

Съ цѣлью лучшей постановки пьесъ весьма желательнымъ является **устройство дѣтской сцены**, обходящееся сравнительно недорого. Для сцены нуженъ помостъ вышиною не менѣе аршина; утверждается онъ на подставкахъ—«козлахъ»—причемъ задніе козлы должны быть выше переднихъ; сцена всегда немножко поката къ публикѣ. Занавѣсъ изъ дешеваго коленкора или разрисованнаго грубаго холста съ тяжестью внизу прикрѣпляется на блокахъ къ потолку; въ крайнемъ случаѣ можно обойтись и безъ него. Декораціи состоятъ изъ полосъ картона или мѣшочнаго холста съ тяжестью, прикрѣпляемыхъ на крючкахъ также къ потолку; картонъ можно замѣнить толстою склейкою негодной для употребленія бумаги; гдѣ возможно, слѣдуетъ декораціи натянуть на рамы Декораціи удобнѣе всего располагать по кулисной системѣ, при которой задній планъ состоитъ въ фасъ къ зрителю, а боковыя располагаются подъ угломъ приблизительно въ 45^0 и, сливаясь, даютъ впечатлѣніе цѣлой стѣны, идущей перпендикулярно къ заднему плану. Рисовальный матеріалъ для декорацій слѣдуетъ выбирать недорогой: мѣлъ, голландскую сажу, охру, сурикъ; разводить на клеевой водѣ. Для холста-

же требуются клеевыя краски. Рисунокъ дѣлается грубыми, широкими мазками, съ рѣзкимъ выдѣленіемъ свѣтотѣни. Декораціи лѣса или сада можно устраивать естественныя изъ небольшихъ елокъ и другихъ деревьевъ.

Представленіе на сценѣ производитъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе на дѣтей, нежели представленіе безъ нея; затраты-же на ея устройство, особенно при помощи лицъ, интересующихся школою, весьма невелики.

Относительно **разучиванія пьесокъ** надо замѣтить слѣдующее: роли расписываются самими исполнителями; предъ каждою новою рѣчью, сверху, въ скобкахъ, записывается *реплика*, т. е. конечныя слова предыдущей рѣчи другого лица: безъ репликъ очень трудно разобрать, какому лицу и когда слѣдуетъ вступать въ разговоръ. По расписаніи ролей необходимо произвести нѣсколько разъ общее ролевое чтеніе вещи по запискамъ, а затѣмъ уже поручать исполнителямъ заучиваніе *наизусть*; суфлерства на дѣтской сценѣ надо избѣгать.

Чтенія и декламація для разнообразія могутъ быть иллюстрированы: живыми картинами, картинами свѣтового фонаря и обыкновенными или же живыми силуэтами.

Живыя картины, однако, не для всякой школы удобны; онѣ, во первыхъ, требуютъ освѣщенія бенгальскимъ огнемъ, яркихъ костюмовъ, декорацій, а во вторыхъ—извѣстнаго разстоянія отъ зрителей; въ народныхъ школахъ, гдѣ помѣщенія тѣсны, низки, очевидно, хорошая постановка картинъ невозможна. Тамъ же, гдѣ постановку ихъ позволяютъ размѣры помѣщенія и средства, можно выполнить эффектныя и содержательныя вещи, напримѣръ:

1. **Крыловъ.** Три мужика (басня).
2. **Кольцовъ.** Крестьянская пирушка.
3. **Лермонтовъ.** Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Впереди сцены можно посадить гусляровъ съ цитрами; слова ихъ поются или читаются нараспѣвъ подъ акомпаниментъ цитръ.
4. **Некрасовъ.** Дядюшка Яковъ.
5. **Пушкинъ.** Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Открывается только

сцена возвращенія старика къ старухѣ; о разговорахъ старика съ рыбкой читаютъ при спущенномъ занавѣсѣ.

6. **Никитинъ**. Молитва дитяти («Молись, дитя!...»).

Понятно, во всѣхъ указанныхъ вещахъ картина не остается неподвижною и обращается, по смыслу чтенія, въ пантомиму.

Не всякая школа можетъ также сопровождать чтенія картинами **свѣтового фонаря**: это полезное пособіе распространено пока еще въ недостаточной мѣрѣ. Гдѣ есть фонарь и картины, тамъ мы рекомендовали бы чтенія съ ними ставить уже въ концѣ программы, такъ какъ во время самаго праздника смѣна свѣта и темноты, производимая, конечно, весьма примитивнымъ способомъ, вызываетъ безпорядочность и нежелательную сутолоку. Картины для фонаря все-таки еще очень дороги, да и не на всякое произведеніе онѣ есть; поэтому, рекомендуемъ учителямъ, хотя немного знакомымъ съ рисованіемъ, домашніе способы приготовленія картинъ. Изложеніе ихъ есть въ ст. *Кричагина*: О приготовленіи картинъ для фонаря («Русск. Нач. Учит.» 1889 г., №№ 6—7). Самый простѣйшій способъ приготовленія картинъ таковъ: контуръ картины наносится на стекло густою тушью посредствомъ новаго стальнаго пера; чтобы контуръ былъ тонкимъ и изящнымъ, линіи подчищаются острымъ ножичкомъ или иглой; раскрашивается картина разноцвѣтными яичными, т. е. употребляемыми для окраски яицъ, лаками; флакончикъ лака стоитъ 8—10 коп., а для рисованія вполнѣ достаточно набора въ 10 флаконовъ. — Обращаются въ продажѣ, между прочимъ, дешевыя картины на прозрачной бумагѣ (фирмы Тиле); но онѣ неудобны тѣмъ, что послѣ недолгаго употребленія покрываются пятнами и становятся негодными. Ихъ тоже можно приготовлять дома; вотъ рецептъ смѣси, дѣлающей бумагу прозрачною: взять смолы *дамаръ* 1 часть, *мастикса* $^3/_4$ ч., *канадскаго бальзама* $^1/_4$ и *вазелина* 1 золотникъ на 1 ф. смѣси; сплавить эти смолы и вазелинъ, а затѣмъ все прокипятить на медленномъ огнѣ въ закрытомъ сосудѣ съ 1 частью скипидара; рисунокъ, который желаютъ сдѣлать прозрачнымъ, предварительно смачиваютъ скипидаромъ, а затѣмъ на 10 минутъ опускаютъ въ *горячій* составъ. Если

послѣ употребленія на картинахъ появятся пятна, признакъ разложенія смолъ, ихъ вторично погружаютъ въ вышеуказанный горячій составъ.

Прекрасно выходятъ **силуэты**, налагаемые на стекло густою тушью. Удачные изъ нихъ, какъ напр. иллюстрація «Рѣпки» Ел. Бемъ, вызываютъ замѣчательный восторгъ маленькихъ зрителей. Матеріалы для силуэтовъ можно черпать изъ илл. изданій и книгъ, переводя намѣченный рисунокъ въ уменьшенномъ видѣ на бумагу, а съ бумаги на стекло; многіе рисунки не приходится даже увеличивать. Работа довольно проста; излишества въ рисункѣ удаляются помощью ножа и иглы.

При силуэтахъ относящееся къ нимъ чтеніе лучше всего поручать малышамъ (ученикамъ младшаго отдѣленія школы); такое сочетаніе простѣйшаго рисунка съ простѣйшимъ чтеніемъ производитъ на слушателя оригинальное впечатлѣніе чего-то дѣтски-наивнаго, милаго.

Домашнимъ способомъ можно воспроизвести, напр., такіе силуэты:

1. Къ сказкѣ *Золотое яичко*; 6 силуэтовъ; шестой моментъ: старикъ и баба христосуются простымъ яичкомъ.
2. Къ сказкѣ *Рѣпка*; 8 силуэтовъ по рис. Бемъ (въ продажѣ эти рисунки довольно дороги).
3. Къ сказкѣ *Журавль и Цапля*; 2—3 силуэта.
4. Къ сказкѣ *Бременскіе музыканты;* 4—5 силуэтовъ: оселъ, собака, кошка, пѣтухъ.
5. Къ сказочкѣ *Три медвѣдя*.
6. Къ дѣтскимъ пѣсенкамъ силуэты коня, коровы, козлика, сороки, бѣлки, ласточки, рака, лебедя (бѣлый силуэтъ) и т. п.

Интересною частью отдѣла съ фонаремъ являются весьма эффектныя **живыя тѣни**. Устраиваются онѣ очень просто. Экранъ помѣщается между публикой и фонаремъ; со стороны фонаря въ уровень нижней части освѣщеннаго круга ставится широкая скамья или иная подставка, на которой дѣти, возможно ближе къ полотну, представляютъ въ лицахъ басни или сказку; публика видитъ только движущіеся силуэты исполнителей. Вотъ, напр, какъ исполняется басня Измайлова— «*Два крестьянина и облако*». Въ фонарѣ вставлено стекло

съ эскизомъ дороги, хлѣбнаго поля и деревни вдали. Два мальчика—для публики два силуэта мужиковъ — стоятъ на первомъ планѣ въ профиль къ экрану; въ фонарѣ начинаетъ двигаться второе стекло съ рисункомъ тучи, что отражается и на экранѣ; мальчики разсуждаютъ, а передъ зрителями въ силуэтахъ живо воспроизводится довольно комичная, описанная въ баснѣ, сцена. — При живыхъ тѣняхъ возможны различные эффекты: уменьшеніе и увеличеніе фигуръ, измѣненія и превращенія ихъ и т. п.; посредствомъ цвѣтныхъ стеколъ можно окрашивать фонъ силуэтовъ въ разные цвѣта. Къ сожалѣнію такимъ способомъ могутъ быть воспроизведены вещи лишь съ весьма ограниченнымъ количествомъ дѣйствующихъ лицъ.

Б. ПѢНІЕ: Хоровые гимны и пѣсни, пѣсенки съ играми и движеніями.

Матеріала для пѣнія въ учебно-педагогической литературѣ существуетъ достаточно, но, мы по опыту знаемъ, не всякая школа располагаетъ имъ: во многихъ училищахъ нѣтъ даже ни одного, хотя бы дешевенькаго, сборника пьесъ для пѣнія. Приводимъ здѣсь списокъ источниковъ, которыми можно пользоваться на дѣтскихъ праздникахъ.

1. **Альбрехтъ.** Руководство къ хоровому пѣнію по цыфирной методѣ Шеве. 5 выпусковъ. Заключаютъ въ себѣ, кромѣ массы упражненій, 45 хоровъ и 41 народ. пѣсню. Цѣна I-го выпуска 30 к., остальные по 40 коп.

2. **Богаевская.** Любимыя сказки. Спб. 1893 г. 35 стр., ц. 1 руб. Есть сказки для 1 голоса. (Золотое яичко, Рѣпка, Журавль и Цапля). Удобенъ лишь для семьи, но учителя, знакомые съ музыкой, сами могутъ обработать нѣкоторыя мелодіи для своихъ школъ.

3. **Богородицкій.** Школьное пѣніе. Хрестоматія. М. 1894 г. (цыфирная на 1, 2 и 3 гол.) цѣна 30 коп.

4. **Брянскій.** Сборникъ трехголосныхъ піесъ. Заключаетъ въ себѣ 41 пьесу: гимновъ, хоровъ, народныхъ пѣсенъ. Цѣна 50 коп.

5. **Вессель и Альбрехтъ.** Школьныя пѣсни. 115 пьесокъ на 1, 2 и 3 голоса. Цѣна 75 коп.

6. **Тѣхъ же авторовъ.** Гусельки. 128 пьесокъ, весьма легкихъ для малютокъ, съ акомпан. фортепіано. Цѣна 1 руб.

7. **Витоль.** Родные звуки. Рига. 1899 г. 80 пьесокъ на 1, 2 и 3 голоса; замѣтки по теоріи элементарнаго пѣнія. Цѣна 20 коп.

Книжка весьма приличная и, что очень важно для школъ, крайне дешевая.

8. **Гольдманъ.** Русское пѣніе. Спб. 1894. 91 пьеска на три голоса. Переложенія и просты, и музыкальны; цѣна 1 рубль.

9. **Гусли.** Русскія и латышскія народныя пѣсни и хоралы для начальныхъ училищъ. Рига. 1892. Цѣна 20 к.—Русскихъ пьесъ 82, латышскихъ—80 на 1, 2 и 3 голоса. Распространена въ Прибалтійскомъ краѣ.

10. **Дольдъ и Фаминцынъ.** Баянъ. 80 пьесъ на 1 голосъ и 70 на 2 голоса. Мелодіи взяты исключительно иностранныя. Цѣна 1 р. 50 к.

11. **Нусъ Балдуинъ.** Баянъ. Рига. 1894. Мелодіи большею частью нѣмецкія на слова переводовъ. Пьесы на 3 и 4 голоса. Ц. 50 к.

12. **Матвѣевъ, М. В.** Курсъ пѣнія въ школѣ. Руководство для учащихся, въ двухъ тетрадяхъ. Тетр. I, ц. 15 к. Тетр. II, ц. 25 к. Изданы въ 1900 году. Всего 60 молитвъ и пѣсенъ, кромѣ упражненій.

13. **Мареничъ.** Трехголосныя хоровыя пѣсни. Спб. 1882 г. 76 пьесъ. Цѣна 80 коп.

14. **Родинъ.** Пѣвецъ. Сборникъ народныхъ пѣсенъ на 1, 2 и 3 голоса 101 пьеска, среди которыхъ немало музыкальныхъ. Цѣна 20 коп.

15. **Шемякинъ и Главачъ.** Сельскіе хоры. Цѣна 1 руб.—68 пьесъ на 2, 3 и 4 голоса различнаго содержанія. Много музыкальнаго.

16. **Яичковъ.** Школьный хоръ. Рига. 1895 г. 50 пьесъ на 3 голоса, главнымъ образомъ, народныхъ пѣсенъ. Переложенія замѣчательно просты и притомъ красивы. Рекомендуемъ. Цѣна 30 к.

Пѣніе на школьномъ праздникѣ должно быть по возможности общимъ. Лучшимъ украшеніемъ всякаго праздника являются: пѣсенки съ хороводами и движеніями и пьески—оперы (ролевыя пѣсни). Ихъ, къ сожалѣнію, не очень много. Перечисляемъ, что есть и что можно передѣлать:

ПѢСНИ СЪ ДВИЖЕНІЯМИ. 1. **А мы просо сѣяли.** Два стана дѣтей, попеременно надвигающихся одинъ на другой; одинъ станъ отдаетъ другому за выкупъ проса дѣвицъ и мальчиковъ до тѣхъ поръ, пока не опустѣетъ. Сборники: *Витоль* № 46 (2 г.); *Школьныя пѣсни* № 43 (2 г.); *Гусли* № 56 (2 г.); *Брянскій* № 15 (3 г.); *Гусельки* № 44 (3 г.); *Матвѣевъ* № 95 (2 г.); *Мареничъ* № 54 (3 г.); *Яичковъ* №№ 19 и 25 (3 г.). Есть и въ сб. *Мамонтовой*.

2. **Все по свѣтлицѣ-бъ я ходила.** Прогулка дѣтскаго круга. Удобна около елки. Сб.—*Родинъ* № 28 (2 г.); *Витоль* № 75 (3 г.); *Матвѣевъ* № 30.

3. **Заплетися плетень.** Ряды дѣтей заплетаются, прогуливаются и расплетаются подъ слова пѣсни. Сб.—*Витоль* № 17 (2 г.); *Мареничъ* № 73 (3 г.); *Яичковъ* № 21 и 32 (3 г.).

4. **Ленъ.** Дѣти производятъ всѣ движенія, требуемыя пѣснею, и въ извѣстныхъ мѣстахъ «приколачиваютъ чоботами». Сб.—*Витоль* № 29 (2 г.); *Школьныя пѣсни* № 27 (2 г.); *Гусельки* № 99 (3 г.); *Брянскій* № 46 (3 г.); *Гольдманъ* № 42 (3 г.); *Мареничъ* № 75 (3 г.); *Яичковъ* № 29 (3 г.).

5. **Ужъ я золото хороню.** Игра въ фанты. Сб. — *Школьныя пѣсни* № 30 (2 г.); *Брянскій* № 3; *Гольдманъ* № 71—самое лучшее переложеніе; *Матвѣевъ* № 108.

6. **Заинька поскачи.** Дѣтскій кругъ и заключенный въ немъ «Заинька» движутся по указаніямъ пѣсни. Сб.—*Витоль* № 19 (2 г.); *Брянскій* № 26 (3 г.); *Гольдманъ* № 16 (3 г.); *Мареничъ* № 41 (3 г.).

7. **Пиво.** Дѣтскій кругъ производитъ движенія, указываемыя пѣсней. *Гусельки* № 69 (2 г.); *Школьныя пѣсни* № 22 (2 г.).

8. **Ахъ улица, улица.** Круговая прогулка подъ тактъ пѣсни. *Витоль* № 23 (2 г.).

9. **Какъ пошелъ-то нашъ козелъ.** Хоръ и соло козла, зайца, лисы и волка. *Брянскій* № 29, *Гольдманъ* № 17.

10. **Работники.** Подражаніе движеніямъ разл. работъ. *Гусельки* № 92.

11. **Садовнички.** Подражаніе дѣйствіямъ садовниковъ. *Гусельки* № 107.

12. **Рѣпка.** Слова сказки заимствовать изъ сборника Богаевской, мотивъ подобрать народный.

13. **Журавль и Цапля** Слова и мотивъ заимствовать оттуда же.

14. **Ѳома и Ерема.** Слова по старинным варіантамъ и мотивъ въ журналѣ «Др. и Новая Россія» 1876 г.; мотивъ можно подобрать и иной.

15. **Колобокъ.** Изъ «Родного Слова» годъ I.

РОЛЕВЫЯ ПѢСНИ. 1. **А гуси вы, гуси.** *Гусельки* № 39 (3 г.).

2. **Война грибовъ.** *Гусельки* № 40, *Школьныя пѣсни* № 15 (на 2 г.).

3. **Перекоры.** *Гусельки* № 71.

4. **Гдѣ ты, заинька, бывалъ.** Слова изъ «Первинки» Даля, мотивъ «Какъ у нашихъ у воротъ».

5. **Какъ комаръ убился.** Слова изъ сб. сказокъ Авенаріуса, мотивъ «Ты поди, моя коровушка».

6. **Дома-ль кумъ воробей.** Изъ руководства для пѣнія Галлера, приложеннаго при журналѣ «Русскій начальный учитель».

Кромѣ указанныхъ образцовъ, для ролевого исполненія удобны вещицы, помѣщенныя въ настоящемъ сборникѣ:

«Больной», «Жена ямщика», «Урокъ», «Бородино», «Пойманная птичка».

Существуютъ, между прочимъ, и дѣтскія оперы, но онѣ по сложности композиціи и по цѣнѣ мало доступны начальной школѣ. Приводимъ, однако, списочекъ наиболѣе извѣстныхъ вещицъ:

1. **Абтъ.** Красная шапочка. Цѣна партитуры 2 рубля.
2. **Орловъ.** Ворона-вѣщунья. Цѣна 1 р.
3. — Лисица и виноградъ. Цѣна 1 р.
4. — Свинья подъ дубомъ. Цѣна 1 р.
5. **Брянскій.** Котъ, козелъ и баранъ. Цѣна 2 р.
6. — Музыканты. Цѣна 1 р. 50 к.

Многія хороводныя движенія и дѣйствія народнымъ учителямъ совершенно неизвѣстны, какъ напр., къ пѣснямъ «Заплетися плетень», «Ужъ я золото хороню». Рекомендуемъ имъ поэтому прислушиваться къ народнымъ хороводнымъ мотивамъ и приглядываться къ соотвѣтствующимъ фигурамъ танцевъ, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ въ интересахъ школы; наши дѣтскіе сады и пріюты до сихъ поръ еще пробавляются и наивными, и плохими хороводами нѣмецкаго происхожденія, забывая, что у насъ есть свой народный, богатый, веселый и доступный дѣтямъ матеріалъ. Рекомендуемъ также допускать на праздникѣ самостоятельные дѣтскіе хороводы, по образцу деревенскихъ, но, конечно, въ облагороженномъ видѣ.

Пѣніе, ради разнообразія, можетъ сочетаться съ **декламаціей**, живыми картинами, мимическими сценами. Напр., при исполненіи стих. «Бородино», хоръ (слушатели стараго вояки) поетъ первый и повторяетъ послѣдній куплетъ, а мальчикъ, одѣтый отставнымъ солдатомъ, декламируетъ остальное. Пьеса Алябьева «Кузнецъ»—«Вдоль по улицѣ широкой» (Гольдманъ № 26) можетъ исполняться при сценѣ, въ которой кузнецы въ кузницѣ, подъ акомпаниментъ молотовъ, поютъ эту пѣсню. Хоръ цыганъ изъ оп. «Презіоза» (Брянскій) производитъ замѣчательный эффектъ при декораціи лѣса съ костромъ; отзвуки эха поетъ вторая половина хора, спрятанная за декораціей. Хоръ бурлаковъ («Эй,

ухнемъ») хорошъ при живой картинѣ по извѣстной композиціи Рѣпина «Бурлаки».

Вообще разнообразная живая постановка музыкальныхъ пьесъ крайне интересуетъ дѣтей и производитъ неотразимое впечатлѣніе на маленькую публику.

Кромѣ чтенія и пѣнія въ программу праздника должны входить также и **игры**, насколько позволяютъ это размѣры помѣщенія. Праздники могутъ состояться не только въ классной комнатѣ, но, напр., и въ лѣсу, и въ полѣ; пѣсни, игры, декламаціи на вольномъ воздухѣ нравятся дѣтямъ и выполняются не хуже, чѣмъ въ классѣ; особое оригинальное впечатлѣніе производятъ ролевыя пьески при естественныхъ декораціяхъ, напр. «Братья разбойники», «Бѣжинъ лугъ» вечеромъ въ лѣсу.

Заканчивая наши замѣтки, считаемъ нужнымъ порекомендовать устроителямъ праздниковъ хорошій обычай, практикующійся въ Прибалтійскомъ краѣ: **украшать и школу** *по праздничному*, поручая всю эту работу дѣтямъ. Дѣти могутъ приготовить гирлянды (изъ брусничной травы, напр.), сдѣлать щиты съ иниціалами, драпировать флаги, склеить и навѣсить разноцвѣтные фонарики и т. д. Ихъ радуетъ эта работа, а еще болѣе радуетъ нарядный, красивый, необычный видъ классной комнаты.

Выше мною уже рекомендовалось вести **литературныя чтенія, посвященныя памяти событій и лицъ.** Нижеслѣдующій указатель (на оборотѣ) для нѣсколькихъ такихъ вечеровъ съ обозначеніемъ времени, удобнаго для ихъ устройства, полагаемъ, для устроителей праздниковъ принесетъ немалую долю пользы.

I. **Вечеръ памяти ПУШКИНА** можно устраивать или въ день его смерти 28 января (1837 г.), или въ день рожденія, 26 мая (1799 г.).

а) **Чтеніе.** *Ролевое.* 1. Лѣтописецъ (Изъ др. «Борисъ Годуновъ»).—2. Братья-разбойники (Передѣлка).—3. Галубъ и его сыновья.—4. Кочубей въ темницѣ.

Съ силуэтами или живыми тѣнями. 5. Сказка о Кузьмѣ Остолопѣ.

Съ живыми картинами. 6. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.— 7. Опять на родинѣ. (Композиція по картинѣ Ге: «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ»).—8. Цыгане. (Композиція по рисунку Штейна въ юбилейн. альбомѣ «Нивы»).

Съ картинами свѣтового фонаря. 9. Выдержки изъ «Капитанской дочки».

Съ силуэтами для младшихъ. 10. Птичка.—11. Вурдалакъ.—12. Вылетъ пчелки.—13. Выдержки изъ сказки о царѣ Салтанѣ.

Декламація. 14. Утопленникъ.—15. Бѣсы.—16. Петербургъ (Изъ «Мѣднаго всадника»).

Живая картина (нѣмая): Дуэль Пушкина, по картинѣ Волкова (изъ альбома «Нивы»).

Краткій біографическій очеркъ. (Біографія писателей въ книгахъ Острогорскаго, Павлова, Мартынова). *Портретъ* Пушкина.

Факты изъ жизни Пушкина, литературно-изложенныя, въ книгахъ *Авенаріуса*: 1) Юношескіе годы Пушкина, Спб. Ц. 1 р. 75 к. 2) Отроческіе годы Пушкина. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

б) Пѣніе. 1. Воронъ къ ворону летитъ. *Даргомыжскій.* Петербургскія серенады (3 гол.). *Гольдманъ* № 84. (3 гол.).

2. Восходъ солнца («Румяной зарею»). *Мареничъ*, № 5.

3. Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ. *Шк. пѣсни*, № 103 (2 гол.).

4. Зимняя дорога. *Мареничъ*, № 15 (3 гол.)—*Пѣвецъ.* № 66 (2 гол.) —*Сельскіе хоры*, № 24 (2 гол.).

5. Зимній вечеръ. («Буря мглою...»), *Даргомыжскій.* Петерб. серенады (3 гол.).

6. Молитва въ великій постъ. *Мареничъ*, № 21 (3 гол.).

7. Надъ Невою рѣзво вьются. *Школьныя пѣсни*, № 64.

8. Птичка. *Витоль*, № 61 (2 гол.), *Гусельки*, № 49.

9. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. *Сельскіе хоры*, № 28 (4 гол.).

10. Туча. *Школьныя пѣсни*, № 53 (2 гол.).

11. У лукоморья дубъ зеленый... *Брянскій* (3 гол.)

12. Что ты ржешь, мой конь... *Школьныя пѣсни*, № 68.
13. Я завью, завью вѣнокъ (Изъ оп. «Мазепа»). *Гольдманъ*, № 88 (3 гол.).
14. Юбил. пѣснь: «Ты памятникъ себѣ»... Въ журналѣ «*Музыка и Пѣніе*» 1899. Въ отдѣльной продажѣ цѣна 40 к.
15. Хоръ дѣвушекъ изъ оп. «Евгеній Онѣгинъ». Пер. *Альбрехта* (циферное). М. 1882. Ц. 5 коп.

II. **Вечеръ памяти ПЕТРА ВЕЛИКАГО.** Кончина — 28-го января (1725 г.), рожденіе—30 мая.

а) **Чтеніе.** *Ролевое.* Кочубей въ тюрьмѣ, А. Пушкина.

Декламація. Петербургъ. — Полтавскій бой. — Гонецъ. А. Пушкина.—Малое слово о Великомъ. Бенедиктова.—На новый 1700 годъ, Гнѣдича.

Литературные очерки въ книгахъ Фурмана: 1) Саардамскій плотникъ. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 25 коп. 2) Сборникъ разсказовъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 руб.

Историч. очерки въ книгахъ Сенигова: 1) Царь-работникъ и учитель. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.—2) Какъ воевалъ Петръ Великій со шведомъ. 1893 г. Ц. 20 коп.

б) **Пѣніе.** 1. Народный гимнъ.

2. Преображенскій маршъ. («Знаютъ турки насъ и шведы»). *Сельскіе хоры.* № 47 (4 гол.).

3. Было дѣло подъ Полтавой. *Гольдманъ*, № 74 (3 гол.). *Пѣвецъ*, № 77 (2 мелодіи на 2 гол.). *Школьныя пѣсни*, № 72 (2 гол.). *Сельскіе хоры*, № 48.

4. «Надъ Невою рѣзво вьются» сл. Пушкина. *Школьныя пѣсни*, № 64 (2 гол.); также 4-голосый хоръ *Зайцева.*

5. «Кто онъ?» сл. Майкова. *Сельскіе хоры*, № 29 (4 гол.).

6. «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ». Пѣсню можно иллюстрировать живою картиной. *Школьныя пѣсни*, № 20.

III. **Вечеръ дня ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.** 19 февраля.

Чтеніе. Устроить чтеніе (съ картинами или безъ нихъ) объ Александрѣ II. Брошюръ по этому предмету довольно много, напр., изд. Коммис. нар. чт. «О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II», ц. 20 к.

Государственная библиотека

Ролевое чтеніе.—Бѣглый, стих. Полонскаго.
Декламація—Картинка, стих. Майкова.
Пѣніе. По пѣнію, кромѣ патріотическихъ гимновъ, можно указать слѣдующее: 1. *Воля.* (Мотивъ извѣстенъ). 2. *На освобожденіе крестьянъ.* Мареничъ, № 31 (3 гол.).

IV. **Вечеръ памяти ГОГОЛЯ.** Николай Васильевичъ род. 19 марта 1809 г., ск. 21 февр. 1851 г. (50-ти-лѣтіе со дня смерти въ 1901 году).

а) **Чтеніе.** *Ролевое.* 1. Изъ «Ревизора» дѣйствіе I, явл. III.—2. Оттуда-же дѣйствіе II (все, съ малыми выпусками).—3. Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.—4. Чичиковъ у Манилова. — 5. Чичиковъ у Собакевича. — 6. Чичиковъ у Коробочки.—7. Чичиковъ у Плюшкина.

Декламація. 8. «Ѣхъ, ѣхъ, придетъ ли времячко» ст. Некрасова.—9. Тройка.—10. Днѣпръ.

Живая картина. Пушкинъ у Гоголя (въ Пушкинскомъ альбомѣ «Нивы»): Гоголь читаетъ «Мертвыя души».

Краткая біографія Гоголя. Отрывки изъ повѣсти Авенаріуса: «Школа жизни великаго юмориста». Цѣна 1 р. 25 к.

б) **Пѣніе.** Малороссійскія пѣсни; есть почти во всѣхъ сборникахъ. Въ сочиненіяхъ Гоголя упоминаются слѣдующія пѣсни: 1) Не хвалися яворoньку.—2) Зелененькій барвиночку («Сороч. ярм.»).—3) Сонце низенько. («Майская ночь»). 4) Ой ты, мисяцю, мій мисяченьку (тамъ-же). — 5) Ой на горѣ то жинци жнуть. («Ночь подъ Рожд.»).

Рекомендуемъ также, если возможно, исполнить слѣдующія произведенія:

1) Гой ты, Днѣпръ-ли, мой широкій. *Сельскіе хоры* (4 гол.).

2) Хоръ изъ оперы «Кузнецъ Вакула», соч. Чайковскаго, *Альбрехтъ* «Руководство къ пѣнію № 14 (3 голоса).

V. **Вечеръ памяти ЖУКОВСКАГО.** Василій Андреевичъ род. 29 января 1783 г., ск. 12 апрѣля 1852 г.

а) **Чтеніе.** *Ролевое чтеніе.* 1. Судъ Миноса. (См. въ этой книгѣ).

Со свѣтовыми картинами.—2. Свѣтлана.—3. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ.

Декламація.—1. Лѣсной царь.—2. Судъ Божій надъ епископомъ.—3. Каннитферштанъ.—4. Выборъ креста.

Біографическій очеркъ изъ хорошей книжки, изд. «Досугъ и дѣло»; недурной очеркъ въ книгѣ «Искры Божьи».

б) Пѣніе. 1. Весеннее чувство *Баянъ* № 145 (2 г.).—2. Котикъ и козликъ. *Брянскій* № 20 (3 г.) муз. Щиглева.—3. Крещенскій вечеръ (изъ «Свѣтланы») *Гуселъки* № 62 (1 г.)—4. Мальчикъ съ пальчикъ. *Гуселъки* № 89 (2 г.)—5. Многи лѣта. *Яичковъ* № 8 (3 г.); *Родинъ* № 74. (3 г.); *Шк. пѣсни* (3 г.); *Гольдманъ* № 4 (3 г.); лучшая вещь.—6. Птичка. *Брянскій* № 19 (3 гол.); муз. изъ Керубини. *Мареничъ* № 1 (3 г.)—другой мотивъ.—7. Пѣснь русскому царю. *Яичковъ* № 5 (3 г.); *Гольдманъ* № 6 (3 г.); *Сельскіе хоры.*—8. Слава на небѣ солнцу. *Яичковъ* № 6; *Родинъ* № 75.

VI. **Вечеръ памяти ЛЕРМОНТОВА.** Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ род. 2 окт. 1814 г., ск. 15 іюля 1841 г.

а) Чтеніе. *Ролевое* (съ пѣніемъ). Бородино. Мать-черкешенка. Изъ легенды «Бѣглецъ».

Съ живыми или туман. картинами. Пѣсня о Калашниковѣ.

Декламація.—1. Два великана. — 2. Умирающій гладіаторъ.—3. Три пальмы.

б) Пѣніе. 1. Бородино. *Брянскій* № 28 (3 гол.).—2. Въ минуту жизни трудную. *Сельскіе хоры* № 38 (3 г.); *Шк. пѣс.* № 55 (2 г.).—3. Вѣтка Палестины. *Сельскіе хоры* № 21 (2 г.); *Баянъ* № 138 (2 г.). — 4. Горныя вершины. *Сельс. хоры* № 39 (4 голоса).—5. Когда волнуется. *Сельск. хоры* № 26 (2 г.); *Баянъ* № 138 (2 г.).—6. Казачья колыбельная пѣсня. *Витолъ* № 64 (2 гол.); *Шк. пѣсни* № 58 (1 г.); *Гуселъки* № 42 (1 гол.).—7. На сѣверѣ дикомъ. Петербургскія серенады, *Даргомыжскаго* (3 г.). *Альбрехтъ*, вып. II, № 13 (3 г.); *Баянъ* № 109 (2 г.). — 8. Ночевала тучка золотая. *Даргомыжскаго*; отд. изданіе. — 9. По синимъ волнамъ океана. *Школьн. пѣсни* № 99 (2 г.).—10. Споръ.

Школьн. пѣсни № 105 (2 г.).—11. Я, Матерь Божія, нынѣ. Метода пѣнія *Ломакина* № 4 (2 г.).—12. Ноченька темная. Изъ оперы «Демонъ» *Гольдманъ* № 91.

VII. **Вечеръ памяти НИКИТИНА.** Иванъ Саввичъ Никитинъ род. 21 сент. 1824 г., ск. 16 окт. 1861.

а) **Чтеніе.** *Ролевое чтеніе.* — 1. Лѣсникъ и его внукъ.—2. Лукичъ на ярмаркѣ.—3. Ночлегъ извозчиковъ.—4. Жена ямщика.

Декламація. — 1. Вырыта заступомъ яма глубокая.—2. Первый громъ прогремѣлъ.—3. Ярко звѣздъ мерцанье.—4. Ахъ ты, бѣдность горемычная.—5. Нищіе.—6. Пахарь.—7. Дѣдушка.—8. Молитва дитяти.—9. Утро на берегу озера.—10. Выѣздъ ямщика.

Съ туманными картинами. — 1. Моленіе о чашѣ.—2. Русь (Рижская коммисія народныхъ чтеній иллюстрировала эту вещицу почти 50-ю картинами; публика встрѣчала всегда восторженно это стихотвореніе).

Біографическій очеркъ—недурн. изд. ред. «Досугъ и дѣло».

б) **Пѣніе.** 1. Выѣздъ ямщика. *Школьн. пѣсни* № 49 (1 г.)—2. Жена ямщика. Журн. «Народное образованіе» № 12, 1897 г.—3. Жилъ былъ мужичекъ. *Гольдманъ* № 117 (3 г.), муз. Контскаго.—4. Зимняя ночь въ деревнѣ. *Баянъ* № 144 (2 г.).—5. Молодая пташечка. *Школьн. пѣсни* № 59 (2 г.).—6. Молись, дитя. *Гусли* № 64 (2 г.); *Родинъ* № 95 (3 г.).—7. Русь *Мареничъ* № 23 (3 г.).—8. Рыбная ловля. *Гусельки* № 117 (3 г.).—9. Соха. *Мареничъ* № 7 (3 г.).—10. Степь весной. *Мареничъ* № 2 (3 г.).

VIII. **Вечеръ памяти КОЛЬЦОВА** Алексѣя Васильевича, род. 3 окт. 1809 г. ск. 29 окт. 1842.

а) **Чтеніе** *съ живыми картинами* — 1) Крестьянская пирушка.—2. Раздумье селянина.

Ролевыхъ пьесъ нѣтъ. Выборъ остальныхъ нумеровъ по чтенію, напр. біографія, не составляетъ затрудненій.

б) **Пѣніе.** 1. Ахъ ты, степь моя. *Школьн. пѣс.* № 51 (2 г.).—

2. Въ непогоду вѣтеръ. Метода *Ломакина* № 1 (2 г.). — 3. Изъ лѣсовъ дремучихъ. *Гольдманъ* № 86 (3 г.); *Баянъ* № 146 (2 г.); *Альбрехтъ* вып. II, № 11.—4. Краснымъ полымемъ. *Школьн. пѣсни* № 63 (2 г.). — 5. Косарь. *Мареничъ* № 11 (3 г.).—6. Ну, тащися, сивка. Метода пѣнія *Ломакина* № 1 (2 г.). *Витоль* № 3 (2 г.); *Школьн. пѣсни* № 50 (2 г.).—7. Предъ тобою, мой Богъ. Метода пѣнія *Ломакина* № 3 (2 г.)— 8. Пѣсня разбойника. *Альбрехтъ*, вып. II, № 16 (3 г.).— 9. Осѣдлаю коня. *Гольдманъ* № 67 (3 г.).—10. Спаситель! чиста моя вѣра, Метода пѣнія *Ломакина* № 5 (2 г.); есть 4-хъ гол. хоръ *Игнатьева*, отд. изданіе, 40 коп. — 11. Сяду я за столъ. *Гольдманъ* № 32 (3 г.); *Родинъ* № 30 (2 г.) *Школ. пѣсни* № 57 (2 г.), — 12. Соловьемъ залетнымъ. *Гольдманъ* № 44 (3 г.); *Родинъ* № 51 (2 г.); *Школ. пѣс.* № 46 (2 г.).— 13. Съ радости веселья. *Родинъ* № 35 (2 г.). — 14. Пѣсни Лихача Кудрявича. *Школьн. пѣс.* № 56 (2 г.).—15. Ты прости, прощай. *Гольдманъ* № 39 (3 г.). — 16. Урожай. *Мареничъ* № 8 (3 г.).—17. Цвѣтокъ. *Баянъ* № 139 (2 г.).—18. Что ты спишь, мужичокъ? *Школьн. пѣсн.* № 9 (1 г.); *Витоль* № 41 (2 г.); *Гуселъки* № 97 (2 г.); *Гусли* № 72; *Сельскіе хоры* № 22 (2 г.); Метода *Ломакина* № 3 (2 г.)

IX. **Вечеръ памяти КРЫЛОВА** Ивана Андреевича, род. 2 февр. 1768 г.; ск. 10 ноября 1844 г.

а) Чтеніе *Ролевое*: — 1. Любопытный. — 2. Демьянова уха.—3. Два мужика.—4. Крестьянинъ въ бѣдѣ.—5. Лжецъ.— 6. Купецъ.—7. Бритвы.—8. Кукушка и пѣтухъ.—9. Двѣ собаки.—10. Гуси.

Декламація басенъ къ картинамъ свѣтового фонаря и слѣдующія произведенія:

1) *Къ портрету Крылова.* Стих. кн. Вяземскаго.

2) *Нѣсколько словъ о Крыловѣ.* Стих. Бенедиктова.

3) *Крыловъ.* Стих. Майкова.

б) Пѣніе. Для пѣнія см. оперы на басни Крылова (на стр. 16).

X. **Праздникъ ГОДОВЩИНЫ ШКОЛЫ.** Однимъ изъ желательнѣйшихъ праздниковъ въ школѣ является, безъ сомнѣ-

нія, годовщина основанія училища; день годовщины, надо сказать правду, рѣдко отмѣчается чѣмъ-либо выдающимся въ школьной жизни; сплошь и рядомъ онъ неизвѣстенъ даже и самимъ учителямъ.

Матеріаломъ указываемыхъ праздниковъ, очевидно, должны быть вещицы, развивающія въ совокупности мысль о пользѣ и необходимости просвѣщенія, или рисующія картинки изъ школьной жизни. Къ сожалѣнію наша поэзія очень бѣдна пьесами, которыя, соотвѣтствуя данной цѣли, были-бы вполнѣ доступны пониманію учениковъ начальной школы; есть, напр., чистѣйшіе перлы въ твореніяхъ Пушкина, Некрасова, Полонскаго, Плещеева, посвященные прославленію свѣта науки, но они либо чрезвычайно отвлеченны для лѣтей, либо облечены въ малопонятную для послѣднихъ форму. Вслѣдствіе этого и предлагаемый здѣсь подборъ матеріала не отличается особымъ богатствомъ; надо замѣтить еще, что стихотворенія учениковъ и крестьянъ, помѣщенныя далѣе, приведены не какъ вещи для исполненія, а какъ образчики новаго народнаго творчества, входившіе въ программу празднованія юбилеевъ нѣкоторыхъ народныхъ школъ; быть можетъ, устроители праздниковъ вызовутъ нѣчто подобное и въ средѣ бывшихъ учениковъ своихъ школъ; ихъ стихотворныя привѣтствія, не выдѣляясь литературными достоинствами, способны, однако, вызвать большой интересъ со стороны неприхотливой публики, особенно деревенской, посѣщающей школьные вечера.

Вообще на празднованіи годовщины слѣдуетъ отвести не послѣднее мѣсто ученическимъ сочиненіямъ и очеркамъ изъ жизни школы—именинницы, однимъ словомъ соединить съ праздникомъ то, что обыкновенно называется *актомъ*. Приводимъ очень интересную программу такого, необычнаго для сельской школы, акта, бывшаго въ Петинской школѣ и описаннаго въ журналѣ «Русск. Нач. Уч.» 1895 г. № 6—7. Торжество совершалось въ такомъ порядкѣ.

1. Хоръ «Царю Небесный». 2. Чтеніе отчета за первое десятилѣтіе. 3. Раздача свидѣтельствъ и наградъ. 4. Хоръ: Слава юному грамотѣю.

5. Ученикъ Ѳедоръ Протопоповъ читаетъ свое сочиненіе «Кольцовъ про лѣниваго мужика» и стих. Кольцова: «Что ты спишь, мужичокъ?» 6. Ученица Дочкина читаетъ свое стихотвореніе «Десятилѣтіе нашей школы». 7. Рѣчь попечителя объ итогахъ десятилѣтія.

Предлагаемъ примѣрную программу празднованія школьной годовщины, примѣнительно къ матеріалу, входящему въ настоящую книжку. Праздникъ распадается на 3 отдѣла: 1) актъ; 2) литературный отдѣлъ; 3) спектакль. Большинство школъ, конечно, поневолѣ должно будетъ ограничиться только первыми двумя отдѣлами.

Актъ. 1. *Пѣніе*: Царю Небесный.
2. Рѣчь законоучителя.
3. *Пѣніе*: Коль славенъ.
4. Рѣчь учителя о жизни школы за истекшій годъ.
5. *Пѣніе:* Актовая пѣсня. (Главачъ, партитура 1 р.)
6. Сочиненія учениковъ и ихъ привѣтствія школѣ.
7. *Пѣніе:* Слава.
8. Чтеніе или рѣчь учителя о дѣятеляхъ по народному образованію, о педагогахъ и выдающихся труженикахъ.
9. «Молитесь всѣ»... декламація ученика.
10. *Пѣніе*: Гимнъ Св. Кириллу и Меѳодію, творцамъ грамоты. (Сельскіе хоры, Шемякина и Главача).

Литературный отдѣлъ. 1. *Пѣніе*: Народный гимнъ.
2. Декламація: Притча о сѣятелѣ.
3. *Пѣніе*: Славься.
4. Декламація: Поле и школа.
5. *Пѣніе*: Дѣти, въ школу собирайтесь (Гусельки, № 111).
6. Декламація: Въ школу. Стих. Михайлова.
7. Ролевое чтеніе: Встрѣча. Стих. Косякова.
8. *Пѣніе:* Урокъ (стих. Беранже). Шк. пѣсни № 52.
9. Декламація: Школьникъ. Стих. Некрасова.
10. Ролевое чтеніе: Бабушка и внучекъ. Плещеева.
11. *Пѣніе гимна:* Гей, славяне. (Школьный хоръ Яичкова).

Спектакль: 1) «Сельская школа», или 2) «Поздравленіе» (изъ настоящаго сборника).

При возможности, рекомендуемъ поставить какую-либо цѣлую пьеску съ содержаніемъ изъ школьной жизни, напр. «Степка-отпѣтый» Грекова, или «Сельская школа» Лукашевича и пр.

XI. **Рождественская ЕЛКА.** Здѣсь въ книгѣ данъ подборъ стихотвореній *для чтенія* на елкѣ; изъ ролевыхъ вещей совѣтуемъ выбирать только веселое и жизнерадостное; все грустное, что можетъ смутить дѣтскую радость, должно быть изгнано. Пьесъ *для пѣнія*, спеціально елочныхъ, мало; пользуются обыкновенно пѣсенками, которыя удобно сопровождаются движеніями. Вотъ что, однако, можно пѣть передъ елкою:

1. *Адамъ.* Рождественская пѣсенка. Изданіе Юргенсона, цѣна 30 коп.

2. *Витоль.* № 76 (3 г.) Ай, коляда весела.

3. *Ганъ.* Рождественскія пѣсни для смѣшаннаго хора. Партитура 75 коп. 4 пьесы: 1) Скажите, гдѣ Младенецъ Тотъ. 2) Пусть ликуетъ все кругомъ. 3) Священной ночи часъ насталъ. 4) Тебя, Младенецъ, мы поемъ.

4. *Нимань.* Рождественскія пѣсни для 2 и 3 женскихъ или дѣтскихъ голосовъ. Пьесы: 1) Дѣтскій праздникъ. 2) Праздникъ радостный. 3) Святая ночь. 4) Пѣсня еловому лѣсу. Партитура 30 коп.

5. *Чайковскій.* Легенда: Былъ у Христа Младенца садъ. (Смѣшанный хоръ). Партитура 30 коп.

На елкѣ слѣдуетъ дать мѣсто и прозаическимъ отрывкамъ изъ произведеній, посвященныхъ выясненію значенія дня Рождества Христова или описанію празднованія его у разныхъ народовъ. При выборѣ этихъ отрывковъ слѣдуетъ избѣгать сухости ихъ изложенія.

II. Матеріалъ для ролевого исполненія.

1. Мама.

дѣйствующія лица: спрашивающій (ученикъ старшаго отдѣленія) и дѣти, 5—6 человѣкъ изъ мл. отд. (мальчики и дѣвочки).

Спрашивающій. Кто васъ, дѣтки, крѣпко любитъ,
Кто васъ нѣжно такъ голубитъ,
Не смыкая ночью глазъ,
Все заботится о васъ?

Дѣти (*хоромъ*).—Мама дорогая!

Спрашивающій. Колыбель кто вамъ качаетъ,
Кто васъ пѣсней забавляетъ,
Или сказку говоритъ,
Кто игрушки вамъ даритъ?

Дѣти (*хоромъ*).—Мама золотая!

Спрашивающій. Если, дѣтки, вы лѣнивы,
Непослушны, шаловливы,
Какъ бываетъ иногда,
Кто-же слезы льетъ тогда?

Дѣти (*хоромъ*).—Все она, родная!

2. Мать и дѣти.

лица: мать (дѣвочка старшаго отдѣленія въ темномъ платьѣ); дѣти—2—3 ученика средняго отдѣленія; слова ихъ (дѣтей) читаются хоромъ, или произносятся кѣмъ-либо однимъ.

Дѣти.—Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя,
Ты сама намъ говоришь.
Мать.—Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ.
Дѣти.—Мама, мама! въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ.
Мать.—Но... у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ-бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она.

---

3. Бабушка и внучекъ.

Дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ. Бабушка въ очкахъ сидитъ у окна и вяжетъ чулокъ; внучекъ задумчиво прислонился къ стѣнѣ.

Бабушка.—Что сидишь все дома, внучекъ?
Шелъ-бы въ садъ, копалъ-бы грядки,

Или кликнулъ-бы сестренку,
Поигралъ-бы съ ней въ лошадки.
Присмирѣлъ ты что-то, Ваня!
Все стоишь, сложивши ручки;
Посмотри, какъ свѣтитъ солнце:
Ни одной на небѣ тучки! (*Внучекъ подходитъ къ бабушкѣ и припадаетъ къ ней головкой).*
Знать, гостинцу захотѣлось?
Винныхъ ягодъ, винограда?
Ну, поди, возьми въ комодѣ.

Внукъ.—Нѣтъ, гостинца мнѣ не надо.

Бабушка.—Ужъ чего-нибудь да хочешь...
Или, можетъ, напроказилъ?
Можетъ, самъ, когда спала я,
Ты въ комодъ безъ спросу слазилъ?
Можетъ вытащилъ закладку
Ты изъ святцевъ для потѣхи?
Ну, постой-же... За проказы
Будетъ внучку на орѣхи!

Внукъ.—Нѣтъ, бабуся, не шалилъ я;
А вчера, меня цѣлуя,
Ты сказала: «будешь умникъ—
Все тогда тебѣ куплю я».

Бабушка.—Ишь, вѣдь, память-то какая!
Что-жъ купить тебѣ? Лошадку?
Оловянную посуду?
Или грабли да лопатку?

Внукъ.—Нѣтъ, ужъ ты мнѣ покупала
И лошадку, и посуду;
Сумку мнѣ купи, бабуся:
Въ школу съ ней ходить я буду.

Бабушка.—Ай да, Ваня! хочетъ въ школу,
За букварь да за указку!
Гдѣ тебѣ! Садись-ка лучше,
Разскажу тебѣ я сказку.
Внукъ.—Ужъ и такъ мнѣ сказокъ много
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, разскажи мнѣ
Лучше то, что вправду было.
Шелъ вчера я мимо школы...
Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ разсказывалъ учитель,
Долго слушалъ у окна я.
Слушалъ я, какія земли
Есть за дальними морями.
Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣрями.
Онъ разсказывалъ, гдѣ жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бываютъ грозы...
Рисовали тоже дѣти;
Много я глядѣлъ тетрадокъ,
Кто глаза, кто носъ выводитъ,
А кто домикъ да лошадокъ.
Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцѣлую
И какихъ тебѣ картинокъ
Распрекрасныхъ нарисую... (*Старушка плачетъ и благословляетъ внука).*
Бабушка.—Это Божіе внушенье!
Будь по твоему, голубчикъ,

Знаю я, что свѣтъ—ученье.
Бѣгай въ школу, Ваня; только
Спѣси тамъ не набирайся;
Какъ обучишься наукамъ,
Темнымъ людомъ не гнушайся! (*Мальчикъ шумно обнимаетъ бабушку и убѣгаетъ въ садъ*).

---

4. Любопытство.

Разговариваютъ двое—братъ Павлуша и сестра Лиза. Руки Лизы обернуты передникомъ.

Павлуша (*съ любопытствомъ*) —Что это тамъ у тебя въ передникѣ, Лиза?

Лиза. А тебѣ это очень нужно знать?

Павлуша (*шутя*). Покажи, а не то я насильно посмотрю.

Лиза. Ничего тамъ нѣтъ.

Павлуша. Не правда: ты что-то прячешь отъ меня. Покажи, пожалуйста, покажи.

Лиза. Не тронь; можетъ быть, это подарокъ тебѣ къ новому году.

Павлуша. Какъ? что? подарокъ къ новому году? Покажи-же, душечка сестрица, покажи, что тамъ такое. (*Хочетъ вырвать передникъ изъ рукъ сестры, но Лиза не даетъ*). Скажи, по крайней мѣрѣ, что это такое? Вѣрно, кошелекъ? Не правда-ли кошелекъ?

Лиза. Зачѣмъ тебѣ кошелекъ; развѣ я тебѣ не связала кошелька?

Павлуша. Что-жъ-бы это было такое? Ахъ, знаю: ты связала мнѣ шарфикъ?

Лиза. У тебя два шарфика, на что-же тебѣ третій?

Павлуша. Какъ ты меня мучаешь, сестрица? Какая ты скрытная!

Лиза. Какой ты любопытный!

Павлуша. Знаю, знаю! это, вѣрно, батюшка купилъ мнѣ что-нибудь къ новому году: какая-нибудь игрушка?

Лиза. Можетъ быть, батюшка и купилъ тебѣ что-нибудь; но ты знаешь, какъ онъ не любитъ, чтобы угадывали заранѣе его подарки.

Павлуша. Да я ему не скажу, и въ новый годъ притворюсь, какъ будто ничего не знаю.

Лиза. Я и не знала, что ты умѣешь такъ притворяться. Покажи-же, какъ это ты сдѣлаешь?

Павлуша. Ужъ сдѣлаю какъ-нибудь; но помоги, пожалуйста, отгадать, что тамъ у тебя такое. Что-нибудь изъ царства растительнаго?

Лиза.—Нѣтъ.

Павлуша.—Изъ царства животнаго?

Лиза.—Нѣтъ.

Павлуша.—Изъ царства минеральнаго?

Лиза.—Нѣтъ!

Павлуша.—Теперь же я тебя поймалъ: конечно, нѣтъ въ твоемъ передникѣ чего-нибудь изъ царства духовъ?

Лиза.—Конечно, нѣтъ. (*Опускаетъ со смѣхомъ передникъ и показываетъ, что въ рукахъ у нея ничего нѣтъ*). Къ какому царству принадлежитъ ничто?

Павлуша. Ахъ ты, плутовка! Зачѣмъ же ты такъ таинственно закрывала руки передникомъ, какъ будто бы у тебя и Богъ знаетъ, что такое?

Лиза. Мнѣ просто было холодно безъ перчатокъ; а ты самъ себя наказалъ своимъ любопытствомъ.

Павлуша. Хорошо! хорошо! но знаешь-ли, что я скажу тебѣ, Лиза!.. Въ другой разъ уже ты меня не проведешь...

---

5. Ряженые.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

	Ряженые.	
Дарья Семеновна старушка.		Старикъ
Нина ея внучка.		Коза
Подруги Нины (6 дѣвочекъ).		Медвѣдь

Комната. Дѣвочки сидятъ и разговариваютъ. За сценой раздается стукъ барабана.

Дѣвочки.—Что это?.. Что такое?... Ай, барабанъ...
Кто это бьетъ?.. Вѣрно, мальчики...

Голосъ старика (*протяжно*).
Эй, боярышни красивыя!
Эй, дѣвицы неспѣсивыя!
Двери шире распахните-ка
И гостей къ себѣ пустите-ка
Къ вамъ сосѣди ваши близкіе,
Не высокіе, не низкіе,
Не широкіе, не узкіе,

Все бояре чисто русскіе,
А пришли къ вамъ не съ помѣхою,
А съ весельемъ да потѣхою. (*Всѣ радостно вскакиваютъ и бѣгутъ къ дверямъ*).

Дѣвочки (*открывъ двери*).
— Ай, наряженные идутъ!...Наряженные!...
Наряженные... Вотъ славно-то!

Нина (*въ двери*).
— Входите, входите!.. Пожалуйте сюда.

Старикъ (*входитъ съ барабаномъ у пояса; кланяется*).

Дѣвочки.—Здравствуй, дѣдушка! Здравствуй.

Нина.—Съ тобой кто-то пришелъ, зови сюда всѣхъ.

Оля.—Что-же ты намъ не показываешь, кого ты привелъ?

Старикъ.—Погодите, погодите...
Вотъ сейчасъ, не торопите!
Мои спутники боятся
Сряду въ люди показаться:
Надо съ духомъ имъ собраться. (*Говоритъ въ двери*):
Эй, красавица рисованная,
Сажей съ углемъ размалеванная! (*Коза показывается въ дверяхъ*).

Дѣвочки (*смѣясь*).
— Ай, коза, коза!.. какая смѣшная!..

Старикъ (*козѣ*). Подходи сюда поближе,
Да отвѣсь поклонъ пониже. (*Коза выходитъ на середину и кланяется нальво*).
Вотъ люблю послушныхъ, право.
Поклонись-же и направо. (*Коза кланяется направо*).

Дѣвочки.—Здравствуй, здравствуй, козынька!
Старикъ (*дѣвочкамъ*). Позову теперь пріятеля,
Лѣсовъ темныхъ обитателя.
(*Въ двери*):
Ну, Топтыгинъ, будь смѣлѣе
И смотри повеселѣе!
Для чего тебѣ дичиться,
Когда можешь отличиться. (*Медвѣдь входитъ, переваливаясь и едва переставляя ноги*).
Старикъ (*медвѣдю*). Точно барышня—копуха
Или старая старуха... (*Медвѣдь останавливается*).
Ну, впередъ прямой дорожкой
Поклонись и шаркни ножкой! (*Медвѣдь дѣлаетъ два шага впередъ и кланяется на всѣ стороны*).
Мой пріятель на всѣ руки,
Знаетъ разныя науки:
Онъ и пишетъ, и читаетъ,
Даже музыку играетъ.
Онъ все можетъ показать,
Лишь извольте приказать. (*Молчанье*).
Ну, такъ что-же вы молчите?
Что представить вамъ?—скажите.
Дѣвочки.—Все равно... Пусть что хочетъ представитъ...
Что умѣетъ... Ты ему прикажи.
Старикъ. Ну, такъ вотъ-съ, для развлеченья
Мы начнемъ и представленье.
Только чуръ посторониться,
Что-бъ гдѣ было разойтиться. (*Дѣти отступаютъ*).
Ну-ка, Миша, развернись,

Добрымъ молодцомъ пройдись,
Да осмотри: не оступись,
Не споткнись, не поскользнись. (*Медвѣдь бодро идетъ мимо дѣвочекъ, но вдругъ спотыкается и чуть на нихъ не падаетъ. Дѣвочки съ визгомъ отскакиваютъ*).

Старикъ. Ай-да Миша, молодчина!
Сдѣлалъ славно для почина.
Развѣ такъ глупить возможно?
Представляй, братъ, осторожно...
Такъ нельзя, мой другъ, скандалить...
Лучше намъ изволь представить,
Какъ дѣвицы чинно, скромно,
Подперевъ руками щеки,
Съ книжечкой сидятъ укромно
И твердятъ свои уроки. (*Даетъ медвѣдю книжку. Тотъ ложится на полъ, книгу кладетъ себѣ подъ голову и принимается храпѣть. Дѣти смѣются*).

Старикъ. Вотъ такъ славно! Отличился!
Спать надъ книгой завалился!
Ты пришелъ сюда шутить!
А не дѣвушекъ срамить. (*Подымая медвѣдя*).
Ну, лѣнивецъ, не валяйся!
Живо съ полу подымайся! (*Медвѣдь поднимается*).
Если-жъ хочешь все загладить
И со мною вѣчно ладить,
То, братъ, глупости остать
И дѣтей ты намъ представь—
Умныхъ, милыхъ, добродушныхъ,
Безотвѣтныхъ и послушныхъ,

Ни какихъ-либо другихъ:
Какъ родителей своихъ
Они мило забавляютъ,
Имъ утѣху доставляютъ.

Голоса. —Ха-ха-ха! Мишенька! представь, представь! *(Медвѣдь становится на середину, два раза всхлипываетъ, потомъ разражается ревомъ. Дѣти смѣются).*

Старикъ (*держа медвѣдя*).

Ишь онъ, дерзкій!.. Мишка! Стой!
Перестань, молчи, постой! *(Медвѣдь смолкаетъ).*
Ахъ, бездѣльникъ ты пустой!
Этакъ выдумалъ орать.
Что-жъ, ты хочешь напугать?
Хочешь, что-бъ всѣ разбѣжались?
Чтобъ вдвоемъ мы тутъ остались?
Я съ тобою бился, бился,
А ты вотъ какъ отличился!
Ты срамишь меня и губишь.
Видно, друга, ты не любишь. (*Медвѣдь подходитъ къ старику и обнимаетъ его*).
Ну, чего намъ обниматься.
Вотъ за умъ бы лучше взяться...
Ты къ дѣвицамъ отправляйся,
Извинись да приласкайся.
Отличись-же, наконецъ!
Вотъ и будешь молодецъ. *(Медвѣдь поднимаетъ лапы и бѣжитъ къ дѣвочкамъ что бы кого-нибудь обнять. Тѣ съ крикомъ разбѣгаются).*
Ну, довольно, все уладилъ
И вину свою загладилъ,
А теперь остановись

И всѣмъ низко поклонись. (*Медвѣдь низко кланяется*).

Голоса. — Очень хорошо онъ представляетъ; какая морда у него смѣшная. Онъ и весь смѣшной.

Нина (*старику*).—Ну, надо васъ угостить за работу. (*Беретъ со стола коробку съ гостинцами и подноситъ ее медвѣдю*). Попробуй, Мишенька. (*Медвѣдь храпитъ и беретъ горстъ конфектъ. Нина подноситъ козѣ. Коза беретъ одну конфетку. Нина подноситъ старику*). Вотъ и тебѣ, старичекъ.

Старикъ. Вотъ спасибо, одолжила,
Старикашку не забыла.
Я до сладостей охочъ
И конфетку съѣсть не прочь.

Дарья Семеновна (*войдя*). Ну, дѣточки, повеселились, а теперь идите чай пить да гостинцы кушать.

Нина (*всѣмъ*).—Пойдемте чай пить. (*Всѣ идутъ*).

Старикъ (*загораживая дорогу*).
Нѣтъ, постойте, погодите!
Прежде пляску поглядите;
Надо всласть повеселиться,
А потомъ чайку напиться.

Голоса.—Хорошо, хорошо. Мы подождемъ. Это очень интересно.

Старикъ (*бьетъ въ барабанъ*).
Эхъ ма, берегись!
Не зѣвай, посторонись!
Подвернешься, налечу;
Упадешь, такъ растопчу. (*Всѣ со смѣхомъ отступаютъ*).

Старикъ (*поетъ*).

Ну-ка, козынька, впередъ!
Ну-ка, Мишенька, за ней! (*Медвѣдь и коза начинаютъ плясать. Дѣти смѣются*).

Ахъ, тахъ, тара-рахъ,
Тара-рахъ, тахъ-тахъ *).
Ну, скорѣе, подбодритесь!
Ну, живѣе, развернитесь!
Ахъ, тахъ, тара-рахъ,
Тара-рахъ, тахъ-тахъ.
Ну, рогатая, ползи!
Ну, мохнатый, торопись!
Ахъ, тахъ, тара-рахъ,
Тара-рахъ, тахъ-тахъ.
Ну-ка, этакъ, ну-ка, такъ!
Ну-ка, бокомъ, ну-ка скокомъ.
Ахъ, тахъ, тара-рахъ,
Тара-рахъ, тахъ-тахъ.
Ну, на мѣстѣ потопчитесь
И, какъ я, перевернитесь. (*Переверты-вается*).

Ахъ, тахъ, тара-рахъ,
Тара-рахъ, тахъ-тахъ!
Стой, ребята! (*Медвѣдь и коза сряду-же останавливаются*).

Важно!.. Славно!..
Дѣло знаете исправно.
Я теперь васъ отпускаю.
Поклонитесь да и къ чаю. (*Медвѣдь и коза кланяются и уходятъ. Старикъ бьетъ въ барабанъ и слѣдуетъ за ними. Дѣти уходятъ за старикомъ*).

*) Припѣвъ сопровождается барабан. боемъ; можно пѣть и хоромъ.

Голоса.—Ха-ха-ха!.. Вотъ отлично! Вотъ такъ молодцы... Ахъ, какъ славно!.. Коза потѣшнѣе медвѣдя... (*Всѣ уходятъ*).

---

6. Лѣсникъ и его внукъ.

Внукъ.—Дѣдушка, дѣдушка! Вотъ я чудесъ-то когда насмотрѣлся! Пѣсней наслушался всякихъ!.. и вспомню, такъ сердце забьется. Утромъ я сѣлъ на полянѣ подъ дубомъ и сталъ дожидаться, скоро-ли солнышко встанетъ. Въ лѣсу было тихо, такъ тихо, словно все замерло.. Вижу я,—тучки на небѣ алѣютъ—больше да больше,—и солнышко встало! Какъ будто пожаромъ лѣсъ освѣтило! Цвѣты на полянѣ, — листы на деревьяхъ, — ожило все, засіяло... ну, точно смѣется сквозь слезы Божьей росы!.. Сквозь просѣку увидѣлъ я чистое поле: яркимъ румянцемъ покрылось оно, а пары поднимались выше и выше, и золотомъ тучки отъ солнца горѣли. Богъ вѣсть, кто строилъ изъ тучекъ мосты, колокольни, хоромы, горы какія-то съ мѣдными шапками... Диво и только! Глянулъ я вверхъ: надо мною на вѣткахъ была паутина,—мнѣ показалось, серебряной сѣти я вижу узоры. Самъ-то паукъ длинноногій, какъ умный хозяинъ, поутру вышелъ, работу свою осмотрѣлъ и двѣ ниточки новыхъ бойко провелъ, да и скрылся подъ листикомъ, — вотъ ужъ лукавый!.. Вдругъ на сухую березу сѣлъ дятелъ и носикомъ длиннымъ началъ стучать, будто вымолвить хочетъ: «проснитеся, сони!». Слышу: малиновка гдѣ-то запѣла, за нею другая, и раздалися въ кустахъ голоса, будто праздникъ великій вольныя птички встрѣчали... такъ весело!.. Вѣтеръ прохладный, что-то шепнулъ потихоньку осинѣ,—

она встрепенулась, съ листьевъ посыпались свѣтлыя капли, какъ дождикъ, на травку; вдругъ зашумѣли березы, орѣшникъ, и лепетъ, и говоръ по лѣсу всюду пошелъ, словно гости пришли на бесѣду.

Лѣсникъ. — Охъ, ты, кудрявый шалунъ! на яву начинаешь ты грезить! Вѣтеръ въ лѣсу зашумѣлъ—у него это чудо большое. Любишь ты сказки-то слушать и самъ ихъ разсказывать мастеръ. Вишь, вчера вечеромъ сѣлъ у ручья да глазѣетъ на звѣзды, невидаль точно какая! Кололъ-бы ты лучше лучину! Что, и ручей, чай, вчера разказалъ тебѣ новаго много?

Внукъ. — Какъ-же, разсказывалъ, дѣдушка! Я любовался сначала, какъ потухала заря, и на небѣ одна за другою звѣздочки стали выглядывать; мнѣ показалось въ ту пору: ангеловъ свѣтлыя очи глядятъ къ намъ оттуда на землю. Видѣлъ я, какъ поднимался и мѣсяцъ надъ лѣсомъ; не знаю, что онъ не смотритъ, какъ солнышко? все будто думаетъ что-то. Любо мнѣ было. Прилегъ я на травку подъ ивой зеленой,—слышу, ручей говоритъ: «Хорошо мнѣ журчать въ темномъ лѣсѣ: въ полночь тутъ дивы приходятъ ко мнѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ; только раздолья здѣсь нѣтъ. Будетъ время, я выйду на волю, выйду изъ темнаго лѣса, увижу и синее море; въ морѣ дворцы изъ стекла и сады съ золотыми плодами; есть тамъ русалки, бѣлѣй молока ихъ открытыя плечи; очи, какъ звѣзды, горятъ; въ волосахъ дорогія каменья. Есть тамъ старикъ — чародѣй; разсылаетъ онъ вѣтры по волѣ; слушаютъ рыбы его; вѣсти чудныя рѣки приносятъ.»

Лѣсникъ. — Вотъ, погоди, — подрастешь, позабудешь ты эти разсказы, люди за нихъ не дадутъ тебѣ хлѣба и

скажутъ: трудися! Вонъ нашъ пастухъ съ раннихъ лѣтъ обучился играть на свирѣли, такъ и состарился нищимъ, все новыя пѣсни слагаетъ!

Внукъ.—Развѣ не плакалъ ты, дѣдушка, самъ, когда вечеромъ позднимъ брался пастухъ за свирѣль, и по темному лѣсу далеко пѣснь соловьиная вдругъ разливалась,—и все замолкало, словно и лѣсъ ее слушалъ, и синее небо, и звѣзды? Нѣтъ, не брани меня, дѣдушка! Выросту, буду трудиться, буду и пѣсни я пѣть, какъ поетъ вѣтерокъ перелетный, вольныя птицы по днямъ, по ночамъ темный лѣсъ подъ грозою, буду пѣть радость и горе, и улыбаться сквозь слезы!..

---

7. Жена ямщика.

Лица: Чтецъ *(ученикъ, читающій выразительнье всѣхъ товарищей);* мать *(самая взрослая изъ ученицъ);* сынъ *(младшій изъ учениковъ);* мужикъ *(ученикъ съ приставной бородой, въ ямщицкомъ костюмѣ, съ рукавицами и кнутомъ за кушакомъ).*

Внутренность бѣдной крестьянской избы. Женщина прядетъ.

Чт. Жгучъ морозъ трескучій.
На дворѣ темно.
Серебристый иней
Запушилъ окно.
Тяжело и скучно.
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина
Издавая трескъ,
На палати, стѣны
Разливая блескъ.
Дремлетъ подлѣ печки
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ кудрявый
Въ старомъ зипунѣ.
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ

Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.
Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ за прялкой
Мать его сидитъ.
Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.
Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ, что въ воду, канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.

Ж. Ну, Господь, помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ!..
Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной—одна?
Сынъ еще ребенокъ,
Скоро-ль подрастетъ?
Бѣдный!. все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ.
Какъ-то мы безъ мужа
Станемъ поживать? (*сыну*):
Ты-бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!

Сынъ. А зачѣмъ-же, мама,
Ты сама не спишь.
Жена. Охъ, мой ненагляд-
ный!
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ,
И вечоръ все пряла,
И теперь сидишь?
Что-то такъ мнѣ грустно
Божій свѣтъ не милъ.

Сынъ. Полно плакать, мама! (*Припадаетъ къ плечу матери*)

Жена. Я не стану плакать,
Лягъ, усни, дружокъ!
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.
Постелю постельку
И, Господь, пошлетъ,
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ.
Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать...

(*Устраиваетъ сыну постель; тотъ ложится*).

Чтецъ. И дитя забылось...
Ночь длинна, длинна...
Мирно раздается
Звукъ веретена.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ;
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

(*Молчаніе минуты на три; женщина прядетъ; раздается стукъ въ дверь; мальчикъ просыпается*).

Жена. Господи помилуй! Кто тамъ застучалъ?

Сынъ (*вскакивая*). Батюшка пріѣхалъ.

Жена (*сыну*). Ты уже и всталъ?
Вишь какой румяный—
Щеки ярче розъ.

Сынъ (*радостно*). Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!

Мужикъ (*съ силой отворяя дверь*).
— Вишь морозъ, какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ;
Я силенъ, а все-же
Еле отворилъ.

(*Отряхивается, крестится и, почесавъ затылокъ, говоритъ*).

— Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ!
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!
Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ;
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ...

Жена (*со страхомъ*). А мой мужъ?

Мужикъ. Въ Москвѣ-то
Вдругъ онъ захворалъ,
И, Господь, бѣднягѣ
По-душу послалъ.

(*Женщина безсильно опускается на лавку почти въ обморокъ, сынъ дрожитъ и начинаетъ плакать*).

Мужикъ (*въ сторону*).
— Вишь, какая притча!
Обмерла вѣдь въ мигъ!
Вѣрно, я не въ пору
Развязалъ языкъ.
А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-міру ходить (*женѣ ямщ.*)
Полно горевать-то...
Жаль, что я сказалъ...
Стало, неча дѣлать:
Богъ, знать, наказалъ!
— Ну, прощай, покуда —
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Вотъ тутъ у двора.
Да!... вѣдь, эка память!
Все сталъ забывать... (*Вынимая изъ пазухи крестикъ*):
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:
— «Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему».
А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ.
По смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ.

(*Кланяясь, уходитъ*).

---

8. Встрѣча.

Деревенская околица; видѣнъ уголъ гумна. Разговариваетъ прохожій-горожанинъ и ученикъ сельской школы съ сумкой за плечами.

Прохожій (*спрашиваетъ*).
— Куда идешь?
— Въ котомкѣ что?

Мальчикъ (*отвѣчаетъ*).
— Вѣстимо въ школу!
— Доска, тетрадь.

— А какъ зовутъ?
— Купилъ кто книжку?
— Читать умѣешь?
— Поди и пишешь?
— Молитвы знаешь?
— А годъ который?
— Кто учитъ васъ?
— Что строгій онъ?
— А тятя живъ?
— А сколько васъ?
— Шалишь подчасъ?

— Зовутъ Никола.
— Знамо, мать.
— Разбираю.
— Развѣ нѣтъ?
— Какъ не знаю?
— Восемь лѣтъ.
— Отецъ Никита.
— Ни, Боже, мой!
— Молотитъ жито.
— Пять; я старшой.
— Бываетъ съ нами.

Прохожій.—А лѣнишься? Ну, что-жъ, пострѣлъ,
Ты на меня такъ посмотрѣлъ?

Мальчикъ.—Вы, вѣрно, лѣнитеся сами! (*Быстро уходитъ, но еще разъ взглядываетъ недовольно на прохожаго*).

Прохожій (*публикѣ*).
— Обидѣлся! А вѣдь потомъ
Еще хотѣлъ сказать онъ что-то,
Но, знать, подумалъ;—вотъ охота!
И быстро скрылся за гумномъ.

---

9. На дорогѣ.

У дороги на бревнѣ (зимою) сидятъ мужикъ и закутанный шубенкой мальчикъ. Подходитъ прохожій, одѣтый по зимнему.

Прохожій.—Здорово!
Мужикъ.—Здорово!
Прохожій (*садясь*).—Далече-ль?
Мужикъ.—Въ село.

Прохожій.

— Я туда же иду.
На мѣсто ты малаго, что-ли?

Мужикъ.

— Нѣтъ! въ школу, родимый, веду.
На мѣсто успѣетъ, дай сроку,
Науку узнать ему слѣдъ.

Прохожій.

— А много-ли лѣтъ мальчугану?

Мужикъ.

— Да девять ужъ стукнуло лѣтъ.
Другую онъ учится зиму.
Читаетъ отлично сейчасъ
И любитъ науку... Помощникъ
Онъ будетъ разумный у насъ.
Вотъ только бѣда-то какая:
Вишь школы-то нѣту у насъ...
Стоитъ, братецъ, наша деревня
Сироткой во тьмѣ по сей часъ.
(*Вставая*).
Ну, что? отдохнулъ-ли, Ванюша?
Пора намъ, родимый, итти...
(*Прохожему*) Ты съ нами?..

Прохожій.

— Да, братцы, я съ вами... (*Вставая*).
Пойдемте: итти по пути... (*Уходятъ.*)

10. Сельская школа.

Классная комната въ сельской школѣ. Слѣва парты, справа столъ учительницы и классная доска. Въ глубинѣ окна; двери—по бокамъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Загарина, учительница.
Сеня, Вася, Ѳедя, Егоръ, Ваня — ученики.
Маша, Аня, Даша, Матреша, Марѳуша — ученицы.
Матвѣй, сторожъ.

При началѣ дѣйствія шумъ отъ дѣтскаго говора.

Загарина.—Тише, дѣти, тише!.. Что вы расшумѣлись, своего голоса не слышишь. (*Шумъ нѣсколько стихаетъ*). Сеня! я говорю—тише, а ты не можешь угомониться.

Сеня.—Она у меня карандашъ взяла.

Загарина.—Лиза! зачѣмъ ты взяла Сенинъ карандашъ? Отдай сейчасъ... (*Лиза отдаетъ*). Списывайте скорѣй, дѣти, пора кончать классъ. Вася! повтори по порядку всѣ дни недѣли!

Вася.—Понедѣльникъ... Вторникъ... Четвергъ...

Ѳедя.—Вотъ на!.. Куда-жъ ты середу дѣвалъ? За пазуху спряталъ на ужинъ?

Загарина.—Ѳедя! я не тебя спрашиваю,—сиди смирно... Маша, ты что тамъ не пишешь?

Маша.—У меня, Ольга Николаевна, жукъ въ книгѣ. (*Дѣти тянутся къ Машѣ*).

Загарина. Дай сюда книгу... (*Маша подаетъ; Загарина сдуваетъ жука*). Ну, вотъ и нѣтъ жука. Пиши. (*Отдаетъ книгу. Маша пишетъ*). Аня! помоги Васѣ сказать дни недѣли по порядку.

Аня.—Ну, Вася, говори.

Вася. — Понедѣльникъ, вторникъ, середа, четвергъ. (*Смолкаетъ*).

Аня (*подсказывая*).—Пятница.

Вася.—Пятница... (*скороговоркой*). Въ пятницу у насъ жеребенокъ пропалъ,—мама какъ ревѣла!

Загарина.—Объ этомъ ты можешь потомъ разсказывать; называй дни. Какой день идетъ послѣ пятницы?

Вася.—Суббота... А ужъ тамъ воскресенье, потому что праздникъ.

Загарина.—Сколько-же всѣхъ дней въ недѣлѣ?

Вася.—Семь.

Загарина.—Такъ; семь дней... Аня, садись.. Даша, а не можешь-ли ты сказать, сколько недѣль бываетъ въ году?

Даша.—Много. (*Дѣти смѣются*).

Загарина.—Ну что вы смѣетесь; она забыла,—и вы не все помните... кто можетъ сказать? мы недавно эту задачу рѣшали. (*Нѣсколько дѣтей поднимаютъ руки*). Скажи, Ѳедя.

Ѳедя.—Въ году пятьдесятъ двѣ недѣли, да еще съ лишкомъ. (*Входитъ Матвѣй*).

Матвѣй.—Барышня! теленокъ въ сѣни забѣжалъ, кадку опрокинулъ.

Загарина.—Ну, что-жъ!

Матвѣй.—Всѣ сѣни залилъ.

Загарина.—Ну, размети да подотри, словно ты не знаешь, что дѣлать.

Матвѣй.—Я знаю, какъ не знать,—я ужъ все справилъ... таперича все чисто.

Загарина.—Такъ чего-же ты приходишь говорить?

Матвѣй.—То-то, что все справилъ. (*Матреша подошла къ Загариной*).

Загарина.—Что тебѣ, Матреша?

Матреша.—Ольга Николаевна, я кончила.

Загарина.—Дай тетрадку. (*Матреша подаетъ. Матвѣй взялъ метлу и начинаетъ мести полъ*). У-у!—матушка! какихъ ты жердей наставила (*Дѣти подлѣ нея тянутся заглянуть въ тетрадку*). Да твоими буквами можно цѣлый огородъ загородить... (*Замѣтивъ Матвѣя*). Матвѣй! теперь не время подметать; кто-же подметаетъ во время урока! Ты мѣшаешь учиться. (*Матвѣй недовольный машетъ рукой и ставитъ метлу къ сторонкѣ*). Садись тутъ, Матреша, и слушай.

Матвѣй.—Кузька, иди сапоги точать.

Загарина.—Что ты опять выдумываешь! Ты видишь, Кузьма пишетъ.

Матвѣй.—Вы-же сами приказали, что-бъ я его училъ сапожному ремеслу.

Загарина.—Такъ всему свое время. Теперь онъ долженъ писать. Я вѣдь тебѣ сказала, когда съ кѣмъ заниматься, что ты опять все перепутываешь.

Матвѣй.—Вамъ не угодить.

Загарина.—Пожалуйста, пожалуйста, не подъѣзжай. Провинился, такъ вдругъ ревность какая напала некстати. Исполняй свое дѣло, когда надо.

Матвѣй.—Не угодишь. (*Уходитъ*).

Загарина.—Марѳуша! о чемъ вы тамъ спорите?

Марѳуша.—Какъ-же, Ольга Николаевна, вонъ Егорка говоритъ, будто есть такія недѣли, что меньше семи дней.

Загарина.—Во первыхъ, не говори Егорка, а Егоръ; во вторыхъ,—Егоръ объясни, что ты ей говорилъ?

Егоръ.—Такъ вѣдь, Ольга Николавна, коли на недѣлѣ праздникъ случится... примѣрно, Николинъ день, али тамъ Благовѣщенье...

Загарина.—Такъ что-жъ?

Егоръ.—Вѣдь въ праздникъ-то не работаютъ... въ Благовѣщенье и птица гнѣзда не вьетъ.

Загарина.—Ну, не работаютъ.

Егоръ.—Стало, въ этакую-то недѣлю не наработать того, что въ простую-то... стало, она, эта недѣля-то, меньше.

Загарина.—Только рабочихъ дней меньше, а всѣхъ дней все равно столько-же; въ простую недѣлю шесть дней рабочихъ, одинъ праздникъ... а коли два праздника, такъ рабочихъ дней пять, все-таки два да пять семь выходитъ. Такъ вѣдь?

Егоръ.—Такъ-то оно, такъ... а все словно меньше.

Марѳуша.—По моему вышло (*Митя подходитъ къ Загариной*).

Загарина.—Тебѣ что, Митя?

Митя (*подавая тетрадь*).—Я дописалъ.

Загарина.—Кто еще кончилъ? Ваня! что ты тамъ болтаешь?

Ваня.—Я то-же дописалъ.

Загарина.—Такъ что-жъ ты не подаешь тетрадки?

Ваня.—Да вы мнѣ не сказали, чтобъ я самъ... (*Подаетъ*) Вотъ тетрадка.

Загарина.—Кто кончилъ писать, давайте тетрадки.

(*Дѣти подаютъ тетрадки, шумъ, говоръ*). Тише, дѣти! развѣ нельзя безъ шума? (*Собираетъ тетради*). А теперь ступайте, дѣти, побѣгайте по улицѣ... чрезъ полчаса опять позову,—далеко не уходите, да чуръ—не шалить... (*Дѣти выходятъ*). Тише! зачѣмъ толкаться? всѣ успѣете... А ужъ ты, Федя, не можешь? Ты непремѣнно долженъ задирать... тише! (*Дѣти выходятъ*).

---

11. Перемѣна.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Дѣти:	Степка-отпѣтый.
Васька,	Наталья, мать его.
Митька,	Яковъ, отецъ Насти.
Маша,	Екатерина Николаевна,
Настя,	учительница.

Дворикъ передъ школой. Школьники играютъ. Въ одной изъ группъ находится Маша, Митька, Васька и др. Маша съ живостью, съ жестикуляціями ведетъ разсказъ.

Маша (*Васькѣ*).—Не вѣришь?.. не вѣришь?.. А я тебѣ сказываю, вислоухій, что есть!..

Васька (*задорно*).—Ты не лайся, тощая цапля!.. Какія такія вѣдьмы? Вотъ нешто ты вѣдьма, а другой, почитай, нѣту на свѣтѣ!..

Митька.—Ха-ха-ха!.. Машка—вѣдьма!.. Нѣтъ, братъ, она не вѣдьма, а заинька!

Маша.—Вислоухіе!.. вишь гогочутъ!.. Сказываю вамъ—есть!..

Васька.—А ты сама видала?

Маша.—Сама не видала, а тетка Парасковья видала. Безпремѣнно видала! Было это объ масленой... выходитъ она ночью доглядѣть коровъ, а вѣдьма, вся въ бѣломъ, съ распущенными косами, Рыжутку-то ея и доитъ. . Тетка Парасковья какъ закричитъ: «Ой, люди добрые! вѣдьма коровушку мою портитъ!» А вѣдьма тогда обернулась...

Митька (*смѣясь*).—Въ заиньку-Машку!..

Маша. — Врешь, озорникъ!.. въ черную собаку, да и убѣгла въ поле. Истинно вѣрно!..

Васька (*смѣясь*). — Не случился тамъ Степка, — онъ изловилъ-бы ту вѣдьму за хвостъ Поглядѣли-бы тогда, кака така вѣдьма.

Маша.—Что Степка, что ты—пятакъ васъ пара... оба отпѣтые, извѣстно.

Васька.—Постой, коза, полаешься! Вотъ Степку опять приведутъ въ школу,—онъ тѣ намылитъ горбъ. Сказывалъ, всѣхъ зарѣченскихъ будетъ сокрушать.

Митька.—Ну, мы тоже ему подъ микитки насажаемъ.

Васька.—Вы!? Голопяты вы! дрянь зарѣченская. Степка волковъ бьетъ, а васъ... тьфу! (*свиститъ*).

Митька (*засучивая рукава*). — Да ты что лаешься? (*своимъ*). Братцы! валяй на ланского.

Маша (*подзадаривая*).—Навалите ему подъ бока... на обѣдъ и на полдникъ! .

Васька (*принимая боевую позу*). — А я вамъ и на завтра отпущу еще малость... (*Азартно*). Выходи, у кого бока цѣлы,—буду ребра считать.

Дѣти (*изъ другой группы*). — Катерина Николавна идетъ... Катерина Николавна!..

Маша (*отскакивая въ сторону*).—Я сбѣгу, чтобъ Кате-

рина Николавна не увидала (*смѣшивается съ толпой; остальные бойцы тоже стушовываются*).

Васька.—Испужались? Ахъ вы, зарѣченскіе голопяты! Погоди ужо... мы васъ со Степкой!..

Учительница (*входя, дѣтямъ*). — Вы что тутъ такъ шумите?.. На всю улицу слышенъ вашъ крикъ.

Дѣти. — Мы, Катерина Николавна, играли! Пока занятія — мы въ игры... (*Учительница направляется къ школѣ. Въ это время входятъ въ калитку Яковъ и Наталья, за ними— Настя и Степка*).

Степка (*тихо Настѣ*). Лучше-бъ ужъ мнѣ въ лѣсъ на волковъ, чѣмъ въ школу... на кой прахъ она мнѣ?

Настя (*тихо*). — Не упирайся, иди! (*учительницѣ*). Здравствуйте, Катерина Николавна!..

Учительница. А, Настюша!.. Ты что это опоздала?

Настя. Да вотъ тятенька.

Яковъ. Помолчи, Настя!.. (*Кланяясь*). Ужъ на мнѣ вина, Катерина Николавна, что дочку малость задержалъ... Вишь я вотъ съ нею вмѣстѣ еще ученика привелъ тебѣ... Ну-ка, Степка, покажись (*отстраняется, чтобы показать Степку*).

Дѣти. Степка! Степка-отпѣтый!..

Учительница. Ну, этого-то ученика я знаю. Хотя и добрый мальчикъ, но озорникъ большой: за это его и удалили изъ школы.

Наталья (*кланяясь*).—Мать родная! Ужъ пожалѣй ты хотя мое материнское горе: прими его опять въ школу; вѣкъ Бога буду молить за твою душеньку.

Учительница.—Полно, Господь съ тобой! Не кланяйся, матушка. Я рада бы и безъ поклоновъ принять его, да вѣдь я сама подначальная, а мнѣ начальство земское

запретило принимать его. Вѣдь ты знаешь, какую штуку онъ откололъ? Члену земской управы, Дмитрію Дмитріевичу, на спину вскочилъ. (*Яковъ молча улыбается*).

Наталья (*Степкѣ*).—Ахъ ты, озорникъ!.. Ахъ ты...

Степка. — Да вѣдь я невзначай.. Мы въ чехарду играли,—чего-жъ онъ подвернулся? Я сгоряча подумалъ: школьный сторожъ Никашка,—да и махнулъ ему на спину... (*Школьники хохочутъ*). Вы что гогочете?.. Сами же тогда поджигали: «прыгай, Степка, прыгай»!.. Вотъ-те и прыгнулъ!

Наталья.—Вотъ озорникъ... и, Господи!..

Яковъ. — Ну, Катерина Николавна, мы міромъ ударимъ челомъ Дмитрію Дмитричу, чтобъ простилъ неразумнаго мальчишку, а ужъ ты уважь намъ: всѣ ланскіе просили похлопотать у тебя за Степку... Ужъ радѣтельный онъ паренекъ!..

Учительница.—Слышала я... разсказывали мнѣ ваши ланскіе дѣти, что онъ отстоялъ ваше стадо.

Яковъ.—Вѣрно, Катерина Николавна, вѣрно. Вотъ за это самое я и беру его къ себѣ на мѣсто сына, а ланское общество проситъ твою милость, чтобы опять принять его въ ученье... радѣтельный вишь онъ для міра. (*Кланяясь*). Ужъ будь милостива, прими парнишку, хоть для ея сиротства. (*Киваетъ на Наталью*).

Учительница.—Дѣлать нечего, пусть останется...

Наталья (*кланяясь*) —Мать родная!..

Учительница.—Не кланяйся пожалуйста. Школа для всѣхъ; и я охотно буду заниматься съ нимъ, какъ съ другими... Только вотъ Дмитрій Дмитріевичъ.. Ну, да я переговорю съ нимъ и постараюсь уладить дѣло!..

Яковъ (*кланяясь*). — Спасибо тебѣ превеликое, Катерина Николавна!..

Настя (*Степкѣ*).—Рада я, что ты опять въ школѣ.

Степка (*ласково*).—Поди ты!..

Учительница (*Степкѣ*). — А что, не забылъ ты еще складовъ, что училъ?..

Степка. — Забудешь!? Гдѣ забыть, коли Настя вотъ утро и вечеръ зудила меня грамотой!..

Настя (*сконфуженно*).—Я... я... ничего.

Учительница.—Вишь учительница... Ну, умница... Это хорошо... Она у меня лучшая ученица и скромная дѣвочка. (*Степкѣ*). Вотъ и ты, Степа, бери примѣръ съ своей учительницы... Учись примѣрно, будь кротокъ, не озорничай и не доводи себя до того, чтобы прогнали изъ школы...

Наталья. — И, Боже сохрани тебя, Степка!.. Ежели тебя опять выгонятъ

Степка (*добродушно улыбаясь*).—Вотъ што, Катерина Николавна, скажу вамъ: озорничать больше не буду въ школѣ и всѣмъ стану спуску давать... (*Косо поглядѣвъ на зарѣченскихъ мальчиковъ*). Вотъ развѣ зарѣченскіе подвернутся!.. Но ежели кто Настю изобидитъ, — ну, держись шапка на макушкѣ! Потому она лепешками накормила меня въ лѣсу, какъ я былъ три дня не жрамши...

Яковъ (*смѣясь*).—Ой, чтобъ тебя, Степанъ!

Учительница.—Нѣтъ, ужъ ты самъ не расправляйся Малъ ты, чтобы быть справедливымъ. Хорошо, что ты не забываешь сдѣланнаго добра; но если кто обидитъ Настю, ты скажи мнѣ: я взыщу справедливѣе, а ты пожалуй пересолишь. Смотри-же, не смѣй самъ расправляться. (*Дѣтямъ*). Ну, поиграйте еще немножко, а я вотъ по толкую съ ними. Пойдемъ, Яковъ, и ты Наталья, со мною въ школу... (*Дѣтямъ*). Да не шумите очень... (*Уходятъ*).

Степка (*ребятамъ*).—Ну, братцы, вотъ опять къ вашему стаду отпѣтый Степка!.. Гляди-жъ, не подворачивайся спросту... а особливо вы, зарѣченскіе: не вашъ я теперь, а ланской! (*Весело*). Ребята! не сыграть ли опять въ чехарду?.. Стройся, кто охочъ!..

Дѣти —Валяй!.. Идетъ!.. (*Общее оживленіе*).

Митька.—Машка долговязая! становись первая.

Маша (*выбѣгая*).—Кто первый? Вали!.. (*наклоняется*).

Степка.—Первый чередъ мой... Разступися, братцы... (*Занавѣсъ*).

---

12. Поздравленіе.

Школьная передняя съ двумя дверями; одна изъ дверей — въ комнату учительницы. Около стѣнъ вѣшалки, стулья или скамьи. На вѣшалкахъ дѣтское платье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Учительница (за сценой).
Фетинья (прислуга).
Брюквина Аня.
Курдюкова Лиза.
Сывороткина Маша.
Клецкина.
Хохлова.
Анисова.
Кашкина.
Бутылкина.
Квакушкина (маленькая дѣвочка).
Усова (тоже).
Усова-мать.

На сценѣ дѣвочки—Курдюкова, Брюквина, Сывороткина, Клецкина, Хохлова, Бутылкина, Кашкина — тихо разговариваютъ и показываютъ другъ другу поздравленія; Фетинья подметаетъ полъ щеткой. Входитъ Усова-мать съ дочкой.

Усова-мать.—Здравствуйте, Фетинья Прохоровна!

Фетинья.—Здравствуйте, матушка, здравствуйте! Поздравить пришли?

Усова-мать. — Да, родная моя, поздравить... Да какъ же и не поздравить-то! Человѣкъ то какой! Нашимъ дѣтишкамъ, почитай, вторая мать будетъ.

Фетинья (*Опираясь на щетку*). — Истинно такъ, матушка, истинно такъ. Ужъ я человѣкъ строгій и даромъ хвалить не стану, а тутъ и я скажу: печется она о нихъ и заботится. А вотъ онѣ этого не понимаютъ: не цѣнятъ ее, огорчаютъ...

Брюквина. — А чѣмъ-же мы огорчаемъ-то?

Фетинья. — А мало ли чѣмъ? Не учитесь, балуете. (*Усовой*) Вѣрите-ли, матушка, такъ онѣ въ классѣ-то ее другой разъ замучаютъ, что придетъ она оттуда ни жива, ни мертва, грохнется на постель и лежитъ неподвижно. Тутъ съ ней и не разговаривай. Ну, потомъ-то отойдетъ, встанетъ, пообѣдаетъ и опять ничего.

Усова-мать. (*грозя пальцемъ дочери*).—Вотъ вы какія озорныя!

Фетинья. — А вечеромъ опять за дѣло... Тетрадки поправлять начнетъ...

Усова-мать —Видишь ты!..

Фетинья. —А у другой школьницы, знаете, иной разъ въ тетрадкѣ-то такія, извините, финдифирюли выведены, что и разобрать-то никакъ невозможно. Вотъ тутъ и поправляй, какъ хочешь.

Усова-мать. — Да что и говорить: хлопотливое дѣло учительское...

Фетинья. — Трудное дѣло, матушка, охъ трудное. Да вотъ какъ,—заставь, примѣрно, меня этимъ дѣломъ заниматься — не возьмусь, ни за что не возьмусь, хоть озолоти съ ногъ до головы. Супъ тебѣ какой хочешь сварю,

бланманже сдѣлаю, а это нѣтъ, ни подъ какимъ резономъ.

Усова-мать.—Вотъ и поди, какую нынче заботу взяли о нашихъ-то ребятахъ. О насъ такъ не пеклись.

Фетинья (*махнувъ рукою*).—Что и говорить! И похожаго нѣтъ.

Усова-мать.—Теперь въ голову-то такъ и накладываютъ, такъ и накладываютъ. Всему то тебя обучатъ: и жить-то какъ, и какъ родителей уважать и Бога какъ почитать, а вѣдь это первѣй всего. Ужъ такъ мы, бѣдные люди, должны Бога благодарить, такъ я и не знаю.

Фетинья.—Именно, благодарить, именно.

Усова-мать.—И сами-то мы учимся отъ нихъ, отъ дѣтишекъ-то. Придутъ, разскажутъ, и о томъ узнаешь, о чемъ прежде и не слыхивалъ. Вотъ какъ это пользительно.

Усова-дочь.—Полезно, мамаша, а не пользительно. Ты все не такъ говоришь.

Усова-мать.—Да я забываю.

Фетинья.—А жаль только, что вотъ нынче березовую кашу отмѣнили. Для нихъ бы это не мѣшало, иногда, знаете.

Хохлова.—Ишь ты, какая ловкая, что придумала!

Брюквина.—Это тебѣ березовой каши нужно, а не намъ.

Фетинья.—Стара я для этого, да и вины за собой не имѣю, а вы-то балуете, не слушаетесь. Да будь я учительницей, такъ я васъ на горохъ бы еще ставила.

Клецкина.—Ого, какая мадамъ!

Дѣвочки.—Ха-ха-ха!.. Мадамъ, мадамъ!

Фетинья (*грозя пальцемъ*).—А вотъ я вамъ задамъ, такъ и будетъ мадамъ.

Голоса (*со смѣхомъ*).—Мадамъ, мадамъ!.. ха-ха-ха!..

Клецкина.—Фетинья Фетинья!..

Фетинья.—Что тебѣ?

Клецкина.—А у тебя когда будетъ ботвинья? (*Дѣвочки смются*).

Фетинья (*возвыся голосъ*).—Да полно вамъ шумѣть-то! Перестаньте. Хотите обезпокоить Гликерію Степановну. Ну, ужъ и баловницы. (*Дѣти стихаютъ. Входитъ Квакушкина*).

Усова-дочь.—Вотъ и Квакушкина. Здравствуй!

Квакушкина.—Здравствуй. Вы еще не поздравляли?

Усова.—Нѣтъ еще.

Сывороткина (*Квакушкиной*).—Ну что, Люба, написали тебѣ поздравленіе.

Квакушкина.—Да, написали.

Анисова.—Ну, такъ покажи.

Квакушкина (*не снявъ пальто*).—Сейчасъ достану. (*Достаетъ изъ кармана конвертъ*).

Кашкина.—Давай, я прочту.

Хохлова.—Ты тихо читаешь. Дай мнѣ, я скорѣй прочту. (*Беретъ отъ Квакушкиной бумажку*).

Фетинья.—Пусть она сама прочтетъ.

Дѣвочки.—Она еще не умѣетъ.

Хохлова.—Я прочту.

Голоса.—Читай, читай!

Хохлова (*читаетъ*)—«Господинъ Кукареку!
Я принесъ вамъ табаку.
Мой прекрасный табачекъ
Вамъ очиститъ голосокъ.

Вы щепоточку возьмите,
Въ ротъ подальше затолкните,
Двѣ минуточки постойте.
И тогда уже запойте.
А совѣта не возьмете
И безъ этого споете,
Такъ потомъ ужъ не ропщите,
Если куриц насмѣшите. (*Общій хохотъ*).

Усова-мать.—Ахъ, матушки мои!

Сыворотkина.—Ха-ха-ха! Вотъ такъ хорошо!

Хохлова (*смѣясь*).—Вотъ такъ стихи!

Фетинья (*Квакушкиной*).—Да развѣ такое писанье можно подать учительницѣ? Ты сама это написала?

Квакушкина (*со слезами*).—Нѣтъ, я еще не умѣю писать... Это мнѣ братишка написалъ.

Бутылкина (*участливо*).—Люба! ты сходи скорѣй домой да попроси написать что-нибудь другое.

Квакушкина (*со слезами*).—Кого-же я попрошу?

Усова-мать.—Конечно, не братишку, а кого-нибудь изъ старшихъ, маму или папу.

Квакушкина (*плача*).—Они плохо пишутъ... Я лучше попрошу нашего сосѣда Петра Петровича. (*Быстро уходитъ*).

Фетинья.—Охъ, эти мальчишки! Вотъ ужъ баловной народъ. Бѣда съ ними. Этакую, можно сказать, насмѣшку сочинить.

Хохлова.—А ты-бы лучше сочинила?

Фетинья.—Да ужъ такой-бы глупости не написала. (*Усова съ дочерью садится къ сторонкѣ*).

Хохлова.—А что-бы ты написала?

Голоса.—Скажи, скажи, чтобы ты написала?

Фетинья.—Да что вы мнѣ экзаментъ производить хотите, что-ли?

Анисова.—Экзаменъ, а не экзаментъ.

Фетинья.—Ишь ты, какая учительница явилась. Что ни скажешь, все не по ней. Поучи уму-разуму старуху, поучи.

Брюквина.—Конечно, тебя учить надо: ты вѣдь въ школѣ не училась и ничего не знаешь.

Фетинья.—Въ школѣ-то я не училась, а знать-то я побольше васъ всѣхъ знаю.

Хохлова.—Ого, побольше!.. А вотъ я тебя спрошу сейчасъ, ты и не отвѣтишь.

Голоса.—Ну-ка спроси, спроси! Хохлова, спроси!

Фетинья (*желая уйти*).—Э, да что мнѣ съ вами тутъ говорить! Мнѣ некогда. (*Идетъ къ двери*).

Дѣвочки (*окруживъ ее*).—Нѣтъ, нѣтъ, стой!.. Мы тебя не отпустимъ. Мы тебя будемъ спрашивать, а ты отвѣчай намъ.

Фетинья (*съ усмѣшкой*).—Спрашивать?.. Да что вы спросить-то можете?

Хохлова.—Да ужъ мы найдемъ что спросить, найдемъ. Вотъ скажи-ка, напримѣръ, сколько у человѣка зубовъ?

Фетинья.—А это, милая моя, у какого человѣка У меня вотъ, у старухи, и пяти, пожалуй, не наберется, а у другого—такъ полонъ ротъ, а у малаго ребенка такъ и совсѣмъ зубовъ нѣтъ.

Хохлова.—Нѣтъ, нѣтъ, ты не увертывайся. Сколько у всякаго человѣка должно быть зубовъ?

Фетинья.—А всякому, матушка, я въ ротъ не смотрѣла.

Дѣвочки.—Ха-ха-ха! не знаетъ... не знаетъ...

Хохлова (*Фетиньѣ*).—Эхъ, ты!.. 32 зуба!

Фитинья.—Ну да, и столько бываетъ. Я не спорю.

Брюквина.—Ну, а вотъ теперь скажи, сколько это будетъ—537 милліоновъ да 829 милліоновъ.

Голоса.—А ну-ка, скажи, скажи.

Фетинья.—Сколько будетъ милліоновъ?

Голоса.—Да, да, да.

Брюквина.—Ни за что не сказать.

Фетинья.—Не сказать? Ишь ты!..

Брюквина.—Сколько, сколько?

Фетинья.—А столько, сколько у тебя таракановъ на кухнѣ. (*Общій смѣхъ*).

Брюквина (*обиженно*).—У насъ на кухнѣ очень мало таракановъ, совсѣмъ не столько.

Голоса.—Конечно, не столько.

Фетинья.—Не столько? а вы подите, сосчитайте.

Хохлова.—Какая она ловкая! знаетъ, что мы не пойдемъ считать...

Дѣвочки.—Ловкая, ловкая!

Хохлова.—Постойте, дѣвочки. Я еще спрошу ее. Отвѣчай намъ, гдѣ очень, очень жарко, жарче всего.

Фетинья. — Извѣстно гдѣ; да въ банѣ. (*Общій смѣхъ*).

Хохлова.—А вотъ и нѣтъ. На экваторѣ.

Фетинья. —Тебѣ на кеваторѣ, а мнѣ и въ банѣ жарко... А вотъ теперь давайте ка, я васъ спрошу. Что вы мнѣ отвѣчать станете, ученыя-то.

Дѣвочки.—Ну, хорошо! спроси, спроси.

Фетинья.—Отвѣчайте, какъ звали моего дѣда? (*Общій смѣхъ*).

Голоса (*одинъ за другимъ*). Агафонъ, Парамонъ, Спиридонъ, Ѳедотъ, Тимоѳей, Евстигней, Вавила.

Фетинья.—Ага, вотъ и не сказать, а меня спрашивать вздумали.

Голоса.—Ну, такъ еще бы... Почемъ мы это знаемъ... Насъ этому не учили.

Фетинья.—Вотъ то-то и есть, не учили... Вотъ экзаментъ-то вы и не выдержали.

Брюквина.—Такъ еще-бы: ты насъ глупости спрашиваешь, а ты насъ умное спроси.

Фетинья.—Умное? Ужъ коли вы на глупости отвѣтить не можете, такъ гдѣ-же вамъ отвѣтить на умное-то.

Хохлова.—Умного-то ты и не знаешь, не знаешь...

Фетинья.—Умнаго то?.. Да сколько тебѣ угодно.

Голоса.—Нѣтъ, не знаешь. . Не знаешь, не знаешь. . (*Дѣти начинаютъ приплясывать вокругъ Фетиньи и произносить нараспѣвъ*).—Вотъ такъ разъ, ты не знаешь, ты не знаешь, вотъ такъ разъ.

Фетинья.—Цыцъ вы! вотъ я ужо васъ... Молчите!

Дѣти (*приплясывая*).—Вотъ такъ разъ, ты не знаешь; ты не знаешь, вотъ такъ разъ!

Фетинья.—А, постойте! (*Бросается къ дѣтямъ и хочетъ кого-нибудь схватить, тѣ отскакиваютъ отъ нея*). Держи ихъ. (*Бѣжитъ за ними*). Постой... Ужъ поймаю кого, тому на языкъ перцу насыплю... Погодите (*Общій смѣхъ и шумъ*).

Голосъ учительницы.—Дѣти, подите сюда.

Дѣвочки (*остановившись*).—Ай, ай! . Гликерія Степановна!.. Тише! Дѣвочки, тише... Не шумите... Шш... (*Толпясь уходятъ въ двери учительской квартиры*).

13. Урокъ.

Лужайка съ кустами позади, полукругомъ сидятъ дѣти съ букварями; на обрубкѣ дерева—солдатъ съ книгою.

Чтецъ.—На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учитъ грамотѣ ребятъ
Весь сѣдой ворчунъ-старикъ,
Отставной солдатъ.

Солдатъ.—Я согнулся, я ужъ слабъ,
А виды видалъ;
Унтеръ не былъ-бы, когда-бъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ!

Дѣти (*хоромъ*).—Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ.
У меня-ль въ саду цвѣтовъ,
Посадилъ я каждый самъ
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.
Битый—правду говоритъ
Молвь людей простыхъ—
Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ:
Грамотей—троихъ!
Дружно, дѣти! всѣ заразъ!

Дѣти.—Буки-азъ! Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ (*обращаясь къ ближнему ученику*).

Митя! видишь карандашъ
За моей слѣди рукой:
Это—иже, а не—нашъ;
Экой срамъ какой!
Да послушайте: съ полкомъ
Въ Греціи я былъ,
Въ двадцать, значитъ .. а въ какомъ,
Значитъ, позабылъ.
Дружно, дѣти! Всѣ заразъ:
Буки-азъ!

Дѣти.—Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ.
Отстояли мы друзей!
Разъ иду-себѣ одинъ,
Вижу—школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учится морякъ
Дѣтямъ не подстать;
А взглянулъ—и, какъ дуракъ,
Началъ хохотать.
Дружно, дѣти! Всѣ заразъ!

Дѣти.—Буки-азъ! Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ.
Но учитель мнѣ сказалъ:
—Ты глупѣй ребенка самъ;
Ты героя осмѣялъ
Страшнаго врагамъ.
Онъ за грековъ мстилъ—предъ нимъ
Трепеталъ султанъ,
И упалъ, сожженъ живымъ,
Вражій капитанъ.—

Дружно, дѣти! Всѣ заразъ!
Буки-азъ!

Дѣти.—Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ.
Гордость края моего
Онъ—Канари. Да!
Въ мірѣ встрѣтили его
Горе и нужда;
Онъ, умѣя побѣждать,
Сѣлъ букварь учить,
Все затѣмъ, чтобы опять
Греціи служить!—
Дружно, дѣти! Всѣ заразъ!

Дѣти.—Буки-азъ! Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ...
Весь зардѣвшись, въ сторонѣ,
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ...
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога Самого:
«Знанье—вольность, знанье—свѣтъ:
Рабство безъ него!»
Дружно, дѣти! всѣ заразъ!

Дѣти.—Буки-азъ! Буки-азъ!

Солдатъ.—Счастье въ грамотѣ для васъ.

Всѣ вмѣстѣ.—Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для насъ.

Примѣчаніе. Пьесу эту можно также пѣть. Ноты на 2 голоса въ сборникѣ Весселя и Альбрехта „Школьныя пѣсни“, № 52.

14. Урокъ Галиматьяса.

(Въ заграничной школѣ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Галиматьясъ, учитель.	Трико.
Дезире Корбо.	Неглиже.
Сципіонъ Жирафъ.	Плюмишонъ.
Батистъ Туппе.	Цезарь Ламишь.
Галюше.	Фигюре.

Классная комната. Галиматьясъ и ученики (идутъ попарно, шумя, перебраниваясь и толкая другъ друга; у каждаго связка книгъ; позади всѣхъ идетъ Корбо).

Галиматьясъ. — Тише, тише, пострѣлята! Наблюдайте благонравіе и порядокъ. (*Стучитъ линейкою по столу*). По мѣстамъ! (*Ученики садятся*). Хорошо! Теперь вниманіе, дѣти мои... Вниманіе!..

Корбо. — Кой чертъ! только сяду на эту скамейку, точно (*зѣваетъ*) двѣ недѣли не спалъ!

Жирафъ (*зѣвая громко*). — А—а! (*Ученикъ, сидящій напротивъ его, тоже зѣваетъ; зѣваніе переходитъ отъ одного къ другому*).

Галиматьясъ (*зѣвая*). — Кончите-ли вы? Какъ только начнутся классы, тотчасъ начинается зѣвота! Перестаньте, говорятъ вамъ. Начнемъ перекличку. Младшій классъ: господинъ Цезарь Ламишь!

Ламишь (*вставая*).—Здѣсь!

Учитель.—Господинъ Батистъ Туппе!

Туппе.—Здѣсь.

Учитель.—Господинъ Галюше!

Галюше.—Здѣсь.

Учитель.—Господинъ Неглиже!

Неглиже.—Здѣсь.

Учитель.—Господинъ Мишо!

Мишо.—Здѣсь.

Учитель.—Господинъ Трико!

Трико.—Здѣсь.

Учитель.—Г. Плюмишонъ! Г. Плюмишонъ!

Плюмишонъ.—Я здѣсь! я здѣсь!

Учитель. — Не надо говорить по два раза, говорите однажды!.. Мы здѣсь собрались не для разговоровъ. Здорова-ли ваша маменька?

Плюмишонъ.—Да она и не была больна. Это его маменькѣ вчера пьявки приставляли.

Учитель.—Знаю, но все таки учтивость требуетъ... Эти олухи ничего не понимаютъ. Господинъ Сципіонъ Жирафъ!

Жирафъ (*кричитъ во все горло*).—Здѣсь!

Учитель.—Слышу, слышу, этакъ вы можете меня оглушить. Надо отдать вамъ справедливость, что вы всегда аккуратно приходите въ классъ.

Корбо. — Поневолѣ ходитъ, когда отецъ его въ шею толкаетъ.

Учитель.—Тс!.. Кто это говоритъ въ старшемъ классѣ?

Корбо.—Не знаю, не я.

Учитель.—Г. Тютю Шамуляръ? Г. Тютю!

Галюше (*тонкимъ голосомъ*).—Здѣсь.

Учитель.—Гдѣ-же онъ? Тютю! Что я его не вижу?

Галюше.—Онъ велѣлъ сказать, что не можетъ сегодня прійти: онъ принималъ лѣкарство.

Жирафъ. — Неправда: я его сейчасъ видѣлъ въ саду у моего папеньки вмѣстѣ съ Фигюре; они отняли у меня мой завтракъ, я теперь умру съ голода.

Всѣ.—Ха-ха-ха-ха!

Учитель.—Тише; это совсѣмъ не смѣшно. Я записываю г-на Шамуляръ; что же касается до этого шалопая Фигюре, онъ уже третій разъ не является. Теперь старшій классъ. Г. Дезире Корбо.

Корбо.—Здѣсь.

Учитель.—Ну, въ этомъ классѣ всѣ на лицо. Хорошо; и такъ, друзья мои, прежде, нежели я начну классъ, не забудьте, что сегодня день правосудія. Это лучшій день въ каждомъ мѣсяцѣ! прилежныхъ ожидаютъ лавры, а лѣнивыхъ... вотъ что. (*Показываетъ розги*). Начнемъ съ математики, ибо она мать всѣхъ наукъ. Мы дошли до умноженія... (*Неглиже встаетъ и поднимаетъ руку*). Уже! Ступайте, ступайте! Ну, вчера мы остановились на четырежды — пойдемъ далѣе... Начнемъ въ разбивку. Пятью пять?

Всѣ.—Двадцать пять.

Учитель.—Нельзя лучше отвѣчать.
Пятью семь?

Всѣ.—Тридцать пять.

Учитель.—Хорошо! да не кричать.
Шестью шесть?

Всѣ.—Тридцать шесть!

Учитель.—Это дѣлаетъ вамъ честь.
Шестью семь?

Всѣ.—Сорокъ два.

Учитель.—Не рубите, какъ дрова.
Шестью восемь?

Всѣ.—Сорокъ восемь.

Учитель.—Ну-ка, шестью девять спросимъ.
Шестью девять? Всѣ молчатъ.
Шестью девять? Не хотятъ.
Ну, скорѣй, смѣлѣе, вмѣстѣ.
Шестью девять сколько?

Корбо.—Двѣсти!

Учитель. — Прекрасно! кто это отпустилъ? старшій классъ! Безподобно! Ну, негодяи, если вы остальное также хорошо знаете, такъ вы останетесь болванами, это вѣрно, какъ дважды два...

Корбо.—Четыре!

Учитель. — Совершенно справедливо! И такъ: конецъ ариометикѣ; съ вами на нее нечего расчитывать; займемся географіей. Вниманіе! Департаментъ Нижней Сены, какой главный городъ?

Всѣ.—Ліонъ.

Учитель.—То есть Руанъ.

Всѣ.—То есть Руанъ.

Учитель. — Хорошо. Что въ немъ примѣчательнаго, сколько жителей и прочее, начинайте!

Всѣ (*на распѣвъ*).— Сукна, сало, масло, вина,
Шерсть, картофель, канифоль,
Яблоки и апельсины,
Сыръ, табакъ, фарфоръ и соль.
Фабрики, произведенья...

Учитель.—Что вы врете, что за чушь!

Всѣ.—Въ немъ народонаселенья
Триста тысячъ триста душъ.

Учитель (*затыкая уши*).—Шш!.. Что вы? что вы на-

пороли? Ничего этого тамъ нѣтъ. Слышите-ли, ничего. Ну, что же тамъ есть?

Всѣ.—Ничего!

Учитель (*сердито*). — О! убирайтесь вы всѣ... (*всѣ вскакиваютъ*). Что это значитъ? Зачѣмъ вы вскочили?

Всѣ.—Мы думали, что вы ужъ кончили.

Учитель.—По мѣстамъ: ни съ мѣста! Перваго, который пошевелится, поставлю на колѣни, на сорокъ восемь часовъ... Конецъ географіи, съ вами въ ней не далеко уѣдешь! Займемся астрономіей. Я учу васъ всему понемножку. Астрономія самая высокая наука. Вотъ вчера я купилъ на ярмаркѣ эту штуку. (*Беретъ глобусъ*). Видите, какъ я забочусь о вашемъ воспитаніи! Ну, что же это такое? А? развѣ вы не знаете, о чемъ идетъ рѣчь? Старшій классъ! что это такое!

Корбо (*встаетъ, подходитъ къ глобусу и съ недоумѣніемъ поворачиваетъ его*). Гм... гм... да... это... это...

Учитель. — Ну, что это по вашему? Что-же вы молчите? ну, что же это, наконецъ: арбузъ, дыня, тыква или капуста?

Корбо.—Капуста.

Учитель.—Безподобно! Неужели изъ всего класса мнѣ никто не назоветъ этой вещи?

Неглиже.—Это мячикъ.

Галюше.—Игрушка.

Мишо.—Пузырь.

Учитель. — Это глобусъ, дурни, глобусъ! Понимаете-ли вы, что значитъ глобусъ?

Всѣ.—Нѣтъ!

Учитель.—Ну, коли не понимаете, такъ нечего и говорить. Астрономіи сегодня не будетъ; на васъ на всѣхъ

нашло какое-то затменіе. Спустимся опять на землю, начнемъ грамматику. Имена существительныя вы уже знаете, напр. дерево, болванъ, животное—понимаете?

Всѣ —Понимаемъ.

Учитель.—Хорошо. Теперь глаголы. Учиться — какая часть рѣчи?

Всѣ (*поочередно*).—Междометіе. Союзъ. Предлогъ. Нарѣчіе. Прилагательное.

Учитель.—И ни одинъ не скажетъ—глаголъ.

Всѣ.—Глаголъ.

Учитель. — Ну, довольно съ васъ... Классы кончены. Можете убираться... (*Всѣ съ шумомъ бѣгутъ къ дверямъ*).

---

15. Городской и сельскій.

Разговариваютъ мальчики — городской и сельскій, одѣтые въ костюмы, сообразные съ ихъ положеніемъ.

Городской.—У насъ въ городѣ дома большущіе. Что у васъ цѣлая изба, то у насъ квартира. Въ иномъ домѣ такихъ квартиръ десять и болѣе.

Сельскій. — Зато у васъ и тѣснота какая! Чай и на улицѣ-то душно отъ всего этого люда. Недаромъ, кто побогаче, на лѣто уѣзжаетъ изъ города.

Городской. — А у насъ — что ни вздумай, все достанешь: и кольца золотыя и камни цвѣтные, и всякія вещи, что, быть можетъ, за тысячу вёрстъ сдѣланы, — всего купцы навезли и продаютъ въ лавкахъ.

Сельскій.—Хорошо, коли деньги есть; тоже хлѣба-ли кусокъ, огурцовъ-ли достать,—бѣгай за всѣмъ въ лавочку. У насъ вотъ все свое съ поля да съ огорода: и хлѣбъ, и капуста, и ленъ для нитокъ.

Городской.—Да еще посѣй ленъ, спряди нитки; а въ городѣ, ты знаешь, не пашутъ, да калачи ѣдятъ. У насъ все готовое.

Сельскій. — Только деньги не готовыя. Тоже, если самъ не сѣялъ, не пахалъ, надо заработать на хлѣбъ, искать работы.

Городской.—А у насъ музыка играетъ, обезьянъ показываютъ.

Сельскій.—А у насъ зато пѣсни да хороводы.

---

16. Кіевъ.

Лужайка; на ней сидятъ и лежатъ богомольцы; за сценой звонятъ; чтецъ обращается къ Кіеву, предполагаемому за сценой.

Чтецъ.—Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ...
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ... *(къ богомольцамъ).*

Вы откуда собрались,
Богомольцы на поклонъ?..

1-й.—Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей...

2-й.—Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей.

3-й.—Я—отъ Ладоги холодной.

4-й.—Я—отъ синихъ волнъ Невы.

5-й.—Я отъ Камы многоводной

6-й.—Я отъ матушки—Москвы.

Чтецъ. — Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава; Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ!..
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!..

---

17. Знатный край.

Алексѣй.—Откуда ты?

Старикъ.—Съ саратовскихъ степей.

Алексѣй.—Съ саратовскихъ? Слыхалъ про пихъ довольно: Степанычъ нашъ ходилъ туда въ извозъ... Съ саратовскихъ! Откуда Богъ принесъ! Эй разскажи!..

Старикъ.—Тебѣ зачѣмъ? Пустое! Ты не туда собираешься, такъ что-жъ? Я разскажу, а примется за ложь!

Алексѣй.—Ну, полно-же! Что тамъ? житье какое?
Старикъ.—Гм!... Да. У насъ не здѣшніе края!
Тамъ хорошо... Тамъ родина моя! .
Да мнѣ пришлось терпѣть иную долю!..
Тамъ, братъ, не то: земли, угодій вволю
Кусочками тамъ поля не кроишь,
Такъ—вспашешь разъ и землю не гноишь—
Сама родитъ! Засѣялъ ты пшеницей,
У васъ самъ—пятъ, а тамъ отдастъ сторицей!
Гм... За травой, за сѣномъ-ли пойдешь—
Ступай себѣ, коси, не безпокоясь!
Что море—степь! Трава растетъ по поясъ.
Возъ выкосишь, а на десять намнешь!
Ямщикъ-ли ты—коней себѣ купи
Башкирскихъ, братъ, степной породы, кровной!
Я самъ не разъ дорогой гладкой, ровной,
Хозяиномъ катилъ себѣ въ степи!
За промысломъ-ли ты—что думать долго?
Тамъ есть у насъ рѣченка подлѣ! Волга...
Алексѣй.—Ой!..
Старикъ.—Да. Я самъ спускался налегкѣ
По матушкѣ по Волгѣ, по рѣкѣ
Подъ Астрахань и даже дальше—въ море.
Вотъ тамъ-то, братъ, тамъ—золотое дно:
Бѣлугами полнехонько—полно!
Осетръ, тюлень, севрюга—словно въ сборѣ!..

Ужъ прибыльно, въ весенній ранній ловъ
Кишма кишатъ они у береговъ,
Сплошной стѣной стоятъ подъ учугами!
Ей-Богу такъ! Пошли-бъ—узнали сами.
Да что ловцы! Весной—повѣришь ты—
Руками дѣвки ловятъ за хвосты
Такъ, въ лодочкѣ шаля одновесельной!..

Алексѣй —Вотъ знатный край!!.

---

18. Игра.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Симка.	Егорка.
Васька.	Митродора, бабушка.

Дѣти играютъ въ бабки: на сценѣ стоитъ конъ.

Симка (*громко*).—Бей, что-ли, Васька!.. Чего еще!..

Васька.—Накося! Егоркѣ напередъ бить. Я за кономъ.

Егорка.—Ишь ловко-ой!.. Моя эвона гдѣ битка!

Васька (*съ азартомъ*).—Ну-къ что-жъ?

Симка.—Бей, говорю, Васька!.. А не то за виски!

Васька.—Какъ не за виски!.. Только тронь!..

Егорка (*хватая бабки съ кона, убѣгаетъ*).—А я во какъ!.. Эвося!..

Симка (*кидается за нимъ и ловитъ*) — Ставь на конъ!.. Ставь!.. (*отнимаетъ бабки*).

Егорка (*вопитъ*).—Симка, пусти!.. Чего ты дерешься!. Си-и-имка... (*Симка борется съ Егоркой*).

Васька.—А ты не грабь конъ!.. По дѣломъ.

Митродора (*входя на сцену*).—Что это на васъ ладу нѣтъ, ребятки?! Чего вы все деретесь?

Васька.—Егоръ, бабушка, конъ шарахнулъ!

Митродора.—Сгиньте вы и съ кономъ! . Спокою отъ васъ нѣтути!.. Симка! Не трожь его!.. А ты, Егорка, коли озорничать,—иди на свой конецъ! Нашихъ не забижай.

Егорка (*плаксиво*).—А они пошто жилятъ, баушка?

Митродора (*уходя*). — Вотъ погодите! Матери придутъ,—онѣ васъ!.. У, озорные!..

Егорка (*убѣгая направо за уголъ*). — Жилы, жилы, жилы!..

Васька (*убѣгая за нимъ*). —Пымаю, братъ!.. Небось!..

---

19. Орѣхъ.

По дорогѣ идутъ два мальчика—Ваня и Сеня. Ваня замѣчаетъ орѣхъ.

Ваня (*указывая пальцемъ*).—Посмотри: орѣхъ!

Сеня. (*поднимая и разсматривая*).—Орѣхъ.

Ваня.—Ну... Отдай-же мнѣ его ..

Сеня. (*удивленно*).—Что отдать?

Ваня.—Орѣхъ!

Сеня.—Вотъ смѣхъ! Не получишь ничего!

Ваня (*старается отнять*).—Это мой орѣхъ .. Отдай...—

Сеня (*отступая*).—Мой!..

Ваня.—Я первый увидалъ!..

Сеня.—Ну, такъ что-жъ?

Ваня.—Какъ что-жъ?

Сеня (*подталкивая Ваню*).—Ступай! Первый я его вѣдь взялъ.

Ваня (*надвигаясь на Сеню*).—Подавай орѣхъ!

Сеня (*защищаясь*).—Не дамъ.

(*Входитъ большой мальчикъ, Ѳедя*).

Ѳедя (*шутливо-строго*).—Что за споры? Не кричать!

Ваня (*указывая на Сеню*)—Взялъ орѣхъ мой...

Сеня (*азартно*).—Вретъ! онъ самъ у меня хотѣлъ отнять!

Ѳедя (*Ванѣ*)—Замолчи ты... (*Сенѣ*) Перестань!
Дѣло тотчасъ разберемъ.
(*Ванѣ*) Ты сюда, направо, встань;
(*Сенѣ*) Ты—налѣво... Ну начнемъ:
Кто-жъ замѣтилъ первый? (*Отбираетъ орѣхъ и поднимаетъ его въ руки*).

Ваня.—Я.

Ѳедя.—Поднялъ?

Сеня.—Я.

Ѳедя.—И конченъ балъ! (*Раскусываетъ орѣхъ и подаетъ часть скорлупки Ванѣ*).
— Получи! вотъ часть твоя:
Ты вѣдь первый увидалъ. (*Подавая скорлупку Сенѣ*).
За поднятье... Рѣшено!
За рѣшенье судъ беретъ
Вмѣсто пошлины зерно! (*Ѳедя кладетъ орѣхъ въ ротъ и, заложивъ руки за спину, важно удаляется. Ваня и Сеня съ недоумѣніемъ смотрятъ другъ на друга и потомъ начинаютъ хныкать*).

20. Скряга.

Комната съ накрытымъ столомъ. Скряга ожидаетъ, когда уйдетъ гость.

Гость (*смѣясь*).—Ты пріятель мой, скупенекъ,
А вѣдь, кажется, богатъ.
Въ сундукахъ не мало денегъ
Ты, навѣрно, прячешь, братъ!
Угости меня обѣдомъ.
Я, признаться, ѣсть хочу...

Скряга (*сердито*).—Нѣтъ обѣда дармоѣдамъ.
За обѣды я плачу
Не углями, а деньгами;
Нынче дорогъ каждый грошъ.
Прообѣдаешься съ вами,
Съ сумкой по міру пойдешь.

Гость. — Угостишь, такъ, будь въ покоѣ,
Заплачу тебѣ—ей-ей!
Я скажу тебѣ такое,
Что дороже ста рублей.

Скряга (*съ радостью*).—Если, такъ, то .. Эй! (*кричитъ въ дверь*). Обѣдать!

(*Слуга вноситъ одно за другимъ блюда*).

Ну, садися, другъ, садись ..
Вотъ уха—прошу отвѣдать..
Говори-жъ...

Гость (*кушая*).—Не торопись.

Скряга.—Вотъ жаркое. . Кушай, кушай! (*Гость морщится*).

Дурно?!.. Ну, не осуди...
Вотъ запей хоть квасомъ съ грушей...
Ну, скажи-же...

Гость (*продолжая кушать*).

— Подожди!

Скряга.

— Вотъ и сладкое... (*Гость дѣлаетъ гримасу*).
Что, скверно?
А каковъ мой, друже, квасъ?
Дать вина? Не пьешь, навѣрно?
Ну, откройся-же...

Гость.—Сейчасъ.

Скряга (*безпокойно*).

— Не томи меня, скажи же
То, что ты хотѣлъ сказать...
Я къ тебѣ присяду ближе. (*Подсаживается къ гостю*).
Ну?.. (*Гость поднимается и беретъ свою шляпу*).

— Ты шляпу вздумалъ брать...
Ты уходишь?..

Гость.—Да.

Скряга—Ну, что-же?

Гость (*уходя въ дверяхъ*).

— Что? А знаешь, другъ мой, что?
Вѣдь не правда-ли: дороже
Двѣсти рубликовъ, чѣмъ сто? (*Смѣясь уходитъ*).

21. Любопытный.

Встрѣчаются на улицѣ два пріятеля; оба одѣты щеголевато.

Первый.—Пріятель дорогой, здорово!
Гдѣ ты былъ?
Второй.—Въ кунсткамерѣ, мой другъ.
Часа тамъ три ходилъ,
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь-ли, не станетъ ни умѣнья,
Пересказать тебѣ, ни силъ!
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата:
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ;
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки:
Есть, право, менѣе булавочной головки?
Первый.—А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
— Я, чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?
Второй.— А развѣ тамъ онъ?
Первый.— Тамъ.
Второй.—Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ!

22. Демьянова уха.

Крестьянская изба. Фока за столомъ хлебаетъ уху. Демьянъ у стола. Жена его поодаль. Фока кладетъ ложку, отодвигаетъ тарелку и хочетъ встать. Демьянъ удерживаетъ его за руку.

Демьянъ. — Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай. (*Жена Демьяна подаетъ тарелку ухи. Фока хлебаетъ, утирается и хочетъ встать. Демьянъ снова удерживаетъ*).
—Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай. (*Жена Демьяна подаетъ еще тарелку ухи. Фока съѣдаетъ и хочетъ встать.*)
—Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.
Фока.—Сосѣдушка! я сытъ по-горло.
Демьянъ. — Нужды нѣтъ!
Еще тарелочку, послушай,
Ушица, ей же ей, на славу сварена.
Фока.—Я три тарелки съѣлъ.
Демьянъ. — И, полно! что за счеты!
Лишь стало-бы охоты,
А то во здравье—ѣшь до дна.
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь-же, миленькій дружечекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена! (*Жена Демьяна низко кланяется. Фока принимается за уху*).

Чтецъ. — Такъ подчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыха, ни срока,
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.

Демьянъ. — Вотъ друга я люблю!
За то ужъ чванныхъ не терплю!
Ну, скушай-же еще тарелочку, мой милый!
(*Фока вскакиваетъ, хватаетъ кушакъ и шапку и бѣжитъ. Демьянъ удерживаетъ его, но Фока вырывается и убѣгаетъ*).

Чтецъ. — Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

---

23. Два мужика.

Около деревенской избы встрѣчаются два мужика: одинъ съ сумою, другой на костыляхъ; у избы на заваленкѣ сидитъ третій, мужикъ, Степанъ, прислушивающійся къ разговору двухъ первыхъ

Егоръ.—Здорово, кумъ Ѳаддей!
Фаддей.—Здорово, кумъ Егоръ!
Егоръ.—Ну, каково, пріятель, поживаешь?
Фаддей.—Охъ, кумъ! бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!

Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.

Егоръ.—Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!

Фаддей.—Да такъ. О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ;
Признаться—въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ,
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?

Егоръ.—Охъ, Ѳаддей! худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я тожъ о Рождествѣ пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А что-бъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка.

Степанъ. — Пеняйте на себя, друзья!
Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожогъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и впотьмахъ.

24. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Крестьянинъ сидитъ печально у стола. Около него трое друзей-Карпычъ, Климычъ и Фока.

Крестьянинъ. — Друзья мои! Ко мнѣ на дворъ
Залѣзъ прошедшей ночью воръ,
Забрался въ клѣть, и на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Теперь я сталъ совсѣмъ бѣднякъ.
Богатымъ легъ, а голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою.
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ.
Вотъ и созвалъ я васъ, друзей,
Сосѣдей милыхъ, кумовей:
Нельзя-ли какъ-нибудь помочь бѣдѣ моей?

Кумъ Карпычъ (*въ раздумьи*). — Какой-же дать тебѣ совѣтъ?
Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.

Сватъ Климычъ (*поучительно*). — Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.

Фока (*съ горячностью*). — Эхъ, братцы, это все не такъ...

Кумъ Карпычъ. — Послушаемъ, что скажетъ Фока.

Фока (*горячо*).—Не то бѣда, что клѣть далеко,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ жучки; я-бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить. (*Молчаливо прощаются и уходятъ. Крестьянинъ сидитъ, поникнувъ головой*).

Крестьянинъ (*къ публикѣ*). — Отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ много мнѣ надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ ни крошкой не помогъ.

---

25. Булочникъ и трубочистъ.

Булочникъ.—Подальше, грязный трубочистъ:
Ты видишь, какъ я бѣлъ и чистъ.

Трубочистъ.—Послушай, не гони меня:
Быть можетъ, пригожусь и я.
Что-бъ не дымили печи, намъ
Вѣдь надо лазить по трубамъ.
А если-бъ задымила печь,
Тебѣ въ ней хлѣба не испечь!

Булочникъ.—Не испеку,—какъ ты грозишь—
И ты безъ хлѣба посидишь...

Трубочистъ.—Да, правъ ты; оттого, дружокъ,
Пусть каждый свой несетъ паекъ:

Я буду сажу выгребать,
Ты будешь въ печку хлѣбъ сажать.
Оба вмѣстѣ (*взявшись за руки*).
Гдѣ единеніе и трудъ,
Тамъ люди счастливо живутъ!

---

26. Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Два кума—огородникъ и мѣдникъ—бесѣдуютъ, сидя въ избѣ на скамьѣ. У одного въ рукахъ лопата и грабли, а у другого — молотокъ и тазъ.

Огородникъ. — У меня есть огородъ.
И на этомъ огородѣ
Ужъ чего-то не растетъ:
Травы, овощь—въ разномъ родѣ!
И повѣришь, кумъ Степанъ,
Какъ капуста уродилась!
Выросъ разъ одинъ кочанъ—
Вся деревня удивилась!
Мѣдникъ.—Что-же?
Огородникъ. — Очень ужъ великъ!
Даже—слово дамъ честное,—
Хоть отсохни мой языкъ,
Былъ онъ съ домъ величиною...
Мѣдникъ.—Да!?—Весьма великоватъ!
Огородникъ. — Ты не вѣришь?
Мѣдникъ.—Отчего-же?
Живши въ мѣдникахъ-то, братъ,
Чудеса я видѣлъ то-же.

Разъ мы дѣлали котелъ
Въ преогромнѣйшемъ размѣрѣ —
Съ колокольню...

Огородникъ. — Басню сплелъ!
Нѣтъ; я, кумъ, тебѣ не вѣрю...

Мѣдникъ.—Отчего?

Огородникъ. — Да, кумъ Степанъ!
Ну, на что-жъ такое чудо?

Мѣдникъ (*смѣясь*).—А сварить-то твой кочанъ
Вѣдь нужна, мой другъ, посуда.

---

27. Л ж е ц ъ.

Въ глубинѣ сцены — кусты; за ними виднѣется мостъ; подобіе перилъ можно сколотить изъ неочищенныхъ березовыхъ жердочекъ.

Чтецъ.—Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ, гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилагалъ.

Лжецъ. — Нѣтъ, вотъ что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ очень ярко...
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!

Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ не садитъ, ни сѣетъ,
А, если-бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли! ну, право, былъ онъ съ гору!—

Пріятель. — Что за диковинка!
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь-ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ?
Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.

Лжецъ. — А какова у васъ рѣка?

Пріятель. — Да не мелка.

Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?

Лжецъ. — Гора хоть не гора, но право, будетъ съ домъ.

Пріятель. — Повѣрить трудно!
Однако-жъ, какъ ни чудно,
А все чудёнъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились — весь городъ это знаетъ—
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.

Лжецъ. — Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то—ни стать, ни сѣсть.

Пріятель. — Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть.
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,

Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...

Лжецъ (*прерывая*).

— Послушай-ка... Чѣмъ на мостъ намъ итти.
Поищемъ лучше броду.

---

28. Лукичъ на ярмаркѣ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Лукичъ — плутоватый кулакъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ картузомъ на головѣ, помѣщикъ Долбинъ—въ очкахъ и съ тросточкой за спиною башлыкъ съ кисточкой.

Лукичъ.— Мое почтенье, Климъ Кузьмичъ.
Не купите-ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!

Долбинъ. — Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку—
Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ?

Лукичъ.— Что дѣлать, сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите.

Долбинъ. — Нѣтъ, я на бричку не купецъ.
Не попадется-ль жеребецъ?
Вотъ не найду никакъ; мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть.
Караковый. .

Лукичъ.—Есть, сударь, есть!
Рысакъ! А бѣгъ—мое почтенье!

Долбинъ. — Ты плутъ естественный, я знаю;
Смотри, Лукичъ, не обмани!

Лукичъ.—Ну, вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!
Я васъ съ другими не сравняю...
Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?

Долбинъ. — Нисколько.

Лукичъ.—Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался.
Теперь рысакъ одинъ остался. .
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вотъ такъ, къ примѣру, хочетъ съѣсть!
Чортъ знаетъ! просто заглядѣнье!

Долбинъ. — Да правда-ль?

Лукичъ.—Не далеко домъ,
Коли угодно, завернемъ,
Посмотримъ.

Долбинъ. — Сдѣлай одолженье!
А помнишь-ли, купилъ ты мнѣ
Собаку какъ-то по веснѣ?

Лукичъ.—Плохенька развѣ?

Долбинъ. — Околѣла.
Кажись, не взялъ-бы ни чего!

Лукичъ.— Охотиться не захотѣла!..
Поможемъ, сударь, ничего...
Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера
Собака... кличку-то забылъ,
Вчера деньщикъ и говорилъ...
Ну, и животное, къ примѣру:

Брось въ воду гривенникъ—найдетъ!
Вотъ вамъ купить-бы...

Долбинъ. — Радъ душою!
Но для чего-жъ онъ продаетъ?

Лукичъ. — Что дѣлать станете съ нуждою!
Наслѣдство дядя обѣщалъ,
А при смерти не завѣщалъ,
Ѣсть нечего... семья большая...

Долбинъ. — А! вотъ что!.. (*Уходятъ; Долбинъ помахиваетъ тросточкой и напѣваетъ: «тирита-рамъ»*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Долбинъ, купивъ лошадь, выходитъ отъ Скобѣева; Лукичъ за нимъ.

Лукичъ. — За трудъ, сударь...

Долбинъ. — Вотъ два цѣлковыхъ.

Лукичъ. — Что вы-съ! мало!
Какъ можно! это курамъ смѣхъ!
Гм!.. время, значитъ, такъ пропало...

Долбинъ. — Ну, сколько-же?

Лукичъ. — Да пять не грѣхъ!

Долбинъ. — Пяти не дамъ я.

Лукичъ. — Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служимъ изъ того...
А все къ примѣру глупость наша:
Добра желаешь.

Долбинъ. — Эхъ, какой!

Одинъ прибавлю! Да! постой!
На счетъ собаки...

Лукичъ. — Что-жъ, извольте!
Оно, — вы скупы, — да пойдемте:
Я не сердитъ, служить готовъ.

Долбинъ. — Теперь я занятъ.

Лукичъ. — Мы съ двухъ словъ!

Долбинъ. — Нѣтъ, нѣтъ! до завтра. Срокъ не дологъ. —

Лукичъ. — Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ.

Долбинъ (*выходитъ за ворота; слышенъ его голосъ за сценой*).
— Пустое! Кучеръ! эй! за мной
Веди коня.

Лукичъ (*махаетъ рукой и говоритъ одинъ*).
— Ну, Богъ съ тобой!
Ужъ очень баринъ заскупился.
Вотъ покупатель-то явился!
Вѣдь съ виду смотритъ молодцомъ.
Очками, тростью щеголяетъ
И на спинѣ колпакъ съ махромъ,
Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ:
А хорошенько разберешь —
Выходитъ такъ себѣ. . какъ глина,
Что хочешь изъ нея сомнешь.
Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!
Добру съумѣла-бъ научить,
Да некому дубиной бить!
Ни то дуракъ... развѣсилъ уши!
Разинулъ ротъ, и вѣритъ чуши,
Скобѣевъ будто задолжалъ,
Все, значитъ, въ карты проигралъ.

Какъ разъ! Ему и проиграться!
Да онъ удавится за грошъ.

Скобѣевъ (*выходя на крыльцо*).
— Эй старый хрычъ! кого ты ждешь?
Пора въ-свояси убираться.

Лукичъ (*поспѣшно снимая картузъ*).
— Ну, сударь, я для васъ трудился!
Весь лобъ въ поту...

Скобѣевъ. — Платокъ возьми,
Утрись.

Лукичъ. — Утремся. Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять.

Скобѣевъ. — Вишь, старый хрычъ, чѣмъ похвалился!
Я-бъ безъ тебя умѣлъ продать.
Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
А много заплатилъ Долбинъ?

Лукичъ. — Съ него возьмешь! хоть-бы алтынъ,
Такая выжига, къ примѣру! —

Скобѣевъ. — Все лжешь!

Лукичъ. — Бываетъ, что и лгу,
А передъ вами не могу:
Не хватитъ духу. —

Скобѣевъ. — Это видно!
Я-бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому...

Лукичъ. — Да не шутите, сударь, стыдно!

Скобѣевъ (*строго*). — Не забываться, ротъ зажму!

Лукичъ. — Благодаримъ: не вы-ли сами
Просили вашу клячу сбыть?

Скобѣевъ. — Взялъ съ одного, ты съ барышами —
И полно!..

Лукичъ.—Что и говорить!
Вотъ щедрость! Гм... мое почтенье!
Останься съ рюмкою вина. .
Ну, дорогое угощенье!—
Скобѣевъ (*смѣясь*).
— Вишневка. Какъ? вѣдь, не дурна?
Лукичъ.—Хоть рубль-то дайте!
Скобѣевъ. — Чести много,
Пожалуй, на, вотъ четвертакъ.
Лукичъ.—Себѣ возьмите, коли такъ!
Эхъ, баринъ! Не боишься Бога.
Скобѣевъ (*грозно*).
— Я говорилъ тебѣ—молчать!
Лукичъ.—Потише! можно испугать... (*Надѣваетъ картузъ и идетъ къ воротамъ, говоря*):
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ...
Вишь умникъ, дурака нашелъ...
(*Съ досадою плюетъ и скрывается за воротами*).

---

29. Ночлегъ извозчиковъ.

СЦЕНА 1-я.

Внутренность избы. — Входятъ извозчики. — Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ поклонами.

Хозяинъ. — Откудова, братцы, Господь васъ несетъ?
1-й изв.—Да ѣдемъ вотъ съ рыбой въ Москву изъ Ростова.
А что на дворѣ-то не тѣсно намъ будетъ?
Теперь ты, я чаю, насъ вовсе не ждалъ.

Хозяинъ. — Для добраго гостя найдется мѣстечко!
Вѣдь я не таковъ, какъ сосѣдъ прощалыга,
Готовый за грошъ свою душу продать;
Я знаю, какъ надо съ людьми обходиться;
Кого какъ привѣтить и чѣмъ угощать.
Овесъ мой — овинный, изба — та-же баня,
Не какъ у сосѣда—зубовъ не сберешь;
И есть гдѣ прилечь, посидѣть, обсушиться;
А квасъ, то-есть брага, и нехотя пьешь.
Въѣзжайте-ка, братцы; намъ стыдно считаться,
Ужъ я по пріятельски васъ угощу,
И встрѣчу, какъ водится, хлѣбомъ и солью,
И съ хлѣбомъ и солью съ двора отпущу.

(*Часть извозчиковъ раздѣвается; другіе уходятъ ставить на дворъ лошадей; хозяйка собираетъ на столъ; всѣ усаживаются и ѣдятъ*).

1-й извоз. (*отвѣдавъ квасу*). — Послушай, хозяюшка!
Нельзя-ли найти намъ кваску-то получше,
Вѣдь этотъ слѣпому глаза продеретъ.

Хозяйка. — И, что ты, родимый! квасокъ-отъ, что брага,
Его и купцамъ доводилося пить.

1-й извоз. — Спасибо, хозяйка! а только скажу я:
Не скоро намъ брагу твою позабыть.

2-й извоз. — Ну, полно-же спорить, вишь съ бабой связался.

3-й извоз. — Смотри... Оботри-ка, братъ, лучше усы.

2-й извоз. — Аль къ тещѣ съ женою пріѣхалъ на праздникъ?
Что есть, то и ладно, а нѣтъ — не проси.

4-й извоз. — Вѣстимо, Данилычъ! давно ужъ извѣстно —
За хлѣбомъ и солью шумѣть не рука.
Вѣдь мы не бояре; что есть, тѣмъ и сыты...
А ну-ка, хозяюшка, дай-ка гуська!

5-й извозчикъ.

— Эхъ, братцы! скажу вамъ забавную штуку;
Со мною когда-то былъ случай одинъ...
Разъ ѣздилъ я лѣтомъ въ Макарьевъ на тройкѣ,
Нанялъ меня, знаешь, купеческій сынъ.
Ну, что за раздолье мнѣ было въ дорогѣ!
Признаться, ужъ попилъ тогда я винца!
Какъ свиснешь, бывало, и тронешь лошадокъ,
Захочешь потѣшить порой молодца,
И птицей несется залетная тройка,
Лишь пыль поднимается чернымъ столбомъ,
Звенитъ колокольчикъ, и версты мелькаютъ,
На небѣ ни тучки, и поле кругомъ.
Въ лицо вѣтерокъ подуваетъ на встрѣчу,
И на сердцѣ любо, и пышетъ лицо...
Пріѣхалъ въ деревню: готова закуска,
И дворника дочка подноситъ винцо.
А вечеромъ, знаешь, мой купчикъ удалый,
Какъ этакъ порядкомъ уже подгульнетъ,
На улицу выйдетъ, вся грудь на распашку,
Вокругъ себя парней толпу соберетъ.
Одѣлитъ деньгами и весело крикнетъ:
«А ну-ка, валяй «Не бѣлы-то снѣги!»
И парни затянутъ, и самъ онъ зальется,
И тутъ ужъ его кошелекъ береги.
Бывало, шепнешь ему: «Яковъ Петровичъ!
Припрячь кошелекъ-то; вѣдь спроситъ отецъ».
— «Молчи, братъ! за словомъ въ карманъ не полѣзу:
Въ товарѣ убытокъ—и дѣлу конецъ». (*Ѣдятъ молча*).

Хозяинъ (*Около печки. Въ сторону*).

— Ай, гости! работаютъ, значитъ, исправно!

Однако, отъ этихъ барышъ мнѣ прійдетъ;
Овса-то, вотъ видишь, по мѣрочкѣ взяли,
А ѣсть... такъ одинъ за троихъ уберетъ.
Куда-жъ это, Господи, все уложилось!
Баранина, щи, поросенокъ и гусь,
Лапша и свинина, и медъ на заѣдки...
Ну, я-же по-своему съ ними сочтусь.
(*Ужинъ кончается*; *извозчики уходятъ спать*).

СЦЕНА 2-я.

Хозяинъ сидитъ у стола со счетами въ рукахъ.—Извозчики стоятъ.

Хозяинъ.—Ну, кто изъ васъ что забиралъ?
1-й изв.—Заборъ ты нашъ знаешь: мы поровну брали;
А ты вотъ за ужинъ изволь положить
Себѣ не въ обиду и намъ не въ убытокъ,
Съ тобою хлѣбъ-соль намъ впередъ чтобъ водить.
Хозяинъ. — Да что-же? давай четвертакъ съ человѣка;
Оно хоть и мало,—да такъ ужъ и быть!
2-й изв. — Не много-ли будетъ, почтенный хозяинъ?
Богатъ скоро будешь! Нельзя-ли сложить?
Хозяинъ.—Нѣтъ, складки, ребята, не будетъ и гроша,
И эта цѣна-то пустякъ пустякомъ;
А будете спорить, заплатите вдвое:
Ворота вѣдь заперты крѣпкимъ замкомъ.
1-й извозчикъ.—Что дѣлать? заплатимъ.
2-й извозчикъ —Заплатимъ.
3-й извозчикъ.—Дать надо.
1-й извозчикъ.—Ну, братцы, платитесь.
(*Вынимаютъ кошельки и даютъ деньги хозяину*).

4-й извозчикъ.—Ужъ ѣхать пора!
5-й извозчикъ.—Ограбилъ, голубчикъ!
1-й извозчикъ —Спасибо, хозяинъ!
Смотри, разживайся съ чужого добра. (*Выходятъ*)
Хозяинъ (*имъ вслѣдъ*).
— Ну, съ Богомъ, любезный! помалкивай лучше;
Еще изъ-за гроша ты сталъ толковать!
Впередъ, просимъ милости, къ намъ заѣзжайте:
Ужъ мнѣ не учиться, кого какъ принять.

---

30. Купецъ.

Купецъ (*племяннику*).
— Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ! (*Андрей входитъ*).
— Торгуй по моему, такъ будешь не въ накладѣ:
Составишь капиталъ... Ну, слушай, молодецъ,
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ, что онъ и старъ, и подмоченъ, и гнилъ?
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ олушка послалъ!
Андрей (*разсматривая деньги*).—Все это, дядя, такъ
Да въ олухи-то я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ка: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку!

---

31. Бритвы.

Въ комнатѣ двое пріятелей. Одинъ лежитъ въ кровати; второй, морщась отъ боли, брѣется у зеркала.

Первый (*къ публикѣ*).—Пріятель мой въ тревогѣ!
Вчера заснули мы, межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь уже пріятель мой не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ. .
(*пріятелю*).
Что сдѣлалось съ тобой, мой милый?.. Я надѣюсь,
Не боленъ ты...

Второй.—Охъ ничего! я брѣюсь.

Первый.—Какъ? только? (*вставая*).
И смѣшонъ-же ты, проказникъ мой!
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщишь рожу,
Какъ будто бы съ тебя сдираетъ кто-то кожу...
А вижу, наконецъ, вину бѣды такой...
Что дива, дорогой? Ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не бритвы—косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь.

Второй.—Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.

Первый.—А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

32. Братья-разбойники.

Поляна, окаймленная кустами; вокругъ костра въ различныхъ положеніяхъ—сидятъ, лежатъ, стоятъ—разбойники; въ центрѣ, на обрубкѣ дерева, сидитъ атаманъ.

Эсаулъ. — Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной;
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ?
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ?

Атаманъ. — Насъ было двое: братъ и я.
Расли мы вмѣстѣ, нашу младость
Вскормила чужая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье!
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средъ заботъ;
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный,
За деревомъ сидимъ и ждемъ;
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ, иль попъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ.
Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ.
«И что-жъ? попались молодцы,
Не долго братья пировали:
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ за душными стѣнами,
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,

Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!...» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ съ него катился,
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужъ онъ меня не узнавалъ
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «Гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ, мой братъ, меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья!
«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились.
Болѣзнь ужасная прошла

И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ:
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей;
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.
По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ! поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ.
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужь тонетъ:

То захлебнется, то застонетъ
И, какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ онъ въ бродъ
упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой,
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ,
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку,
Рука задрогла, онъ вздохнулъ—
И на груди моей уснулъ.
Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ,
Взялъ заступъ, грѣшную молитву

Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ:
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла,
Влачусь угрюмый, одинокій.
Окаменѣлъ мой духъ жестокій
И въ сердцѣ жалость умерла.

(*Умолкаетъ и, склонившись головою на руку, плачетъ*).

Эсаулъ. — Ты плачешь? полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда.

---

33. Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ, толстенькій человѣкъ, лежитъ на диванѣ. Входитъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко, высокій, тощій.

Ив. Иван.—Помоги Богъ!

Ив. Ник.—А, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!

Ив. Иван.—Почивали-ли вы сегодня Иванъ Никифоровичъ?

Ив. Ник.—Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ.

Ив. Ив.—Почивалъ.

Ив. Ник.—Такъ вы теперь и встали?

Ив. Ив.—Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! какъ можно спать до сихъ поръ! Я только что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! Восхитительныя! И сѣно такое рослое, мягкое, злачное!

Ив. Ник.—Горпина! принеси Ивану Ивановичу водки да пироговъ со сметаною!

Ив. Ив.—Хорошее время сегодня.

Ив. Ник.—Не хвалите, Иванъ Ивановичъ! что-бъ его чортъ взялъ! Некуда дѣваться отъ жару!

Ив. Ив.—Вотъ-таки нужно помянуть черта! Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова.

Ив. Ник.—Чѣмъ-же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ.

Ив. Ив.—Полно уже, полно, Иванъ Никифоровичъ!

Ив. Ник.—Ей-Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!

Ив. Ив.—Странно, что перепела до сихъ поръ нейдутъ подъ дудочку.

Ив. Ник.—Какъ вы себѣ хотите, думайте, что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ...

Ив. Ив.—Не знаю, отчего они нейдутъ... время-ли не приспѣло еще... только время, кажется, такое, какое нужно.

Ив. Ник.—Вы говорите, что жита хорошія?

Ив. Ив.—Восхитительныя жита, восхитительныя. (*По-*

молчавъ). Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете?

Ив. Ник.—Да прекрасное, почти новое платье, загноила проклятая баба: теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только вывороти—и можно снова носить.

Ив. Ив.—Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ.

Ив. Ник.—Какая?

Ив. Ив.—Скажите пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ? (*протягивая табакерку*). Смѣю-ли просить объ одолженіи?

Ив. Ник.—Ничего, одолжайтесь, я понюхаю своего; вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда-же повѣсила? Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! На кануперъ немножко похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда-ли, похоже на кануперъ? Возьмите, одолжайтесь.

Ив. Ив.—Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все насчетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдъ оно вамъ не нужно.

Ив. Ник.—Какъ не нужно? а случится стрѣлять?

Ив. Ив.—Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда-же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ пришествіи? Вы, сколько я знаю, и другіе запомнятъ, ни одной еще утки не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое (не во всякой рѣчи прилично назвать по имени), провѣтривается

и теперь еще? что-же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. Да! такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ.

Ив. Ник. — Какъ можно! Это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщите нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно! Это вещь необходимая!

Ив. Ив.—На что-жъ она необходимая?

Ив. Ник.—Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая! Слава тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отчего?— оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье.

Ив. Ив.—Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ.

Ив. Ник.—Что-жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляным масломъ, что-бъ не ржавѣлъ.

Ив. Ив.—Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни.

Ив. Ник.—Какъ-же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что-жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собакими, — я ничего не говорю; пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали: пусть себѣ играютъ!

Ив. Ив.—Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся.

Ив. Ник.—Что-жъ вы дадите мнѣ за него?

Ив. Ив —Я вамъ дамъ за него бурую свинью. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ.

Ив. Ник.—Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать?

Ив. Ив.—Опять! Безъ чорта таки нельзя обойтись. Грѣхъ вамъ; ей-Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!

Ив. Ник.—Какъ-же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ, что такое: свинью?

Ив. Ив.—Отчего-же она — чортъ знаетъ, что такое Иванъ Никифоровичъ?

Ив. Ник.—Какъ-же? Вы-бы сами посудили хорошенько. Это таки ружье, вещь извѣстная; а то—чортъ знаетъ что такое: свинья! Если-бы не вы говорили, я-бы могъ это принять въ обидную для себя сторону.

Ив. Ив.—Что-жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?

Ив. Ник. (*волнуясь вскакиваетъ*).—За кого-же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? Чтобъ я свинью...

Ив. Ив. — Садитесь, садитесь! Не буду уже... Пусть вамъ остается ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ — не хочу больше говорить о немъ. (*Послѣ молчанія*). Говорятъ, что три короля объявили войну царю нашему.

Ив. Ник. — Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что-жъ это за война? и отчего она?

Ив. Ив.—Навѣрное не можно сказать, Иванъ Ники-

форовичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру.

Ив. Ник.—Вишь, дурни, чего захотѣли.

Ив. Ив.—Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. Нѣтъ, говоритъ, примите вы сами вѣру Христову.

Ив. Ник.—Что-жъ? Вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ.

Ив. Ив.—Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?

Ив. Ник. (*поднимаясь*).—Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ! вы, кажется, человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что-бы я за дуракъ такой...

Ив. Ив.—Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ. Пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить. (*Горпина приноситъ закуску; Ив. Ив. выпиваетъ и закусываетъ*).

Ив. Ив.—Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ все равно вамъ нужно будетъ покупать овесъ.

Ив. Ник.—Ей-Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвшись. Гдѣ видано, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите.

Ив. Ив.—Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.

Ив. Ник.—Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье.

Ив. Ив.—Да что-жъ, развѣ мало?

Ив. Ник.—За ружье?

Ив. Ив.—Конечно, за ружье.

Ив. Ник.—Два мѣшка за ружье?

Ив. Ив.—Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?

Ив. Ник.—Поцѣлуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ.

Ив. Ив.—О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться.

Ив. Ник.—Позвольте, Иванъ Ивановичъ: ружье вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...

Ив. Ив.—Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ со своимъ ружьемъ, какъ дурень съ писаною торбою.

Ив. Ник.—А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій гусакъ.

Ив. Ив. (*вскакивая и возвышая голосъ*).—Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?

Ив. Ник. — Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ.

Ив. Ив. (*волнуясь и жестикулируя*). — Какъ-же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе, и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?

Ив. Ник. — Что-жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?

Ив. Ив.—Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?

Ив. Ник.—Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?

Ив. Ив. (*кричитъ*).—Такъ я-жъ вамъ объявляю, что я знать васъ не хочу.

Ив. Ник.—Большая бѣда! Ей-Богу, не заплачу отъ этого.

Ив. Ив.—Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ.

Ив. Ник. (*вставая*).—Эге-ге! Эй, баба, хлопче! (*входятъ Горпина и мальчикъ*). Возьмите Ивана Ивановича за руки и выведите его за двери.

Ив. Ив.—Какъ? дворянина? Осмѣльтесь только! Подступитесь! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего! (*уходя*) Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! Прекрасно! Я это припомню вамъ.

Ив. Ник.—Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте, да глядите, не попадайтесь мнѣ: а не то—я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью.

Ив. Ив. (*въ дверяхъ, показывая фигу*). —Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ! (*уходитъ*).

---

34. Чичиковъ у Манилова.

Комната съ однимъ окномъ; стѣны голубоватыя; четыре стула, кресло, столъ; на столѣ книга и бумаги; на подоконникѣ и столѣ табакъ; двери отворены; въ дверяхъ видны спорящіе Чичиковъ и Маниловъ.

Чичиковъ.—Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ.

Маниловъ.—Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, — вы гость.

Чичиковъ.—Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь.

Маниловъ.—Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

Чичиковъ.—Почему-же образованному?.. Пожалуйста проходите!

Маниловъ.—Ну, да ужъ изволите проходить вы.

Чичиковъ.—Да отчего-жъ?

Маниловъ.—Ну, да ужъ оттого! (*Входятъ въ двери оба, бокомъ*).

Маниловъ.—Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ. Здѣсь вамъ будетъ покойнѣе.

Чичиковъ.— Позвольте, я сяду на стулѣ.

Маниловъ.—Позвольте вамъ этого не позволить. Это кресло у меня ужъ асигновано для гостя: рады или не рады, но должны сѣсть. (*Садятся*).

Маниловъ. — Какъ вамъ показался нашъ городъ? Пріятно-ли провели тамъ время?

Чичиковъ. — Очень хорошій городъ, прекрасный городъ. И время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное.

Маниловъ.—А какъ вы нашли нашего губернатора? Не правда-ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ?

Чичиковъ. — Совершенная правда! препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

Маниловъ.—Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ.

Чичиковъ.—Очень обходительный и пріятный человѣкъ. И какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домаш-

ніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

Маниловъ.—А вице-губернаторъ, не правда-ли какой милый человѣкъ?

Чичиковъ.—Очень, очень достойный человѣкъ.

Маниловъ.—Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда-ли, что очень пріятный человѣкъ?

Чичиковъ.—Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!

Маниловъ.—Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера? Не правда-ли, прелюбезная женщина?

Чичиковъ.—О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю. Вы всегда въ деревнѣ проводите время?

Маниловъ.—Больше въ деревнѣ. Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

Чичиковъ.—Правда, правда.

Маниловъ.—Конечно! Другое дѣло, если-бы сосѣдство было хорошее, еслибы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, что-бы этакъ расшевелило душу, дало-бы, такъ сказать, паренье этакое... тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли-бы очень много пріят-

ностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь «Сынъ Отечества»...

Чичиковъ.—Правда, но ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу.

Маниловъ.—Но знаете-ли, все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

Чичиковъ.—О, это справедливо, это совершенно справедливо. Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ. Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія — сказалъ одинъ мудрецъ.

Маниловъ.—И знаете, Павелъ Ивановичъ, тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

Чичиковъ.—Помилуйте, что-жъ за пріятный разговоръ? Ничтожный человѣкъ, и больше ничего.

Маниловъ.—О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я-бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы...

Чичиковъ.—Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Маниловъ. (*вкрадчиво*).—Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою.

Чичиковъ (*томомъ сожалѣнія*).—Нѣтъ, не курю.

Маниловъ (*также*).—Отчего?

Чичиковъ.—Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

Маниловъ.—Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ.

Чичиковъ. — Но позвольте прежде одну просьбу. (*Оглядывается; Маниловъ то-же*). Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

Маниловъ.—Да ужъ давно; а лучше сказать—не припомню.

Чичиковъ.—Какъ, съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?

Маниловъ.—А не могу знать; объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. (*Кричитъ въ дверь*). Эй, человѣкъ! позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь. (*Входитъ приказчикъ*).

Маниловъ.—Послушай, любезный, сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

Приказчикъ.—Да какъ—сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ. (*Икаетъ, заслоняя ротъ рукой*).

Маниловъ. — Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ; именно очень многіе умирали (*Чичикову*). Точно, очень многіе.

Чичиковъ.—А какъ, напримѣръ, числомъ?

Маниловъ.—Да, сколько числомъ?

Приказчикъ.—Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

Маниловъ.—Да, именно, я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло.

Чичиковъ (*приказчику*).—Ты, пожалуйста, ихъ перечти и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

Маниловъ.—Да, всѣхъ поименно.

Приказчикъ.—Слушаю. (*Уходитъ*).

Маниловъ.—А для какихъ причинъ вамъ это нужно?

Чичиковъ.—Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...

Маниловъ.—Но позвольте спросить васъ, какъ желаете вы купить крестьянъ съ землею, или просто на выводъ, то-есть безъ земли.

Чичиковъ.—Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ... Я желаю имѣть мертвыхъ.

Маниловъ.—Какъ съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

Чичиковъ.—Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи какъ живые. (*Маниловъ молчитъ*). Итакъ, я бы желалъ знать, можете-ли вы мнѣ таковыхъ не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?.. (*Молчаніе*). Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?

Маниловъ.—Я?.. нѣтъ, я не то... но я не могу постичь... извините... Я, конечно не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

Чичиковъ.—Нѣтъ, нѣтъ; я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то есть тѣ души, которыя точно уже умерли. (*Маниловъ молчитъ*). И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости.

Маниловъ.—Какъ? На мертвыя души купчую?

Чичиковъ.—А, нѣтъ! мы напишемъ, что онѣ живы,

такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ—я нѣмѣю предъ закономъ. Можетъ быть вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

Маниловъ.—О, помилуйте, ничуть. Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то есть, критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе несоотвѣтствующимъ гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Чичиковъ.—Предпріятіе никакъ не будетъ несоотвѣтствующимъ гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи. Казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

Маниловъ.—Такъ вы полагаете?

Чичиковъ.—Я полагаю, что это будетъ хорошо.

Маниловъ. — А, если хорошо, это другое дѣло; я противъ этого ничего.

Чичиковъ.—Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

Маниловъ.—Какъ въ цѣнѣ? Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Чичиковъ (*растроганно*).—Если-бъ вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью, человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испытывалъ,

какого горя не вкусилъ! А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ-горемыкѣ...

(*Утираетъ слезы и берется за шляпу*).

Маниловъ.—Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать?

Чичиковъ (*съ чувствомъ*).—Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!.. (*Оба уходятъ*).

---

35. Чичиковъ у Коробочки.

Помѣщица Коробочка сидитъ за чайнымъ столомъ. Входитъ переночевавшій у ней Чичиковъ.

Коробочка.—Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?

Чичиковъ.—(*садясь*). Хорошо, хорошо. Вы какъ, матушка?

Коробочка.—Плохо, отецъ мой.

Чичиковъ.—Какъ такъ?

Коробочка. — Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

Чичиковъ.—Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

Коробочка.—Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

Чичиковъ.—Недурно, матушка; хлебнемъ и фрукто-

вой (*наливаетъ и пьетъ*). У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

Коробочка.—Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, да бѣда, времена плохія: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

Чичиковъ.—Однако-жъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...

Коробочка.—Коробочка, коллежская секретарша.

Чичиковъ.—Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

Коробочка.—Настасья Петровна.

Чичиковъ. — Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

Коробочка.—А ваше имя какъ? Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

Чичиковъ.—Нѣтъ, матушка! чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

Коробочка.—А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево: а вотъ ты-бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

Чичиковъ.—А вотъ меду и не купилъ-бы.

Коробочка.—Что-жъ другое? Развѣ пеньку? Да вѣдь и пеньки у меня теперь маловато—полпуда всего.

Чичиковъ.—Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

Коробочка (*вздыхая*). — Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ. И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ—по-

дать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ, и слесарное мастерство зналъ.

Чичиковъ.—Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

Коробочка.—Богъ приберегъ отъ такой бѣды, пожаръ-бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезчуръ выпилъ: только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

Чичиковъ.—На все воля Божья, матушка! противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна.

Коробочка.—Кого, батюшка?

Чичиковъ.—Да вотъ этихъ то всѣхъ, что умерли.

Коробочка.—Да какъ-же уступить ихъ?

Чичиковъ.—Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

Коробочка.—Да какъ-же? Я, право, въ толкъ то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ.—Покупка будетъ значится только на бумагѣ и души будутъ прописаны, какъ бы живыя.

Коробочка.—Да на что-жъ онѣ тебѣ?

Чичиковъ.—Это ужъ мое дѣло.

Коробочка.—Да вѣдь онѣ-жъ мертвыя!

Чичиковъ.—Да кто-жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и пла-

тежа. Понимаете? Да не то избавлю, да еще сверхъ того, дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь, ясно?

Коробочка.—Право, не знаю: вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

Чичиковъ.—Еще-бы! Это-бы скорѣе походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

Коробочка. — Нѣтъ, я этого не думаю. Что-жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

Чичиковъ (*въ сторону*).—Ну, баба, кажется крѣпколобая! (*Коробочкѣ*). Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько; вѣдь вы раззоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

Коробочка.—Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста да засѣдателя подмаслила.

Чичиковъ.—Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображен е, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ,—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете-ли вы это? (*Коробочка задумывается*). Такъ что-жъ матушка, по рукамъ, что-ли?

Коробочка.—Право, отецъ мой, никогда еще не случалось мнѣ продавать покойниковъ· Живыхъ-то я уступила вотъ третьяго года Протопопову—двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

Чичиковъ.—Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю о мертвыхъ.

Коробочка.—Право, я боюсь на первыхъ порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

Чичиковъ. — Послушайте, матушка... эхъ, какія вы! что-жъ они могутъ стоить? Разсмотрите; вѣдь это прахъ. Понимаете-ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку,—и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

Коробочка.—Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они мертвые.

Чичиковъ.—Экъ ее, дубинно-головая какая! (*про себя*) Пойди-ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха! (*Коробочкѣ*). Вы, матушка, или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете-ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщите на улицѣ. Ну признайтесь, почемъ продали медъ?

Коробочка.—По 12-ти рублей пудъ.

Чичиковъ.—Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По 12 не продали.

Коробочка.—Ей Богу, продала.

Чичиковъ. — Ну, видите ль? Такъ зато—это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души—дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не

прилагали старанія: на то была воля Божія, что бы они оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да не серебромъ, а все синими ассигнаціями.

Коробочка. — Право, мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше-жъ я маленько повременю: авось, понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

Чичиковъ.—Страмъ, страмъ, матушка! просто страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто-жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

Коробочка.—А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся...

Чичиковъ. — Мертвые въ хозяйствѣ? Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что-ли?

Коробочка (*крестясь*).—Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!

Чичиковъ. — Куда-жъ еще вы ихъ хотѣли бы пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы —все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ-же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ (*Коробочка думаетъ*). О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

Коробочка.—Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

Чичиковъ.—Да что-жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ-же, Настасья Петровна?

Коробочка.—Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Чичиковъ (*въ сердцахъ стуча стуломъ объ полъ*). — Чортъ васъ побери!

Коробочка (*съ ужасомъ*). — Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ. Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился, окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

Чичиковъ (*сердито*). — Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ; вижу—бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!

Коробочка.—Ахъ, какія ты забранки пригинаешь.

Чичиковъ.—Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому, что я и казенные подряды тоже веду...

Коробочка (*просительно*).—Да чего-жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты какой сердитый да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

Чичиковъ.—Есть изъ чего сердится. Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

Коробочка.—Ну, да изволь, я готова отдать за 15 ассигнаціей! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржвной, или гречне-

вой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

Чичиковъ (*утираясь платкомъ, утомленно*).—Нѣтъ, матушка, не обижу.

---

36. Русскій лѣтописецъ.

Отецъ Пименъ, Григорій (*спящій*).

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья,—
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...

Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно;
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (*Пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ?
Проклятый сонъ! А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.—Проснулся, братъ?

Григорій.—Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.—Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.
Григорій.—Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Пименъ.—Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя—
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!
Григорій.—Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?

Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.—Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;

Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
—«Отцы мои! желанный день придетъ:
Предстану здѣсь, алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный;
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честну̀ю восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ страдающей и бурной
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ.
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,

Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда-же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ—
Ужъ не видать такого намъ царя.
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.—Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.—Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ

Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!»—народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.—Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.—Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.
(*Уходитъ*).

Григорій.—Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ.
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;

А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!

---

37. Козьма Мининъ.

Площадь. Народъ проходитъ по ней. Всѣ утираютъ слезы.

Проходятъ двое.—**1-й.**—Экой плачъ! эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й.—Да и было отчего. Вотъ тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ, какъ-же тутъ не заплакать! Что мы каменные, что-ли? (*Проходятъ*).

Старикъ и женщина.—**Старикъ.**—Гибнетъ, говорятъ, все наше государство! Гибнетъ вѣра православная! Легко сказать — гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина.—Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ: этакъ не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. (*Проходятъ*).

Проходятъ четверо.—**1-й.**—Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й.—А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й.—Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царство наслѣдуешь.

4-й.—Безпремѣнно. (*Проходятъ*).

Выходитъ народъ, становясь по бокамъ сцены. Появляются: Воевода, Аксеновъ (торговый человѣкъ), Поспѣловъ (боярскій сынъ), Темкинъ, Губанинъ.

Поспѣловъ. — Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ: и подъ ногами ты земли не чуешь, и ногъ не слышишь; и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Такое диво какая легкость для души молитва! Взялся-бы съ мѣста да и полетѣлъ! А день придетъ,—забота за заботой навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ.—Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ, и разумъ крѣпче, да и воля тверже, а особливо, помолясь усердно. Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь, да и сердца-то огрубѣть успѣютъ. Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ онъ Ангелу-Хранителю Косьмѣ-Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(*Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу — одинъ въ одну сторону, другой въ другую*).

Темкинъ. — Почтенные! Маленько подождите: Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ. — Коль не въ трудъ, повремените малость: Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(*Мининъ входитъ и становится на возвышеніи*).

Мининъ. — Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ,

молятъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошеніе! Поможемъ, братья, родинѣ святой! Что-жъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли! Не всѣ-ль мы дѣти матери одной! Не всѣ-ль мы братья отъ одной купели?

Голоса. — Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной!

Мининъ.—И аще, братья, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и домы! А будетъ мало,—женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса.—Заложимъ женъ! дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ.— Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братія, честного мужа, которому то дѣло за обычай,—вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. — Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!—Другого намъ не надо.

Мининъ. — Воля Божья! Пожарскаго мы избрали всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа — гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на-спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь ратнымъ. Я, Господи благослови, начало! свои, копленые и трудовые, всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ. — И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копѣйку трудовую.

Другіе голоса.—Что деньги? Деньги дѣло наживное: какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ. — Да изъ собора я послалъ Нефеда, чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи

и серьги, весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли-бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. — Все отдадимъ! Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходитъ! (*Начинается приношеніе*).

Мининъ.—Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

(*Аксеновъ и старикъ входятъ на возвышеніе и принимаютъ пожертвованія. Мининъ сходитъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у возвышенія; начинаютъ приносить даже вещи*).

Губанинъ. (*Темкину*). — Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

Темкинъ. — Погоди, успѣешь! Мы первые пошли на это дѣло, не спятимся.

(*Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ*).

Колзаковъ. (*Минину*). — А я что дамъ? До нитки промотался! А надо-бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людямъ завидно. Не то завидно, милый человѣкъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ, а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего! И одежонка вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, слава Богу, Нашлось таки, что Господу отдать. (*Снимаетъ*). Возьми! возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни пойдетъ на дѣло и моя копѣйка.

(*Входитъ Татьяна Юрьевна, жена Минина и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы*).

Нефедъ. — Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы, по твоему приказу, и сдѣлали: все принесли сюда.

Мининъ.—Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ! Кладите въ кучу,—послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна. — Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ, ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья, и съ камушками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебѣ! я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ, ты слово твердое,— такъ что намъ думать.

Мининъ.—Сама Петру Аксенычу подай.

Татьяна Юрьевна.—Все, государь, исполню, что прикажешь.

(*Уходитъ. Входитъ Марѳа Борисовна, богатая вдова; за нею несутъ сундуки и ларцы*).

Марфа Борисовна.—Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много къ отцовскому наслѣдію прибавилъ, и умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенья не было отъ Бога мнѣ на дѣтей! — однимъ одна осталась хозяйкою несчетнаго добра чужого; я съ собою мало въ домъ принесла Искала я родныхъ,—родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души,— и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божьимъ на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ, и слѣ-

пымъ, и прокаженнымъ, сиротамъ и въ убогіе дома, колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ, въ обители— и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро и въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію, и на святую Гору,—и не могла раздать. Все прибавлялось,—то долгъ несутъ, — то кортому съ угодій. И не внуши вамъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь-бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте. На добрыя дѣла, на обиходъ, еще немного у меня осталось. Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмите. А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно, однихъ угодій хватитъ на прожитокъ. (*Отходитъ въ сторону*).

Одинъ изъ толпы.—Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой.—Зипунишко!

Голоса. — Вотъ наши деньги изъ квасного ряду!— Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! —Костромичи собрали,—принимайте!—Стрѣльцы Колзакова Боима сотни!

Поспѣловъ.—Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ.—И я смотрю, душа во мнѣ растетъ. Не явно-ли благословенье Божье. Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Недалеко время, когда, вооружась и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы, помчимся и грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ вооружаемъ; не страшенъ намъ злохитрый ковъ его! За насъ молитвы цѣлаго народа, дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадилъ! За насъ угодники и чудотворцы, и легіоны грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

38. Кочубей въ тюрьмѣ.

Чтецъ.—Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьи,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни:
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? Желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,

Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ.
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?.. Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного:

Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:

Кочубей.—Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.—Допросъ не конченъ—отвѣчай.

Кочубей. Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

Орликъ. — Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Кочубей. — Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ. — Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна,
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей. Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была—
Кладъ этотъ пытка отняла;

Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!...
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орликъ. Старикъ! оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой;
Гдѣ спряталъ деньги?

Кочубей. —Злой холопъ!
Окончишь-ли допросъ нелѣпый?
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но, ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ...

Орликъ. Гдѣ спряталъ деньги? укажи,
Не хочешь?— Деньги гдѣ, скажи.
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь. Ну, въ пытку. Гей, палачъ!...

Палачъ вошелъ...

39. Ученье Митрофанушки.

Комната. Разговариваютъ двое—отставной солдатъ Цыфиркинъ и дьячекъ Кутейкинъ, учителя Митрофанушки Простакова.

Кутейкинъ.—Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ.—А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало.

Кутейкинъ.—Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутьи къ нашей просвирнѣ, взалкалъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ.—Здѣшни господа добры командиры.

Кутейкинъ.—Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житьето здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ, что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ придетъ на тя...

Цыфиркинъ.—Вотъ на, слыхалъ-ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три (*вздохнувъ*). Охъ-ти мнѣ! Грусть беретъ.

Кутейкинъ.—О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ.—О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ.—И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьичъ?

Цыфиркинъ.—За неволю призадумаешься! Далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ.—Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. По сей часъ, кромѣ задовъ, новой строки не разберетъ, да и зады мямлитъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ.—А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а нѣмецъ въ двери; ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ.—Тутъ мой-ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза: ученика по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (*съ жаромъ*).—Я далъ-бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ.—Меня хоть теперь шелепами, лишь бы вью грѣшничу путемъ накостылять.

(*Входятъ Простакова и Митрофанъ*).

Простакова.—Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ.—Ну, а тамъ что?

Простакова.—А тамъ и женишься.

Митрофанъ.—Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только, чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня-же быть сговору.

Простакова.—Прійдетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ.—Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты-жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ.

(*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Простакова.—А я тутъ-же присяду. Кошелекъ повя-

жу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было-бъ куда класть.

Митрофанъ.—Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ.—Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Простакова (*работая*). — Ахъ, Господи Боже, мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ.—За что разгнѣваться, ваше благородіе! у насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ.—Задавай-же зады, поворачивайся!

Цыфиркинъ.—Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Простакова.—Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ.—Задача: изволилъ ты, напримѣръ, итти по дорогѣ со мною, ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (*пишетъ*).—Трое.

Цыфиркинъ.—На дорогѣ, напримѣръ-же, триста рублей.

Митрофанъ (*пишетъ*).—Триста.

Цыфиркинъ.—Дошло дѣло до дѣлежа. Смекнитко, почему на брата?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*).—Единожды три—три; единожды нуль—нуль.

Простакова.—Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ.—Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Простакова.—Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: все себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ.—Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ.—Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ 10 рублей.

Митрофанъ.—Десять.

Цыфиркинъ.—Теперь, правда, не за что; а кабы ты баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавитъ десять.

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*).—Нуль да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (*задумался*).

Простакова.—Не трудись по пустому, другъ мой; гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая; лишь тебѣ мученье; а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ—что считать, деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ.—Шабашъ, право, Пафнутьичъ, двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ.—Небось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ. (*Открываетъ Часословъ. Митрофанъ беретъ указку*).—Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь.

Митрофанъ.—Азъ же есмь червь.

Кутейкинъ.—Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ.—Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (*учебнымъ голосомъ*).—А не человѣкъ.

Митрофанъ (*тоже*).—А не человѣкъ.

Кутейкинъ.—Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ.—Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ.—И уни ... (*Входитъ Вральманъ*).

Вральманъ.—Ай, ай, ай, ай, ай! Теперь-то я вижу! Уморить хотятъ ребенка! Матушка ты моя! сжалься надъ своей утробой, котора девять мѣсяцевъ таскала, такъ сказать, осьмое диво на свѣтѣ. Дай волю этимъ проклятымъ злодѣямъ, изъ такой головы долго-ль болванъ?

Простакова.—Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ.—А по мнѣ и подавно.

Кутейкинъ (*закрывая часословъ*).—Конецъ и Богу слава!

Вральманъ.—Матушка моя! Что тебѣ надобно? Сынокъ каковъ есть да далъ Богъ здоровье; или сынокъ премудрой, такъ сказать, Аристотелисъ, да въ могилу?

Простакова.—Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ. Онъ же и такъ вчера небрежно поужиналъ.

Вральманъ.—Разсуди-жъ, мать моя: набилъ брюхо лишне—бѣда; а вѣдь головушка-то у него гораздо слабѣй брюха; набить ее лишне—сохрани Боже.

Простакова.—Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? не выучась, поѣзжайка въ тотъ-же Петербургъ: скажутъ—дуракъ. Умницъ то нынѣ завелось много; ихъ то я боюсь.

Вральманъ.—Чего бояться, моя матушка? Разумный человѣкъ никогда его не задеретъ, никогда съ нимъ не

заспоритъ; а онъ съ умными людьми не связывайся, такъ и будетъ благоденствіе Божіе.

Простакова.—Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить Митрофанушка!

Митрофанъ.—Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ.—Своя компанія—то-ли дѣло!

Простакова.—Адамъ Адамычъ! Да изъ кого-жъ ты ее выберешь.

Вральманъ.—Не крушинься, моя матушка, не крушинься; каковъ твой дражайшій сынъ, такихъ на свѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не выбрать себѣ компаніи!

Простакова.—То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ.—Удалецъ! (*Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается*). Удалецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ дикій конь безъ узды. Ступай! Фортъ! (*Митрофанъ убѣгаетъ*).

Простакова.—Ребенокъ, право, хоть и женихъ! Пойти за нимъ, однакожъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ.—Поди, моя матушка! Залетна птица! Съ нимъ твой глазъ надобно. (*Простакова уходитъ*).

40. Экзаменъ Митрофанушки.

Лица: Митрофанъ, Простакова, Простаковъ, Правдинъ, Стародумъ, Милонъ *(офицеръ)*. Скотининъ *(дядя Митрофана)*.

Простакова (*входя*).—Все-ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ.—Ну, да ужъ не заботься.

Простакова (*Стародуму*).—Хорошо-ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобы тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка... Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*). Кланяйтесь.

Стародумъ.—Какою, сударыня?

Простакова.—Во первыхъ, прошу милости, всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ—намъ, грѣшнымъ, гдѣ-бъ и умолить—даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ.

Стародумъ.—О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Правдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-то его выучилъ.

Простакова.—Всѣмъ наукамъ батюшка!
Простаковъ.—Всему, мой отецъ. } *Вмѣстѣ.*
Митрофанъ.—Всему, чему изволишь.

Правдинъ *(Митрофану).*—Чему-жъ бы, напримѣръ?

Митрофанъ *(подавая ему книгу).*—Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу).* — Вижу. Это грамматика, Что-жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. — Много. Существительна да прилагательна.

Правдинъ.—Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. —Дверь? Котора дверь?

Правдинъ.—Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ.—Эта? прилагательна.

Правдинъ.—Почему-жъ?

Митрофанъ.—Потому, что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ.—Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Митрофанъ.—И вѣдомо.

Простакова.—Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ.—Каково, мой отецъ?

Правдинъ. — Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ.—Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Простакова.—То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.—Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того

глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется.

Простакова.—Однако, все таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану).*—А далеко-ли вы въ исторіи?

Митрофанъ.—Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за три десято царство.

Правдинъ. — А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ.

Митрофанъ.—Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я-же, самъ охотникъ слушать.

Простакова.—Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ.—Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Простакова *(сыну).*—Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери).*—А я почемъ знаю.

Простакова *(тихо Митрофану).*—Не упрямься, душенька, теперь то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери).*—Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Простакова *(Правдину).*—Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ.—Географія.

Простакова (*Митрофану).*—Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ.—Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Простакова (*Правдину).*—И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то, онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ.—Описаніе земли.

Простакова (*Стародуму*).—А къ чему-бы это служило на первый случай?

Стародумъ.—На первый случай годилось-бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Простакова.—Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что-жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ.—О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Простакова.—Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю! покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ.—Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ.—Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ.—Что-жъ такое?

Стародумъ.—Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки; забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, а бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь спросилъ только: цѣлы-ли ворота?

Простакова.—Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленнѣе, того свои-же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ.—А кто посмышленнѣе, тотъ и не откажется быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Простакова.—Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой.

41. Отставной солдатъ.

Ночь. Кусты на опушкѣ лѣса. Около костра сидятъ пастухи. Къ нимъ подходитъ солдатъ на костыляхъ.

Солдатъ. Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Одинъ изъ пастуховъ. Спасибо, служба! Хлѣба кушать!
Солдатъ. Быть такъ
Благодарю васъ! Я усталъ порядкомъ.
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ. Рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.
1-й пастухъ. А идешь откуда?
Солдатъ. А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ—я
На первой заграничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ, и сѣмъ лѣчили,
И вотъ какимъ, глядите, отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.
2-й пастухъ. На, руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись.
Солдатъ. Спасибо, другъ! Господь тебѣ заплатитъ!
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ русска генеральша,—
И дорого, и чудно, да не мило,

Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышешь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжишься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! Игралъ-бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3-й пастухъ. И мы-бъ, землякъ, играть не отказались!
Да вотъ нельзя! Село далеко! Стадо-жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла!
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
Я чай, вездѣ былъ ты, все видѣлъ:
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ иль гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ. Вздоръ мелешь, малый! Уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи.
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться? Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса! Нѣтъ! другое чудо
Я видѣлъ и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ вами совершилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,

Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой—
И въ раннюю зиму послалъ намъ въ помощь
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ!
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго.
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли-же. На дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежать!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ-бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой, тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,

Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи. Ухъ! страшно, страшно!
(*За сценой слышится, постепенно приближаясь, колокольчикъ*).

Солдатъ. А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й пастухъ (*встаетъ*). Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей;
Не спросятъ-ли о чемъ насъ?

Солдатъ. Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...
(*При помощи пастуховъ солдатъ встаетъ*).

Офицеръ (*подходя отъ телѣжки, которая не видна зрителямъ*).
Огня, ребята, закурить мнѣ трубку.

Солдатъ. Въ минуту, ваше благородіе (*подаетъ огонь*).

Офицеръ. Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ. Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородіе!
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ. Съ Богомъ!
Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;

Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ московскій! Ну, прощай, товарищъ.

Солдатъ. Прощенья просимъ, ваше благородіе!

(*Офицеръ отходитъ; звонокъ звенитъ и постепенно замираетъ*). (*Крестясь*).

Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются-ль предъ нами явно?

---

42. Бородино.

На сценѣ полукругомъ, лицомъ къ зрителямъ, стоятъ дѣти; впереди ихъ, посрединѣ,—солдатъ на костыляхъ. Наилучшее впечатлѣніе получается, когда слова дѣтей поются хоромъ.

Дѣти. — Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Солдатъ. — Да! Были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля—
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
—Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?—
И вотъ—нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ—ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ-мусью!
Что тутъ хитрить! Пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
—Пора добраться до картечи!—
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета.
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да! жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
—Ребята! Не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!—
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,

Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала.
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,—
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да! Были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

(Послѣдній куплетъ повторяетъ хоръ).

43. Бѣглый.

Дорога; по краямъ ея кустарникъ. Двое прохожихъ. На встрѣчу имъ идетъ бѣглый, въ сермягѣ и босый.

Одинъ изъ прохожихъ.

Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Не сегодня—завтра свяжутъ молодца.
Не ушелъ-ли ты отъ матери—отца?
Не гулялъ-ли ты за Волгою въ степи?
Не сидѣлъ-ли ты въ острогѣ на цѣпи?

Бѣглый.—Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
Я гулялъ и за Волгою въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я далъ—
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.
Какъ въ острогѣ-то послышалося намъ,
Что про волю-то читаютъ по церквамъ,—
Ужъ откуда сила-силушка взялась:
Цѣпь желѣзная, и та вишь порвалась!
И задумалъ я на родину бѣжать;
Божья ночка обѣщалась покрывать.
Я бѣжалъ и ногъ не чуялъ подъ собой...
Очутился на сторонушкѣ родной.
Тутъ за рѣчкой моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.

Я сначала постучуся у окна—
Выходи, скажу, на улицу жена!..

Одинъ изъ прохожихъ.

Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Хоть родное-то гнѣздо недалеко,
Да ночь мѣсячна: признать тебя легко.

---

44. Мальчикъ и птичка.

Мальчикъ.—Лети ко мнѣ, пѣвунья птичка,
Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
И зерна кушать круглый годъ.
Какъ буду я тебя лелѣять,
Какъ буду я тебя любить!
Водицы свѣжей не забуду
Я по утрамъ тебѣ носить,
И сколько бѣлаго песочку
Тебѣ я, птичка, припасу!
Повѣрь: здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу.
Тебя охотникъ не подстрѣлитъ;
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!—

Птичка.—Нѣтъ, нѣтъ! за клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,

Хотя-бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ,
И не покину я простора
Цвѣтами убранныхъ полей!..
Дитя! твои мнѣ ласки милы.
Но воля мнѣ еще милѣй!—

Мальчикъ.—Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! Но куда—
Скажи—ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?

Птичка.—Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга.

Мальчикъ.—А какъ собьешься ты съ дороги
Да и замерзнешь гдѣ нибудь?

Птичка.—Не бойся, другъ мой! вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!

---

45. Пойманная птичка.

Дѣти.

А, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь изъ сѣти;
Не разстанемся съ тобой
Ни за что на свѣтѣ!

Птичка.
Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ,
Миленькія дѣти?
Отпустите полетать,
Развяжите сѣти.

Дѣти.
Нѣтъ, не пустимъ, птичка, нѣтъ!
Оставайся съ нами:
Мы дадимъ тебѣ конфетъ,
Чаю съ сухарями.

Птичка.
Ахъ, конфетъ я не клюю,
Не люблю я чаю:
Въ полѣ мошекъ я ловлю,
Зернышки сбираю...

Дѣти.
Тамъ замерзнешь ты зимой
Гдѣ-нибудь на вѣткѣ;
А у насъ-то! въ золотой
Будешь жить ты клѣткѣ.

Птичка.
О! не бойтесь: въ теплый край
Улечу зимою;
А въ неволѣ свѣтлый рай
Будетъ мнѣ тюрьмою.

Дѣти.
Птичка, птичка, какъ любить
Мы тебя-бы стали!
Не позволили-бъ грустить,
Все-бъ тебя ласкали.

Птичка.
Вѣрю, дѣтки; но для насъ
Вредны ваши ласки:
Съ нихъ закрыла-бы какъ разъ
Я на вѣки глазки.

Дѣти.
Правда, правда, птичка! ты
Не снесешь неволи...
Ну, такъ Богъ съ тобой—лети
И живи на волѣ!

Пьеса эта эффектна въ пѣніи—хоръ и соло. Музыка ея есть въ сборникѣ *Брянскаго* — канонъ, изъ котораго легко сдѣлать трехголосный хоръ. Хоръ на 2 гол. (съ акомп. форт.) въ сб. „Гусельки“ №28

46. На чужбинѣ.

Мальчикъ.
Молодая пташечка!
Ты куда летишь?
Ты куда изъ клѣточки
Рѣзвая спѣшишь?

Птичка.
Я лечу на родину,
Тамъ гнѣздо совью,
Тамъ весну увижу я
Прежнюю свою.
Не боюсь опасностей,
Грома, ни сѣтей:
Грусть и одиночество
Изведутъ скорѣй.
За надежду сладкую
Смертью заплачу,
А кто знаетъ, — можетъ быть,
Я и долечу.

Мальчикъ.—
Ну лети-же, пташечка.
Лети, Богъ съ тобой!
Ахъ, и мнѣ какъ хочется
Самому домой!
И когда бы крылышки
Я твои имѣлъ,—
Я давно на родину
Самъ-бы улетѣлъ!

Ноты для пѣнія настоящей пьесы въ сб. „Школьныя пѣсни“, № 59 (на 2 голоса).

---

47. Соловей въ неволѣ.

Мальчикъ.
Что-же ты, соловушко,
Корму не клюешь;
Вѣшаешь головушку,
Пѣсенъ не поешь?

Соловей.
Пѣлося соловушкѣ
Въ рощицѣ весной;
Вѣшаю головушку
Въ клѣткѣ золотой.

На зеленой вѣточкѣ
Весело я жилъ,
Въ золотой-же клѣточкѣ
Буду вѣкъ унылъ!..
Зеленая вѣточка
Сердце веселитъ,
Золотая клѣточка
Умереть велитъ!
Подружка на вѣточкѣ
Тужитъ обо мнѣ;
Стонутъ милы дѣточки...
До пѣнья-ли мнѣ?

Мальчикъ.

Отперто окошечко
Къ рощицѣ твоей;
Будь счастливъ мой крошечка,
Улетай скорѣй!

---

48. Малиновка.

Мальчикъ.—Скажи, малиновка, зачѣмъ
Порхаешь вкругъ гнѣзда?
Ахъ, ты такъ жалобно еще
Не пѣла никогда.

Малиновка.—Мое дитя! взгляни въ гнѣздо,
Что-бъ грусть мою понять:
Украли у меня дѣтей
И плачу я, какъ мать.

Ноты для пѣнія данной пьесы можно найти въ сб. Дольда и Фамицына «Баянъ».

49. Осиротѣлая птичка.

Мальчикъ. Что-жъ на вѣткѣ такъ уныло
Птичка милая, сидишь,
Вотъ ужъ утро наступило,
Всѣ поютъ, а ты молчишь?
Птичка.—Прежде пѣла я, бывало,—
А теперь—желанья нѣтъ.
Въ рощѣ первая встрѣчала
Свѣжій утренній разсвѣтъ.
Трехъ малютокъ я родною
Тогда матерью была;
Имъ заботливо весною
Въ рощѣ гнѣздышко свила.
Свѣжій кормъ для нихъ сбирала,
Днемъ я пѣсни пѣла имъ,
Въ ночь малютокъ согрѣвала
Я подъ крылышкомъ своимъ.
Сладко въ гнѣздышкѣ мы спали
И, бывало, безъ заботъ
Утромъ радостно встрѣчали
Солнца яснаго восходъ.
Ахъ, жестоко сердце злое!
Есть-ли жалость у людей!..
Мое гнѣздышко родное
Кто-то взялъ съ семьей моей!
Съ той поры я все тоскую,
Съ той поры моя печаль:
Мнѣ семью мою родную,
Мнѣ моихъ малютокъ жаль!..

50. Птичка.

Мальчикъ.—Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья-птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?
Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.
Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра;
Скучно! холодно! какъ будто
Не весенняя пора!

Птичка.—Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.
Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.
Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.
Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей.
Никогда ея не пѣла

Для счастливыхъ я людей.
Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.
Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

---

51. Мотылекъ.

Разговариваютъ мальчикъ и мотылекъ. Слова мотылька читаетъ дѣвочка съ бумажными крылышками за спиной.

Мальчикъ.— Разскажи, мотылекъ,
Чѣмъ живешь ты, дружокъ?
Какъ тебѣ не устать
День деньской все порхать?
Мотылекъ.— Я живу средь луговъ
Въ блескѣ лѣтняго дня,
Ароматы цвѣтовъ—
Вотъ вся пища моя.
Но коротокъ мой вѣкъ—
Онъ не долѣе дня;
Будь-же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня.

52. Музыканты.

Лужайка окаймленная деревьями; *дѣйствующія лица*: мартышка, козелъ, оселъ, медвѣдь, соловей.

Мартышка (*выбѣгая справа со скрипкой*).

—Не пришли еще сюда! (*Оглядываетъ сердито сцену*).
Вотъ бродяги, вотъ лѣнтяи!..
Проходимцы! Шалопаи!.. (*къ публикѣ*):
Дѣло вотъ въ чемъ господа:
Я съ Козломъ, съ Осломъ, съ Медвѣдемъ
Будемъ здѣсь играть квартетъ;
Мы по всѣмъ лѣсамъ поѣдемъ
Удивлять искусствомъ свѣтъ! (*помолчавъ*)
И, навѣрно, хороши
Будутъ наши барыши! (*глядя влѣво*).
Вотъ козелъ идетъ со скрипкой (*глядя вправо*)
И оселъ бредетъ съ альтомъ.
Мы усядемся подъ липкой,
Какъ Мишукъ придетъ съ басомъ,
Да и грянемъ, что есть силъ:
«Въ селѣ малый Ванька жилъ!» (*Играетъ и радостно скачетъ по сценѣ; входитъ Оселъ*).

Оселъ. — Повремени!.. Постой, кума!
Никакъ ты спятила съ ума?
Съ чего ты скачешь, какъ резина?..
Веселью глупость не причина.
Но, впрочемъ, вотъ идетъ сосѣдъ,
Съ тобой онъ спляшетъ хоть балетъ!

И самъ онъ скачетъ непрестанно,
А мнѣ оно немного странно! (*Входитъ козелъ*).

Мартышка (*Уходя напьво ослу*).
—Скажите, какъ сталъ важенъ онъ!

Оселъ (*вслѣдъ мартышкѣ*).
—Не то, что важенъ,—а уменъ!..

Козелъ (*подходя къ ослу*).
Есть на дворѣ у насъ мальчишка:
Сегодня басню онъ долбилъ.
Я всю-то басню позабылъ,
Но, вотъ что говорила книжка:
«Оселъ останется осломъ,
Хоть ты осыпь его цвѣтами
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами!»

Оселъ. (*подумавъ*).—Не буду спорить... И къ чему?
Ты мнѣ не ровня по уму.
Какіе-же съ тобой дебаты?
Ты знай—вы только бородаты!

Козелъ.—А вы, ослы, насчетъ ума
Судьбой обижены весьма.

Оселъ. — Съ тобой мнѣ, братъ, и спорить глупо;
Ты созданъ только для тулупа!

Козелъ (*горячо*).—А ты не годенъ ни къ чему,
Ни по шерсти, ни по уму!..

Вмѣстѣ (*крича*).

$$\frac{\textit{Оселъ}}{\textit{Козелъ}} \text{ останется } \frac{\textit{осломъ}}{\textit{козломъ.}}$$

Хотя осыпь его звѣздами!
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ

Козелъ: | Онъ только хлопаетъ ушами!
Оселъ: | Козлы бодаютъ тамъ рогами! (*Слъва вбѣгаетъ мартышка*).

Мартышка.—Сейчасъ идетъ и Миша къ намъ;
Ну, музыканты, по мѣстамъ! (*Садится сама подъ липкой, напротивъ ея оселъ; козелъ, почти спиной къ зрителямъ садится сбоку. Входитъ медвѣдь*).

Медвѣдь. — Вотъ и я съ віолончелью!
Несъ ее за рукоять:
Задался такою цѣлью,
Что-бъ ее не изломать!
Все на двухъ ногахъ, изволька
Съ версту промаршировать...
Да когда-бы она только (*указываетъ на віолончель*)
А то нѣтъ, тетрадей пять. (*Садится противъ козла*).
Не въ нѣмецкой, иль французской,
Будетъ музыкѣ намъ сласть!
А въ своей родимой русской!..
Будемъ жарить такъ, что страсть!..
Всѣ смычки переломаемъ,
Какъ вчера я предложилъ...

Всѣ (*одушевленно*)—Начинаемъ!.. Начинаемъ!..
«Въ селѣ малый Ванька жилъ!». (*Играютъ крайне нескладно, наконецъ, перестаютъ*).

Козелъ.—Однако, что-то не того!..

Мартышка.—Мы въ нотахъ развернули то-ли?

Оселъ.—Нѣтъ, нѣтъ!..я понялъ отчего...
Навѣрно, мало канифоли!..

Медвѣдь. — Что мочи есть натремъ смычки!..
Неужто всѣ мы не таланты!?
Мартышка. — А я надѣну и очки,—
Ихъ часто носятъ музыканты...
(*Надѣваетъ ихъ себѣ на ухо*).
Медвѣдь — Всѣ въ ноты пристальнѣй смотри!
Мартышка. — Ну, начинайте!... Разъ, два, три!..
(*Играютъ и останавливаются*).
Козелъ.—Опять, какъ будто, чепуха?..
Оселъ.—Знать, канифоль у насъ плоха!
Мартышка.—Стой, братцы!.. Стойте!.. Погодите!..
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите!
Осталѣные.—А какъ-же сѣсть?
Мартышка.—Ты, Мишка, сядь противъ альта;
Я, прима, сяду противъ вторы,—
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та...
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы! (*пересаживаются*).
Всѣ.—Ну, такъ начнемте... Въ этотъ разъ
Навѣрно сладится у насъ.
(*Играютъ еще хуже, но громче. Вновь перестаютъ*).
Оселъ. — Постойте-жъ... Я сыскалъ секретъ,
Что-бъ шелъ, какъ слѣдуетъ, квартетъ:
Мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ. (*Садятся рядомъ и азартно ударяютъ въ смычки; выходитъ еще хуже. Вновь перестаютъ*).
Медвѣдь. — Вотъ что придумалъ, братцы, я
Спросить-бы намъ у соловья.
Всѣ (*горячо*). Да, да!.. Конечно!... Спросимъ, спросимъ
И разсадить квартетъ попросимъ,—
Онъ въ этомъ дѣлѣ насъ хитрѣй. .
(*Изъ глубины лѣса выпархиваетъ соловей*)

Соловей.—Зачѣмъ вамъ нуженъ соловей?
Оселъ (*вставъ, ему*).
Ты потѣшалъ меня разъ пѣсенкой своей,
И я тогда тебѣ еще замѣтилъ,
Что жаль, не слышалъ ты,
Какъ пѣть гораздъ нашъ пѣтелъ,—
Такъ дай и намъ совѣтъ, дружище соловей!..
Медвѣдь (*кланяясь*).
Пожалуйста, возьми на часъ терпѣнья,
Чтобы квартетъ въ порядокъ намъ привесть...
Мартышка. И ноты есть у насъ, и инструменты есть...
Козелъ.—Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!
Соловей. — Что-бъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй!
А вы друзья, какъ ни садитесь
Все въ музыканты не годитесь!
Всѣ (*между собой*).—Да онъ съ ума сошелъ, ей—ей!..
(*соловью*)
Лети назадъ, иль мы тебя поймаемъ
И крылышки твои переломаемъ.
Просили честью мы помочь,
А онъ не только въ насъ талантовъ,—
Не признаетъ и музыкантовъ!..
Лети назадъ!.. Не надо!.. Прочь!..
(*Соловей упархиваетъ. Остальные снова начинаютъ страшную какофонію*).

53. Кукушка и пѣтухъ.

Сперва за сценой раздается нѣсколько разъ: ку-ку! и кукареку!

Кукушка. — Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!

Пѣтухъ. — А ты, кушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ.

Кукушка. — Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова.

Пѣтухъ. — А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Что-бъ начала ты снова.
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,
А пѣсни, что твой соловей!

Кукушка. — Спасибо, кумъ! зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички:
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я.

Воробей. — Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха.
(Двое изъ публики).

Первый. — За что-же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?

Второй. — Зато, что хвалитъ онъ кукушку.

---

54. Двѣ собаки.

Въ открытомъ окнѣ видна Жужу; роль Жужу можетъ исполнять нарядная дѣвочка. Барбосъ — мальчикъ въ вывороченной наизнанку шубѣ.

Чтецъ.—Дворовый вѣрный пёсъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто-бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.

Барбосъ.—Ну, что, Жужутка! какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?

Жужу.—На счастье грѣхъ роптать...
Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?

Барбосъ (*„хвостъ плетью опустя и свой повься носъ“*).
—Живу попрежнему: терплю и голодъ,

И холодъ
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю, и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ-же ты, Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?

Жужу. — Чѣмъ служишь? Вотъ прекрасно!
Ужель не вѣдаешь Жужу:
На заднихъ лапкахъ я хожу!

Настоящую басню можно иллюстрировать живыми тѣнями.

---

55. Пахотникъ и бархатникъ.

Чтецъ. Верховый гордый конь, увидя клячу въ полѣ
Въ работѣ подъ сохой
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ, и не въ холѣ,
Какую гордый конь у барина имѣлъ,
Съ принебреженіемъ на клячу посмотрѣлъ,
Предъ клячею крестьянскою бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ, и сѣмъ хвалился,

Конь. Что? Бывалъ на тебѣ уборъ когда такой,
Каковъ уборъ ты видишь мой,
И знаешь-ли, меня какъ всякій почитаетъ?
Всякъ, кто мнѣ встрѣтится, дорогу уступаетъ;

Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякій похваляетъ,
Тебя-же кто на свѣтѣ знаетъ?

Кляча. — Пошелъ хвастунъ!
Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ-ль со мной считаться.
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ.

Басня удобна для иллюстраціи живыми тѣнями; конь—франтъ, въ шляпѣ, пенсне, съ тростью; кляча—оборванный мужикъ.

---

56. Гуси.

На сценѣ—6 мальчиковъ, изображающихъ гусей; за ними мужикъ съ хворостиной; слѣва, ближе къ зрителямъ, прислушивается къ гомону гусей прохожій.

Чтецъ.—Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:

Гуси (*качая головами*).
—Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто-бы простыхъ гусей, гоняетъ.
(*вытягивая шеи къ мужику*).
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ,
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.
Прохожій.—А вы хотите быть за что отличены?
Гуси (*возвышая голосъ*).—Да наши предки...
Прохожій (*нетерпѣливо перебивая*).—Знаю
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?
Гуси.—Да наши предки Римъ спасли!
Прохожій.—Все такъ, да вы что сдѣлали такое?
Гуси (*съ недоумѣніемъ*).—Мы?.. Ничего.
Прохожій.—Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Чтецъ. — Басню эту можно бы и болѣ пояснить,
(*шопотомъ, прикладывая руку къ губамъ*)
Да не хочу гусей дразнить

---

57. Обиженный зайчикъ.

Дѣти.

Гдѣ ты, заинька, бывалъ,
Гдѣ ты, сѣренькій бывалъ?

Зайчикъ.

Въ огородѣ, дѣточки,
Въ огородѣ, милыя!

Дѣти.

Что ты, зайка, работалъ,
Что ты, сѣрый, работалъ?

Зайчикъ.

Я капустку щипалъ,
Ужъ я бѣлую ломалъ.

Дѣти.

Не обидѣли-ль тебя,
Не поби-ли тебя.

Зайчикъ.

Били, били, дѣточки!
Били, били, милыя!

Дѣти.

Какъ-же били-то тебя,
Какъ-же били-то тебя?

Зайчикъ.

А Катюша помеломъ,
А Марѳуша кулакомъ.

Дѣти.

А еще-то били какъ?
А еще-то били какъ?

Зайчикъ.

Да Дуняшка удала
За усики подрала.

Дѣти.

Плакалъ-ли ты, заинька,
Плакалъ-ли ты, сѣренькій?

Зайчикъ.

Плакалъ, плакалъ, дѣточки!
Плакалъ, плакалъ, милыя.

Дѣти.

Какъ ты плакалъ, заинька,
Какъ ты плакалъ, сѣренькій?

Зайчикъ.

Лапкой рыльце утиралъ,
Отъ слезъ свѣту не видалъ.

58. Судъ Миноса.

Миносъ, съ ослиными ушами, сидитъ на возвышеніи, на стулѣ. По обѣ стороны стоятъ мальчики и дѣвочки, изображающіе животныхъ. Чтецъ.

Чтецъ. Предъ судилище Миноса
Собрался для допроса,
Подлѣ Стиксовыхъ береговъ,
Души блѣдныя скотовъ:
Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, пѣтухъ, индюшка,
Соловей, баранъ съ свиньей
Стали предъ Миносомъ въ строй.

Миносъ.—Говорите, какъ вы жили?
Много-ль въ свѣтѣ вы грѣшили?
(Васъ прошу я, какъ судья).
Начинай хоть ты, свинья!

Свинья *(кланяясь).*—Я нисколько не грѣшила;
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ томъ навозъ:
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!

Баранъ.—Я, баранъ, жилъ тихомолкомъ,
Но на грѣхъ столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ—
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ!

Корова.—Я смиренная корова;
Нраву я была простого!
Грѣхъ мой, право, не великъ:
Ободралъ меня мясникъ.

Попугай.—Хоть слыву я попугаемъ,

Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ.

Котъ. — Я котомъ служилъ на свѣтѣ
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ.
Этотъ грѣхъ, по чести, малъ!

Соловей. — Я, пичужка, вѣчно пѣла;
По-эллински: филомела,
А по русски—соловей.
Не грѣшна ни въ чемъ, ей-ей.

Моська. — Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ.
Пощади меня, Миносъ!

Пѣтухъ. — Я, пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи!
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку!

Индюшка. — Я индюшка хлопотунья,
Пустомеля и болтунья;
У меня махровый носъ.
Не покинь меня, Миносъ!

Воронъ. — Воронъ я, вѣщунъ и плакса,
Былъ я черенъ такъ, какъ вакса;
Каркалъ часто на бѣду,
Радъ я каркать и въ аду.

Чтецъ. Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ...
И ни слова не сказалъ...

59. Рождественскій гимнъ.

Возрождается міръ:
Народился Христосъ...
Всѣ, кто бѣденъ и сиръ,
Кто страданій не снесъ,—
Всѣ, кто сердцемъ болѣлъ
И душой изнемогъ
Между низменныхъ дѣлъ
И житейскихъ тревогъ, —
Всѣ придите къ Нему,—
И Младенецъ-Христосъ
Просвѣтитъ вашу тьму
И избавитъ отъ слезъ!..

---

60. Елка въ школѣ.

Въ школѣ шумно; раздается
Бѣготня и шумъ дѣтей...
Знать они не для ученья
Собрались сегодня въ ней.
Нѣтъ! Рождественская елка
Въ ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Дѣтокъ радуетъ она.
Дѣтскій взоръ игрушки манятъ—
Здѣсь лошадки, тамъ волчокъ,

Вотъ желѣзная дорога,
Вотъ охотничій рожокъ.
А фонарики, а звѣзды,
Что алмазами горятъ!
А орѣхи золотые!
А прозрачный виноградъ!
Будьте-жъ вы благословенны,
Вы, чья добрая рука,
Убирала эту елку
Для малютокъ бѣдняка!
Рѣдко, рѣдко озаряетъ
Радость свѣтлая ихъ дни,
И весь годъ имъ будутъ сниться
Елки яркіе огни.

---

61. Елка.

Одиноко выростала
Елка стройная въ лѣсу,
Холодъ смолоду узнала,
Часто видѣла грозу.
Но, покинувъ лѣсъ родимый,
Елка бѣдная нашла
Уголокъ гостепріимный,
Новой жизнью зацвѣла.
Вся огнями освѣтилась,
Въ серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
Въ лучшій міръ перенеслась.
Дѣти нужды и печали!

Точно елку, васъ, сиротъ,
Материнскн приласкали
И укрыли отъ невзгодъ.
Обогрѣли, пріютили,
Святъ и свѣтелъ вашъ пріютъ,
Здѣсь васъ рано научили
Полюбить добро и трудъ.
И добра живое сѣмя
Не на камень упадетъ:
Дастъ Господь, оно во время
Плодъ сторичный принесетъ.
Начатъ сѣвъ во имя Бога,
Подрастайте въ добрый часъ!
Жизни тѣсная дорога
Пораздвинется для васъ.
Не невзгода-ль васъ застанетъ
На пути, или порокъ
Сѣти хитрыя разставитъ,—
Дѣтства помните урокъ.
Для борьбы дана вамъ сила;
Не родное по крови
Вамъ свѣтъ истины открыло
Сердце, полное любви.
И о немъ воспоминанье
Да хранитъ васъ въ дни тревогъ,
Въ пору счастья и страданья,
Какъ добра святой залогъ.

Примѣчаніе. Настоящее стихотвореніе И. С. Никитина недавно открыто въ бумагахъ княгини Е. П. Долгорукой; очевидно, оно предназначалось для прочтенія на елкѣ въ какомъ-либо дѣтскомъ сиротскомъ пріютѣ.

62. Привѣтъ.

Наступили святокъ
Радостные дни,
И зажглись на елкахъ
Яркіе огни.
Въ нашей школѣ тоже
Елка зажжена...
Насъ своимъ нарядомъ
Радуетъ она.
Пусть спасибо наше
Примутъ въ добрый часъ
Тѣ, кто этой елкой
Подарили насъ.
Просимъ отъ души мы
Дорогихъ гостей:
Здравствуйте! Примите
Нашъ привѣтъ скорѣй!

---

63. Зима.

Снѣгомъ улица покрылась;
Вотъ ужъ и сама
Въ гости къ намъ заторопилась
Бабушка зима.
Вся подъ бѣлой пеленою
Елочку несетъ

И, мотая головою,
Пѣсенку поетъ:
«Дѣти! къ вамъ, на радость вашу,
Елку я несу...
Елку всю я изукрашу,
Лакомствъ припасу.
Будутъ всякія игрушки:
Мячики, коньки,
Избы, куклы, погремушки,
Звѣри и волчки.
А коль есть шалунъ-проказникъ,
То скажу я вамъ,
Что такому я на праздникъ
Ничего не дамъ».

---

64. На Рождество.

Еще тѣ звѣзды не погасли,
Еще заря сіяетъ та,
Что озарила міру ясли
Новорожденнаго Христа...
Тогда—ведомые звѣздою,
Чуждаясь ропота молвы,
Благоговѣйною толпою
Къ Христу стекалися волхвы...
Пришли съ далекаго Востока,
Неся дары съ восторгомъ грезъ,
И былъ отъ Иродова ока

Спасенъ властительный Христосъ.
Прошли вѣка... И онъ распятый,
Но все по прежнему живой—
Идетъ, какъ истины глашатай,
По нашей пажити мірской;
Идетъ,—по прежнему обильный
Святыней, правдой и добромъ,
И не поборетъ Ироду сильный
Его предательскимъ мечемъ...

---

65. Легенда.

Отошла заутреня недавно.
Сколько звѣздъ сіяетъ въ вышинѣ!
Холодъ крѣпнетъ. Весело и славно.
Снѣгъ хруститъ въ морозной тишинѣ.
Въ эту ночь слетаетъ съ небосвода
Свѣтлый ангелъ, посланецъ Творца;
Въ ожиданьи чуднаго прихода
Сладко бьются дѣтскія сердца.
Онъ летитъ сіяющій, счастливый;
Въ трубы мирно дремлющихъ домовъ
Онъ рукой бросаетъ торопливой
Вороха игрушекъ, леденцовъ.
Но свое окончивъ порученье,
Замѣчаетъ посланецъ святой
Бѣдный домикъ на краю селенья,
Весь закрытый снѣжной пеленой.

Лишь для этой, маленькой избушки
Не принесъ съ собой онъ ничего.
Что-же дѣлать? Ни одной игрушки
Не осталось больше у него.
Съ малолѣткомъ внукомъ сиротою
Здѣсь старуха дряхлая живетъ,
И, съ трудомъ борясь съ нуждою,
Пропитанье скудно достаетъ.
Дровъ не видно въ очагѣ потухшемъ,
Что-же тамъ чернѣется въ углу?
То поставленъ мальчикомъ уснувшимъ
Башмачекъ въ холодную золу.
Но, увы! у ангеловъ прекрасныхъ
Нѣтъ съ собою денегъ никогда.
О, ужель, не облегчивъ несчастныхъ,
Улетѣть онъ долженъ навсегда?
Нѣтъ! Господь не огорчитъ сурово
Такъ спокойно спящее дитя!
Добрый анѣлъ улетаетъ снова,
Въ тишинѣ крылами шелестя,
Къ небосклону быстро онъ стремится,
Гдѣ, какъ въ сказочномъ саду,
Столько звѣздъ-фонариковъ искрится—
И срываетъ свѣтлую звѣзду.
Торопливо звѣздочки коснувшись,
Онъ ее въ червонецъ обратилъ
И потомъ, счастливо улыбнувшись,
Въ башмачокъ сиротки опустилъ.
И домой, въ небесный садъ лучистый,
Въ свѣтлый рай летитъ поспѣшно онъ,
Предъ Младенцемъ съ Матерью Пречистой

Предстаетъ онъ, робокъ и смущенъ.
Но Христосъ съ улыбкой благодарной
На него привѣтливо взглянулъ
И къ коронѣ Дѣвы лучезарной
Торопливо ручку протянулъ.
Изъ вѣнца, сіявшаго роскошно,
Снявъ звѣзду всѣхъ ярче и свѣтлѣй,
«Отнеси,—сказалъ Онъ,—осторожно
Ты ее на мѣсто поскорѣй».
Съ этихъ поръ никто въ ученомъ мірѣ
Разгадать не можетъ никогда,
Отчего въ безоблачномъ эфирѣ
Засіяла ярче та звѣзда.

---

66. Вечеръ на Рождество.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ,
Голодный звѣрь въ ущельѣ вылъ,
Въ селѣ далекомъ лаетъ песъ;
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ,
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ. Завтра Рождество.
Глухою снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой;
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора.
Имъ пищей служитъ лишь кора.
Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;

Вдругъ отрокъ видѣнъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ.
И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.
«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой».
И онъ озябшаго беретъ.
Вотъ, наконецъ, онъ у воротъ;
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.
У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди-жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дите къ огню ведетъ она.
И черезъ мигъ послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И кринку съ жирнымъ молокомъ.
Ихъ полъ для жданнаго денька
Соломой былъ покрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ
И также къ ужину ведетъ.
Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.

«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.
Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена,
И смотритъ—смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ:
Въ очахъ, какъ на небѣ свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтливъ ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ.
Денница радости взошла,
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.
Чрезъ много зимъ на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ:
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того-жъ стола сидѣлъ.
Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ;

Молитвой воздухъ тамъ дышалъ,
И вѣрилось: обитель та,
Какъ нѣкій храмъ, была свята.
Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ);
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко,
Но ихъ не трогаетъ никто.
—«Чье это мѣсто?»—Я спросилъ.
—«Тамъ», мнѣ сказали:—«Ангелъ былъ».

---

67. Поле и школа.

Люди пашутъ поле,
Зерномъ посыпаютъ;
Дѣти ходятъ въ школу
Слово Божье слушать.
Зернышко ложится
Въ мягкую землицу;
Слово Божье входитъ
Въ души молодыя.
Дождемъ землю смочитъ,
Солнышкомъ пригрѣетъ;
Умнымъ словомъ, лаской
Душу согрѣваютъ.

Подъ землей, въ потемкахъ
Не улежатъ зерна:
Не загинетъ въ сердцѣ
Доброе ученье.
Выглянутъ посѣвы
Яриной зеленой;
Скажется ученье
Умными рѣчами.
Поле обольется
Жатвой золотистой;
Взойдетъ Божье слово
Добрыми дѣлами.

---

68. Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ,
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли,
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно—
И въ терніи дикомъ заглохло оно
Напрасно шелъ дождь и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою:
Одни за другими проходятъ года—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко, и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышетъ...
Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышитъ.

69. Въ школу.

Въ сонномъ воздухѣ сверкаетъ
Первый чистенькій снѣжокъ
И румянитъ людямъ щеки
Легкій зимній холодокъ.
Солнце на небо восходитъ...
Встаньте, дѣти! Полно спать!
Школа близко—по морозу
Можно славно пробѣжать.
Вотъ и школа: эти доски,
И скамейки, и столы,
Все вамъ близко, все знакомо,
Даже самые углы.
Встрѣтитъ въ комнатѣ уютной
Васъ толпа друзей—ребятъ,
Въ ней теперь и смѣхъ, и говоръ
Несмолкаемо гремятъ.

---

70. Призывъ къ труду.

Дѣти! солнышко взошло
И сіяетъ надъ вами,
Осыпая село
Золотыми лучами.
Ярче трепетныхъ звѣздъ

Надъ верхушкой дубравы
Въ небѣ искрятся: крестъ
И церковныя главы.
Славный будетъ денекъ!
Впрочемъ, что-жъ вы сидите?
Не пора-ль за урокъ?
Дѣти! въ школу идите!

На муравкѣ—роса,
А цвѣты—заглядѣнье;
Всюду птицъ голоса,
Щебетанье и пѣнье.
Чудно птичка поетъ
На зелененькой вѣткѣ,
Тепло гнѣздышко вьетъ:
Скоро вырастутъ дѣтки!
И у ней иногда
Есть забота... Поймите:
Жить нельзя безъ труда...
Дѣти! въ школу идите!

---

71. Возвращеніе изъ школы.

Изъ школы дѣти возвратились,
Какъ разрумянилъ ихъ морозъ!
Вотъ у крыльца, хвостомъ виляя,
Встрѣчаетъ ихъ лохматый песъ.
Они погладили Барбоску,

Онъ нѣжно ихъ лизнулъ въ лицо,
И съ звонкимъ хохотомъ взбѣжали
Малютки живо на крыльцо.
Стучатся въ двери; отворяетъ
Съ улыбкой доброй няня имъ:
— Пришли! Небось, ужъ захотѣлось
Покушать птенчикамъ моимъ!
Снимаетъ съ мальчика тулупчикъ
И шубку съ дѣвочки она;
Черты старушки просвѣтлѣли,
Любовь въ глазахъ ея видна.
И, чмокнувъ няню, ребятишки
Пустились въ комнаты бѣгомъ;
Трясется полъ подъ ихъ ногами,
Весь ожилъ старый, тихій домъ!
Отецъ угрюмъ; онъ въ кабинетѣ
Все что-то пишетъ. Въ спальнѣ мать
Лежитъ больная: мигомъ дѣти
Къ ней забрался на кровать.
Вотъ мальчикъ съ гордостью тетрадку,
Изъ сумки вынувъ, показалъ:
— Смотри-ка, мама, двѣ странички
Я безъ ошибокъ написалъ!—
— А я сегодня рисовала,—
Сказала дѣвочка:—взгляни,
Какая сосенка густая,
А возлѣ—кустики и пни.
Вѣдь все сама я, право, мама:
Не поправлялъ учитель мнѣ...—
И мать недугъ свой забываетъ,
Внимая дѣтской болтовнѣ.

Всталъ и отецъ изъ-за работы,
Звенящій слыша голосокъ:
— Ну, что вы, крошки, хорошо-ли
Сегодня знали свой урокъ?—
Спрыгнувъ съ кровати, въ перегонку
Бѣгутъ они обнять отца...
И грусть мгновенно исчезаетъ
Съ его усталаго лица.
И даже солнышко, казалось
Въ окно смотрѣло веселѣй
И блескомъ яркимъ осыпало
Головки русыя дѣтей;
И птичка въ клѣткѣ тѣсной, вторя
Веселымъ дѣтскимъ голосамъ,
Не умолкая заливалась,
Какъ-бы навстрѣчу вешнимъ днямъ.

---

72. Школьникъ.

Ну, пошелъ-же ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ.
Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.
Вижу я въ котомкѣ книжку.

Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батько на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.
Знаю старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ,
Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ? Ну, что-жъ?
Случай тоже ужъ не новый—
Не робѣй, не пропадешь!
Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ,—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ—
Сонъ свершится на яву!
Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай,
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильно любящихъ душой,
Посреди тупыхъ холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

73. Школьники.

(Стихотвореніе крестьянина, прочитанное на праздникѣ 10-лѣтія училища).

Изъ мглы минувшаго встаютъ передо мною
Тѣ невозвратные, причудливые дни,
Которые провелъ я давнею порою
Среди безпечно-рѣзвой школьниковъ семьи.
Какъ вспоминать люблю, друзья,
О школьной жизни я!
Какъ часто въ тишинѣ ночей
Мечтаю я о ней.
Ужъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ первый былъ наборъ.
Припомнишь Гришекъ, Ванекъ... насъ
Нагнали полонъ классъ.
Остригли всѣхъ насъ, какъ солдать,
Гони хоть въ Асхабадъ.
Не знали Гришки, Ваньки — мы
Ни свѣта и ни тьмы.
И лишь оборванной толпой
Съ поднятой головой
Мы поднимали шумъ и гамъ
Такой, что просто срамъ.
Случилось: нищаго съ сумой
Встрѣчая, мы толпой
Орали: „трепку дать ему!
Стащить съ него суму“!..

Но нищій палкой намъ грозилъ
И, бѣдный, уходилъ...
Смѣялись мы надъ старикомъ,
Бранились съ дурачкомъ...
Да, да, мы были шалуны!
И часто не скромны.
Но школа выучила насъ
И сдѣлала изъ насъ
Людей, способныхъ разсуждать,
Что школа—наша мать.
Учитель славный былъ у насъ
И видѣлъ, что есть въ насъ.
Теперь вотъ говорю, друзья,
Ему спасибо я.

---

74. На юбилеѣ училища.

(Стихотвореніе ученицы Петинскаго училища—Дочкиной, прочитанное на юбилеѣ 29 декабря 1894 года).

Десять лѣтъ тому назадъ
Здѣсь училище открыли;
Десять лѣтъ у насъ ребятъ
Уму-разуму учили:
И молиться, и считать,
Книжки умныя читать,
И разсказывать толково,
Письма складныя писать
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

Наша школа и тепла,
И доступна, и просторна
Для ребятъ всего села,
Да и учатъ въ ней проворно.
Всѣмъ даетъ она добро,
Всѣмъ и книжку и перо.
А посмотришь: все въ ней пусто,
Хоть бы сотня набралась;
А посмотришь: все негусто
Грамотеями у насъ.

Плохо наши мужики
Пользу школы понимаютъ;
Неохотно старики
Насъ въ науку отпускаютъ;
„Для-ча, молъ, наука намъ,
Черносошнымъ мужикамъ?
Наши дѣды не читали,
Не учились письменамъ,
Только ѣли, пили, спали
И служили господамъ“.

Десять лѣтъ еще пройдутъ,—
Дѣло двинется живѣе:
Въ эту школу набѣгутъ
Дѣти нашихъ грамотеевъ.
Тотъ, кто грамоту позналъ
И свѣтъ Божій увидалъ,
Тотъ не будетъ безъ причины,
Какъ упрямый дураломъ,

Оставлять родного сына
Безъ науки, слѣпышомъ.

Наконецъ, пора придетъ,
Благодатная настанетъ:
Просвѣтится весь народъ,
Всѣ крестьянки и крестьяне.
Вотъ тогда-то мужики
Жизнь наладятъ по-людски:
Честно, дружно и толково
Будутъ жить и работать,
И ученіе Христово
Понимать и соблюдать.

---

75. Привѣтъ.

Привѣтъ тому, кто безъ смущенья,
Съ глубокой думой на челѣ,
На трудный подвигъ просвѣщенья
Смиренно вышелъ на селѣ,
Кто знамя свѣтлое науки,
Гдѣ тьма царила, водрузилъ,
Что-бъ свѣтъ Христа познали внуки,
Что-бъ мракъ имъ больше не грозилъ,
Привѣтъ грядущимъ поколѣньямъ:

Да возрастетъ во всѣхъ концахъ
Любовь къ возвышеннымъ стремленьямъ
Въ облагороженныхъ сердцахъ.

Примѣч. Прочитано на празднованіи 25-ти лѣтія Борисовскаго 2-хъ класснаго училища Бѣлозерскаго уѣзда 1 января 1896 г.

---

76. Слава.

Безначальному, безконечному
Богу-Господу, солнцу вѣчному
Слава!
Свѣту разума животворному,
Грозной темени непокорному,
Слава!
Нашей родинѣ, царству сильному,
Высшей благостью изобильному
Слава!
Міру Божьему, христіанскому,
Труду честному и крестьянскому
Слава!
Храбрымъ воинамъ и хранителямъ,
Мудрымъ книжникамъ—просвѣтлителямъ
Слава!
Зерна общаго блага сѣющимъ,
Чувства братскія къ намъ лелѣющимъ
Слава!
Гусляру—пѣвцу голосистому,
Хору стройному серебристому
Слава!

Оглавленіе.

(Статьи со звѣздочкой подвергнуты измѣненіямъ).

I. Практическія указанія устроителямъ праздниковъ.

	стр.
Содержаніе школьнаго праздника. Чтеніе . .	5
Устройство сцены . . .	7
Разучиваніе пьесъ . . .	8
Живыя картины	—
О свѣтовомъ фонарѣ . .	9
Силуэты	10
Живыя тѣни	—
Содержаніе школьнаго праздника. Пѣніе . . .	11
Пѣсни съ движеніями . .	12
Ролевыя пѣсни	13
Декламація	14
Игры и украшеніе школы	15
Литературные вечера . .	—
Вечеръ памяти Пушкина	15
Вечеръ памяти Петра Великаго	17
Вечеръ памяти Освобожденія крестьянъ . . .	—
Вечеръ памяти Гоголя . .	18
Вечеръ памяти Жуковскаго	—
Вечеръ пам. Лермонтова	19
Вечеръ памяти Никитина	20
Вечеръ памяти Кольцова	—
Вечеръ памяти Крылова	21
Праздникъ годовщины школы	—
Рождественская елка . .	24

II. Статьи для ролевого исполненія.

1. Мама. Косяковъ	25
2. Мать и дѣти	26
3. Бабушка и внучекъ .	—
4. Любопытство. Ушинскій.	29
5. Ряженые. Глазуновъ* .	31
6. Лѣсникъ и его внукъ	38
7. Жена ямщика. Никитинъ*	40
8. Встрѣча. Косяковъ* . .	43
9. На дорогѣ. Новиковъ* .	44
10. Сельская школа . . .	46
11. Перемѣна. Грековъ . .	50
12. Поздравленіе. Глазуновъ*	55
13. Урокъ. Беранже . . .	63
14. Урокъ Галиматьяса*	66
15. Городской и сельскій .	71
16. Кіевъ. Хомяковъ	72
17. Знатный край. Аксаковъ	73
18 Игра. Карповъ	75
19. Орѣхъ	76
20. Скряга	78
21. Любопытный. Крыловъ.	80
22. Демьянова уха. Его же*	81

	стр.
23. Два мужика. Его же	82
24. Крестьянинъ въ бѣдѣ. Крыловъ*	84
25. Булочникъ и трубочистъ	85
26. Какъ аукнется, такъ и откликнется	86
27. Лжецъ. Крыловъ	87
28. Лукичъ на ярмаркѣ. Никитинъ*	90
29. Ночлегъ извозчиковъ*	95
30. Купецъ. Крыловъ*	99
31. Бритвы. Его же*	100
32. Братья - разбойники. Пушкинъ*	101
33. Ив. Ивановичъ и Ив. Никифоровичъ. Гоголь*	106
34. Чичиковъ у Манилова. Его же*	113
35. Чичиковъ у Коробочки. Его же*	120
36. Русскій лѣтописецъ. Пушкинъ	127
37. Козьма Мининъ. Островскій	134
38. Кочубей въ тюрьмѣ. Пушкинъ	140
39. Ученье Митрофанушки. Фонвизинъ*	144
40. Экзаменъ Митрофанушки. Его же*	150
41. Отставной солдатъ. Дельвигъ	154
42. Бородино. Лермонтовъ.	159
43. Бѣглый. Полонскій	163
44. Мальчикъ и птичка. Плещеевъ	164
45. Пойманная птичка. Изъ журн. Пчельниковой	165
46. На чужбинѣ. Никитинъ	167
47. Соловей въ неволѣ. Цыгановъ	—
48. Малиновка. Минаевъ	168
49. Осиротѣлая птичка. Загоскинъ	169
50. Птичка. Плещеевъ	170
51. Мотылекъ	171
52. Музыканты. Калашниковъ	172
53. Кукушка и пѣтухъ. Крыловъ*	177
54. Двѣ собаки. Его же	178
55. Пахотникъ и бархатникъ. Хемницеръ	179
56. Гуси. Крыловъ	180
57. Обиженный зайчикъ. Изъ сб. Даля*	182
58. Судъ Миноса. Жуковскій.	183
59. Рождественскій гимнъ. Лебедевъ	185
60. Елка въ школѣ. Плещеевъ	—
61. Елка. Никитинъ	186
62. Привѣтъ	188
63. Зима. Соллогубъ	—
64. На Рождество. Фофановъ	189
65. Легенда. Ф. Коппе	190
66. Вечеръ на Рождество. Гротъ	192
67. Поле и школа	195
68. Притча о сѣятелѣ. Жемчужниковъ	196
69. Въ школу. Михайловъ	197
70. Призывъ къ труду. Пановъ	—
71. Возвращеніе изъ школы. Плещеевъ	198
72. Школьникъ. Некрасовъ	200
73. Школьникъ. Ст. крестьянина	202
74. На юбилеѣ училища. Ст. ученицы	203
75. Привѣтъ. Вересовъ	204
76. Слава. Пановъ	206